

2629.3

Т. Г. Морщакова

И. Л. Петрухин

Оценка качества судебного разбирательства

по уголовным делам

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Т. Г. Морщакова
И. Л. Петрухин

**Оценка качества
судебного
разбирательства**
(по уголовным делам)

Ответственный редактор
доктор юридических наук
О. П. ТЕМУШКИН

МОСКВА «НАУКА»

1987

Монография посвящена процессуальным формам оценки качества судебного разбирательства по уголовным делам, а также статистическим и социологическим методам оценки осуществления правосудия, которые могут быть использованы вышестоящими судами и органами юстиции. Подчеркивается роль оценки качества судебного разбирательства в механизме социального управления правосудием. Рассматриваются методы социологического изучения уровня латентных судебных ошибок.

Рецензенты: Н. И. БАШКАТОВ, О. А. ГАВРИЛОВ

Введение

В ст. 4 Конституции СССР сказано: «Советское государство, все его органы действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан»; «Государственные и общественные организации, должностные лица обязаны соблюдать Конституцию СССР и советские законы». Эти положения Основного закона Советского государства требуют неуклонного укрепления законности в деятельности правоохранительных органов, включая органы правосудия. В то же время Конституция СССР, детально регламентируя принципы правосудия, исходит из того, что судебная процедура является лучшей гарантией правильного рассмотрения и разрешения гражданских и уголовных дел.

Задачи совершенствования всех форм судебной защиты интересов общества и отдельных граждан решаются постоянно.

В правосудии, как и в других областях общественной и государственной жизни, КПСС ориентирует на повышение требований к качеству всей государственной деятельности.

«Необходимо настойчиво поднимать ответственность кадров правоохранительных и других органов, связанных с практическим применением законов, охраной правопорядка, социалистической собственности, законных интересов советских граждан, решительно повышать эффективность прокурорского надзора, уровень работы судов...»¹ В соответствии с этими установками XXVII съезда КПСС ЦК партии принял в ноябре 1986 г. постановление «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан», в кото-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат. 1986. С. 109—110.

ром указал, что «проведение курса на ускорение социально-экономического развития, демократизацию всех сторон общественной жизни, повышение творческой активности масс неотделимо от укрепления социалистической законности и правопорядка, обеспечения надежной охраны конституционных прав и законных интересов советских граждан...», что «работа, направленная на обеспечение социалистической законности и правопорядка... не является еще достаточно эффективной и не в полной мере отвечает требованиям времени», что «в повседневной практике государственных... органов нередко допускаются серьезные отклонения от правовых норм...» и что каждый такой случай, «кем бы он ни допускался, должен получать принципиальную острую оценку, подвергаться суровому осуждению, а лица, виновные в этом, по всей строгости наказываться»².

В области осуществления правосудия последовательное выполнение указанных требований невозможно без информации о качестве работы органов судопроизводства. В. И. Ленин писал: «Если бы мы нашу собственную практику... изучали детально, подробно, то мы сотни лишних «разногласий» и принципиальных ошибок... избежали бы»³. Подчеркивая громадное значение судов в социалистическом строительстве, он называл «учет реальных результатов» их деятельности «азбукой всей юридической работы»⁴.

В настоящее время, когда должны быть обеспечены ускорение социально-экономического развития и укрепление социалистической правовой системы, важно, чтобы основой оценки работы каждого правоохранительного органа было «эффективное решение стоящих перед ним задач»⁵.

В связи с этим необходимо последовательное рассмотрение теоретических основ и практических потребностей оценки уголовно-процессуальной деятельности судов.

В юридической литературе последнего десятилетия справедливо уделяется большое внимание общим тре-

² Правда. 1986. 30 нояб.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 207.

⁴ Там же. Т. 44. С. 397.

⁵ Кудрявцев В. Н. Ускорение социально-экономического развития и задачи ученых-юристов // Сов. государство и право. 1986. № 7. С. 10.

бованиям теории социального управления. Исходя из указанных требований, получение, обобщение и анализ информации о деятельности судов рассматриваются как одна из центральных функций управления судебной системой⁶. Оценка уровня достижения целей, стоящих перед судопроизводством, предшествует подготовке и принятию решений по руководству судебной практикой, позволяет судить об эффективности осуществленных мер⁷.

Речь идет, конечно, об управлении судебной системой в широком смысле, включающем в себя и законодательную регламентацию судопроизводства, и руководящую деятельность вышестоящих судов во всех ее процессуальных и внепроцессуальных формах, и роль организационного руководства судами со стороны Министерства юстиции⁸, и влияние на судебную деятельность системы выборов и подотчетности судей, и социальный контроль в судопроизводстве.

Для осуществления руководства судами во всех перечисленных формах и повышения эффективности правосудия необходимо совершенствование существующей системы оценочной информации об уголовном судопроизводстве.

Изучение эффективности правосудия в конечном счете всегда связано с характеристикой степени достижения стоящих перед правосудием целей, т. е. предполагает статистическое исследование уровня данного вида деятельности в целом или отдельных ее этапов по достаточно большому количеству дел. Поэтому неверно говорить об эффективности рассмотрения отдельного дела, об эффективности конкретного приговора⁹. Попытка выделить и исследовать эффективность приговора как отдельного правоприменительного акта, предпринятая М. Ф. Маликовым, представляется теорети-

⁶ См.: Алексеева Л. Б., Михайловская И. Б. Показатели эффективности уголовного судопроизводства и некоторые вопросы оценки работы судебных органов // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 24. С. 42.

⁷ О стадиях (этапах) управления см. также: Михеев В. И. Социально-психологические аспекты управления. М., 1975. С. 15; Бахрах Д. Н. Основные понятия теории социального управления. Пермь, 1978. С. 86.

⁸ См.: Кашепов В. П. Государственное руководство судами // Правоведение. 1978. № 2. С. 21—23, 27.

⁹ См.: Маликов М. Ф. Эффективность приговора в советском уголовном процессе: Вопросы теории и практики / Под ред. М. С. Брагинна. Саратов, 1982.

чески необоснованной и практически бесполезной. Хотя автор формально признает справедливость мнения М. Н. Андрищенко о том, что «эффективность есть количественная характеристика отношения цели... и... ее конструктивного решения», однако вопреки этому положению пытается все же выделить понятие «эффективность» в отношении отдельного приговора. При этом автор ничем не аргументирует свою точку зрения о том, что «эффективность приговора» отличается от понятий законности и обоснованности приговора, и, по существу, не может отграничить эффективность приговора от эффективности правовых норм и правоприменительной деятельности, от эффективности различных видов уголовного наказания и исправительно-трудового воздействия на осужденных и даже от эффективности всей системы мер борьбы с преступностью¹⁰. Поэтому и в качестве показателей «эффективности» приговора в указанной работе предлагается использовать статистические данные о преступности, об отмене и изменении приговоров, о структуре судебных ошибок, об удельном весе оправдательных приговоров, об индивидуализации наказания, о рецидиве и т. д., т. е. статистические характеристики различных аспектов деятельности судов и ее социальных и криминологических результатов. Ясно, что «эффективность» приговора такими показателями не измеряется.

В связи с этим следует иметь в виду, что приговор — акт правоприменительной деятельности, а «неуклонное исполнение норм, адресованных правоприменителю, характеризует не эффективность» правоприменительных актов, а такое их свойство, как качество¹¹.

Статистическое исследование уровня эффективности правосудия возможно, естественно, только на базе оценки качества рассмотрения и разрешения конкретных дел. Отсюда необходимость выделить качественные признаки, которые: а) позволяют делать выводы о законности и обоснованности разрешения конкретного дела; б) должны были бы изучаться в ходе анализа судебной практики как наиболее существенные характеристики судебного разбирательства; в) могли бы послужить основой для количественных измерений основ-

¹⁰ Там же. С. 14, 23, 50, 56, 67, 69, 72 и др.

¹¹ См.: Правоприменение в советском государстве. М.: Юрид. лит., 1985, С. 92, 94.

ных качественных параметров судебной деятельности по рассмотрению уголовных дел.

В теории уголовного процесса, и в частности в работах по эффективности правосудия, указанные качественные признаки рассматриваются. Однако пока не ставилась задача определить их достаточный и необходимый минимум, сведения о котором следует собирать с помощью документов первичного учета и накапливать в качестве основы для последующего анализа.

В литературе подчеркивается, что «выбор критериев оценки правоохранительной деятельности» относится к нерешенным проблемам¹². Составной частью этой проблемы является и разработка показателей деятельности судов. Начало решения указанной задачи в области правосудия по уголовным делам связано с оценкой качества рассмотрения и разрешения уголовных дел.

Оценка качества судебных решений по уголовным делам отличается значительным своеобразием по сравнению с контролем за правильностью и оценкой качества решений в любой другой области.

Это связано, во-первых, с тем, что вынесение судебного приговора обеспечивает охрану определенных общественных отношений прежде всего путем применения санкций к правонарушителю. Прогностическая задача судебного приговора, естественно, при этом не отрицается, но ограничивается обязанностью суда применить такие уголовно-правовые санкции, которые обеспечили бы превентивное воздействие наказания. В остальном же качество судебных решений определяется не тем, насколько они будут способствовать дальнейшему развитию общественных отношений. Роль судебной деятельности в решении этой задачи обеспечивается точным применением судами норм материального и процессуального закона, направленного непосредственно на охрану и регуляцию определенных общественных отношений и учитывающего их необходимые перспективы. Эти функции закона точно отражены в латинском выражении: «*Lex prospicit, non respicit*» («Закон смотрит вперед, а не назад»). Оценка же судебного решения должна строиться в первую очередь

¹² См.: Ларин А. М. К прогнозу развития советского уголовного процесса // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. М., 1985. С. 35.

на ретроспективном анализе соответствия его содержания и формы требованиям закона.

Объективный и единый подход к оценке результатов судебной деятельности и обеспечивается тем, что критерием такой оценки всегда являются требования, предъявляемые законом, касается ли это установления и оценки юридических фактов, с которыми связаны судебные решения, или порядка и формы вынесения этих решений. Такая ориентация на закон при оценке качества рассмотрения и разрешения дел с необходимостью вытекает из важнейших принципов правосудия: независимости судей и подчинения их только закону, из принципа осуществления правосудия в точном соответствии с законом, из равенства граждан перед законом и судом.

Оценка качества рассмотрения дел в зависимости от соответствия судебных решений требованиям закона и воплощает указанные принципы, и служит их дополнительному обеспечению.

Вторая особенность оценки качества судебных решений — ее неотделимость от оценки качества всей предшествующей решению деятельности органов судопроизводства. Это вытекает из логики связи результата деятельности с процессом ее осуществления, из признания установленной законом процессуальной формы гарантией правильности судебных решений по существу, из того, что в уголовном судопроизводстве результат представляет собой единое, неразрывное целое с процессом его создания, становления, достижения¹³. Оценка качества предшествующей вынесению приговора судебной деятельности имеет особое значение еще и потому, что судьи должны быть внутренне — морально, психологически — пригодны и профессионально подготовлены к осуществлению правосудия. Но решающим методом оценки кадров также является «универсальная по существу проверка в ходе практической деятельности»¹⁴. К оценке деловых качеств судей в

¹³ См.: *Киришин Ю. Я.* О критериях эффективности работы руководителей // Научное управление обществом/Под ред. В. Г. Афанасьева. М., 1975. Вып. 9. Эта проблема тщательно рассмотрена в уголовно-процессуальной литературе многими авторами. Ей уделено значительное внимание в работах А. Л. Ривлина, А. С. Кобликова, П. А. Лупинской, Э. Ф. Кудовой, А. В. Лиезде и др.

¹⁴ Управление и проблема кадров/Под ред. Г. Х. Попова, Г. А. Джавадова. М.: Экономика, 1972. С. 90.

полной мере относятся слова Ф. Энгельса о том, что «личность характеризуется не только тем, что́ она делает, но и тем, как она это делает»¹⁵.

Получить ответ на указанный вопрос невозможно на основе статистических характеристик результатов судебной деятельности в целом, исходя из количества правильных и неправильных судебных решений, и даже на основе статистических и социологических данных о видах и распространенности допускаемых судами ошибок. Статистический подход, имея свои особенности и ряд преимуществ¹⁶, в то же время характеризуется таким уровнем абстрактности оценок, который не позволяет собрать всесторонние сведения о качестве рассмотрения конкретного дела и уровне работы отдельного судьи. Между тем эти оценки необходимы как для обеспечения законности в судопроизводстве при рассмотрении каждого дела, так и для совершенствования подготовки и подбора судейских кадров. Поэтому задачи контроля в судопроизводстве усложняются, а требования к его качеству, конкретности, систематичности, которые и в управленческой деятельности — необходимые критерии уровня управления, возрастают.

Третья особенность оценки качества рассмотрения дел в судах заключается в том, что объектом оценки является деятельность выборных подотчетных избирателям независимых судей. Однако, как правильно отмечалось в работах, посвященных совершенствованию уголовного судопроизводства, конституционные принципы независимости, выборности и подотчетности судей только избирателям «не ограничивают объем и способы получения информации о работе судебных органов». Важно, что в силу указанных принципов «любому государственному органу и должностному лицу» запрещается на основе полученной информации решать «вопрос об удалении судьи с должности или его перемещении на иную судебную должность»¹⁷, а также вмешиваться в рассмотрение конкретных дел. Вместе

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 492.

¹⁶ См.: Правовая статистика. М.: Юрид. лит., 1980. С. 7, 9, 17, 19, 21 и след.

¹⁷ Алексеева Л. Б., Левакова Э. Н., Михайлова Т. А., Михайловская И. Б. Система оценок работы судебных органов // Проблемы совершенствования уголовного судопроизводства: Сб. науч. тр. М., 1976. Ч. 1. С. 4.

с тем принципы формирования и деятельности судов не исключают разнообразия средств и многосторонности оценки качества их работы.

Деятельность судов и судей по рассмотрению конкретных дел оценивается в процессуальном порядке вышестоящими судами. Последние наряду с выявлением и исправлением неправильных судебных решений обязаны оказывать нижестоящим судам практическую помощь в применении законодательства. Информация о работе судов широко собирается министерствами юстиции, поскольку без этого невозможно организационное руководство судами, проведение выборов судей, повышение квалификации судейских кадров, ведение и совершенствование судебной статистики, внедрение научной организации труда в практику работы судов. При этом информация, получаемая министерствами юстиции, вовсе не ограничивается и не должна ограничиваться сведениями об организационных аспектах судебной деятельности. Для решения указанных вопросов управления судебной системой необходимы полные и точные данные о качестве рассмотрения дел. Закон указывает необходимые средства для сбора такой информации министерствами юстиции: обобщения судебной практики, судебную статистику, проверку организации работы судов, социологические исследования судебной деятельности¹⁸.

Подотчетность судей избирателям или избравшим их органам требует анализа и оценки качества судебной деятельности широкими массами избирателей и депутатами соответствующих Советов. Деятельность судов

¹⁸ См.: Ст. 18 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве в СССР (Ведомости Верхов. Совета СССР. 1980. № 27. Ст. 545); Положение о Министерстве юстиции СССР, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР от 21 марта 1972 г. (СП СССР. 1972. № 6. Ст. 32. П. 2, 6).

Необходимо возразить тем авторам, которые считают, что координация работы органов юстиции, с одной стороны, и вышестоящих судов — с другой, должна выражаться и в том, что органы юстиции собирают информацию преимущественно об организации работы судов даже при проведении обобщений судебной практики, оставляя изучение информации о качестве рассмотрения дел самим судам. См.: *Кашенов В. П.* Координация деятельности судов и органов юстиции по обобщению судебной практики // *Методика обобщения судебной практики.* М., 1976. С. 31; *Ходыревский С. М.* Суд и судебное управление. Воронеж, 1976. С. 9.

часто освещается в печати. С анализом работы судов связаны и другие формы правовой пропаганды.

Конституционный принцип гласности судебного разбирательства, обеспечивая воспитательный эффект судебной деятельности, воплощает также идею социального контроля, социальной оценки судопроизводства.

Для распространения положительного опыта, борьбы с недостатками существуют и широко используются неофициальные и общественные формы оценки работы судов. Как справедливо отмечает К. Кульчар, оценочный характер носят совещания в судах и органах юстиции¹⁹, подведение итогов социалистического соревнования, организация стажировки и обмена опытом в лучших по качеству работы судебных органах.

Необходимо, чтобы во всех сферах контроля и оценки качества работы судов были обеспечены единый подход, основанный на объективных данных, и гарантии от субъективизма. Это положение можно конкретизировать по трем направлениям.

1) Предъявление требований только тогда формирует ответственное поведение, когда сопровождается всесторонней проверкой их исполнения²⁰.

В судебной деятельности систематическая проверка и оценка соблюдения установленных материальных и процессуальных норм являются также непременным объективным условием ответственного исполнения судебных обязанностей.

Поэтому необходимо проанализировать, как уголовно-процессуальное законодательство обеспечивает задачу проверки качества рассмотрения дел.

2) Система показателей, по которым оценивается деятельность судей, должна оказывать положительное влияние на качество рассмотрения дел, порождая заинтересованность в действительных, а не в мнимых результатах²¹. Нельзя забывать, что «тип поведения, направленный на достижение целей, в которых заинте-

¹⁹ См.: *Кульчар К.* Основы социологии права: Пер. с венг./ Под ред. В. П. Казимирчука. М.: Прогресс, 1981. С. 228.

²⁰ См.: *Яковлев Г. С.* Ответственность как фактор регуляции поведения личности // Научное управление обществом. С. 145.

²¹ В литературе справедливо подчеркивается, что неправильные критерии могут причинить лишь вред, превратиться в фактор, препятствующий повышению качества деятельности правоохранительных органов. См.: *Рекунов А.* На страже правопорядка и социальной справедливости // Коммунист

ресовано общество, могут стимулировать лишь оценки деятельности работника»²².

Оценка качества рассмотрения судами уголовных дел должна способствовать строгому соблюдению в уголовном судопроизводстве всех требований закона.

3) Необходимы более всестороннее использование и максимальный учет всех процессуальных форм, средств и критериев оценки качества рассмотрения и разрешения дел. Специфика процессуальной деятельности по осуществлению правосудия, задачи обеспечения судебской независимости ориентируют на совершенствование оценки качества правосудия методами самой процессуальной деятельности.

Это еще более важно в связи с тем, что качество рассмотрения судами уголовных дел оценивается прежде всего в соответствии с закрепленными в уголовно-процессуальном законе целями, достижение которых зависит непосредственно от уровня судебной деятельности и не связано с факторами, не поддающимися регуляции внутри судебной системы²³.

В научных работах, а также в практической деятельности судов и органов Министерства юстиции иногда ссылаются на объективную невозможность оценки уровня правосудия по всем проходящим через судебную систему делам. Однако при этом упускаются из вида пути максимального использования существующих процессуальных средств, форм и критериев оценки качества разрешения уголовных дел.

Содержание и форма процессуальной деятельности

1986. № 1. С. 49; *Гонгарь И. Я.* О критериях оценки работы органов внутренних дел в борьбе с преступностью // Сов. государство и право. 1986. № 9. С. 84; *Карнеева Л. М., Чувилев А. А.* Критерии оценки законности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности // Сов. государство и право. 1978. № 3. С. 97; *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве: Их виды, содержание и формы. М.: Юрид. лит., 1976. С. 65, 71; *Морщакова Т. Г.* Судебная деятельность: соотношение общих научных принципов организации с законодательством о судостроительстве и уголовно-процессуальным правом // Учен. зап. ВНИИСЗ. М., 1974. Вып. 30. С. 117—118.

²² *Белиловский Е. Л.* Формализация оценки творческой деятельности и ее правовые последствия // Сов. государство и право. 1980. № 6. С. 131.

²³ См.: *Анашкин Г. З., Петрухин И. Л.* Эффективность правосудия и судебные ошибки // Сов. государство и право. 1968. № 8. С. 59, 65; *Кудрявцев В. Н.* Эффективность системы уголовной юстиции // Соц. законность. 1971. № 7. С. 14.

гарантируют возможность ее оценки именно по каждому делу, и притом в рамках существующей судебной системы, без создания новых инстанций.

Другие формы деятельности государственных органов не обеспечивают столь широкие возможности для проверки и оценки, какие дает процессуальная форма деятельности по осуществлению правосудия.

Естественно, необходимы постоянные усилия, направленные на устранение недостатков в оценке работы судов. Но отрицать возможность оценки качества правосудия по всем делам — значит снижать чувство ответственности судей за законность и обоснованность разрешения дела. Решение конкретных задач далеко не всегда требует сплошного изучения всех дел и сведений, характеризующих недостатки в судебной деятельности. В ряде случаев целесообразно проведение выборочных исследований, экспертных опросов и т. д. В данной работе ставится задача исследовать процессуальные средства, формы и критерии для оценки судебной деятельности. Это относится как к процессу судебного разбирательства, так и к качеству принимаемых судом решений. Последнее необходимо связано с негативными чертами ошибочного судебного приговора, которые закон признает основаниями его отмены или изменения. Поскольку работа посвящена уголовно-процессуальным аспектам оценки качества рассмотрения дел, то в ней затронуты особенности, классификация и разграничение лишь уголовно-процессуальных оснований применения указанных санкций.

Уголовно-процессуальные критерии, на основе которых необходимо оценивать качество рассмотрения уголовного дела, должны находить отражение в статистической и социологической характеристике уровня правосудия по уголовным делам.

Поэтому представлялось важным выявить, насколько в настоящее время судебная статистика и социологические исследования привязаны к уголовно-процессуальным критериям качества правосудия, а также выдвинуть ряд предложений по совершенствованию форм оценки судебной деятельности.

* * *

Кандидатом юридических наук Т. Г. Морщаковой написаны введение, гл. I—III, § 1, 2 гл. IV.

Доктором юридических наук И. Л. Петрухиным написаны введение, § 1 гл. III, § 1, 3 гл. IV.

Раздел первый

Процессуальные аспекты оценки качества судебного разбирательства

Глава первая

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ И СРЕДСТВА ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Официальная характеристика деятельности по осуществлению правосудия может основываться только на той процессуальной оценке, которая дается уполномоченными на это субъектами уголовного судопроизводства. Все другие инстанции социального контроля, стоящие вне системы органов правосудия, анализируя деятельность этих органов, связаны содержащимися в процессуальных актах характеристиками качества рассмотрения уголовных дел. Данное положение обусловлено конституционными принципами правосудия и организации судебной системы.

Оценка уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных решений с точки зрения их соответствия требованиям закона производится на всех стадиях процесса. Различные его участники вносят свой вклад в решение этой задачи.

Анализируя процессуальные аспекты оценки качества работы судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел, представляется необходимым выделить три группы вопросов: первая связана с осуществлением процессуального контроля как особого направления уголовно-процессуальной деятельности; вторая включает рассмотрение процессуальных условий и средств, способствующих оценке хода судебного разбирательства; третья — это процессуальные параметры, по которым должен оцениваться судебный приговор¹.

¹ Этому посвящена вторая глава работы. Во избежание неправильных выводов из того факта, что выделены вопросы оценки рассмотрения дела судом, с одной стороны, и оценки итоговых решений суда в приговоре — с другой, надо

1. Процессуальный контроль и оценка качества судебной деятельности

В ходе всего уголовного процесса обеспечивается проверка соблюдения органами судопроизводства материального и процессуального закона. Исходя из этого, при анализе уголовно-процессуальной деятельности следует выделить ее специальный контрольный аспект — аспект проверки и оценки качества рассмотрения и разрешения уголовного дела. Осуществление контрольной функции в судопроизводстве — особая процессуальная задача². Основные процессуальные задачи участников уголовного судопроизводства представлены через систему уголовно-процессуальных функций, к которым относятся функции обвинения, защиты и разрешения дела. Но в рамках осуществления этих основных процессуальных функций возможна классификация задач уголовно-процессуальной деятельности по другим основаниям, другие ее «срезы»³.

подчеркнуть, что такой подход вовсе не основан на забвении или игнорировании объективной связи, которая существует между законностью и обоснованностью принимаемых решений и предшествующей им процессуальной деятельности. Наоборот, рассмотрение в качестве объектов процессуальной оценки обоих указанных элементов отражает естественную обусловленность судебных решений характером предшествующего исследования.

² Семантически контроль определяется как проверка, а также наблюдение с целью проверки. См.: Словарь русского языка. 10-е изд./Сост. С. И. Ожегов; Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1975. С. 268. Поэтому с точки зрения терминологии обоснованно характеризовать функции по проверке и оценке деятельности органов судопроизводства как контрольные.

³ См.: *Кокорев Л. Д.* Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 46, 52. Аналогичная точка зрения высказана и в кн.: *Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве.* Воронеж, 1984. С. 128 (автор главы В. А. Панюшкин). В указанных работах говорится о деятельности по обоснованию гражданского иска, исследованию личности подсудимого, проверке материалов предварительного следствия как об особых направлениях процессуальной деятельности, которая может осуществляться различными участниками судопроизводства и с разных позиций.

Продолжая этот анализ, можно выделить также и другие особые аспекты уголовно-процессуальной деятельности, которые связаны, например, с исследованием криминологических факторов, с обеспечением воспитательного эффекта и предупредительного воздействия судопроизводства, с повышением культуры и улучшением организации судебных процессов и т. д.

«Самые различные классификации не исключают друг друга, если их основания не надуманны, не произвольны, а объективны, существенны и важны»⁴.

Выделение контрольного элемента в процессуальной деятельности объективно обусловлено. В уголовно-процессуальной литературе обычно анализируют контрольный элемент в уголовном процессе только применительно к отдельным его институтам, например в связи с проблемами прокурорского надзора или деятельностью вышестоящих судов по проверке законности и обоснованности судебных решений. Между тем задачи проверки и оценки качества рассмотрения и разрешения уголовных дел имеют более широкую основу в законодательстве и практике уголовного судопроизводства⁵.

Для осуществления судопроизводства и реализации процессуальных отношений «установлена форма „процесса“, т. е. деятельности, постепенно развивающейся от стадии к стадии»⁶. В таком построении не было бы смысла, если бы каждая из стадий уголовного процесса не имела собственных задач и если бы контроль за их выполнением не выступал в качестве обязательной предпосылки для осуществления судопроизводства в следующей стадии⁷.

⁴ *Тугаринов В. Б.* Теория ценностей в марксизме. Л.: Изд-во ЛГУ. 1968. С. 23.

⁵ В связи с этим представляет интерес следующая точка зрения, высказанная в юридической литературе ГДР: «Уголовный процесс по своей сущности представляет собой критику нарушений закона, прежде всего, со стороны обвиняемого (точнее было бы говорить об установлении оснований для такой критики.—*Авт.*), а также нарушений в самом процессе со стороны осуществляющих его органов» (*Grundriss des Strafverfahrensrechts der DDR*. В., 1953. S. 13). При этом критическая направленность уголовного процесса характеризовалась как особый принцип («принцип критики»), определяющий специфику деятельности органов судопроизводства (*Benjamin H.* *Das Gerichtsverfassungsgesetz // Neue Justiz*, 1952. Н. 10. S. 436).

⁶ *Каминская В. И.* Теория советского уголовно-процессуального закона: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967. С. 18.

⁷ В уголовно-процессуальной литературе неоднократно рассматривалось стадийное построение уголовного процесса как особенность и обязательный признак его структуры. При этом подчеркивалось значение системы стадий уголовного судопроизводства для обеспечения его эффективности и выявления следственных и судебных ошибок (см.: *Петрухин И. Л.* Системный подход к изучению эффективности правосудия // *Сов. государство и право*. 1976. № 1. С. 79);

Кроме того, практически все субъекты уголовно-процессуальной деятельности, участвуя в ней, выражают свое отношение к тому, что происходит в уголовном судопроизводстве. Они оценивают уголовно-процессуальные действия и решения с точки зрения их соответствия закону и охраняемым законом интересам каждого из участников уголовного процесса. Поэтому в уголовном деле всегда имеется большой объем предварительной всесторонней оценочной информации о качестве его расследования и рассмотрения. Данная информация способствует осуществлению процессуального контроля.

Оценка процессуальной деятельности государственных органов, осуществляющих судопроизводство, различными участниками процесса является специфической формой, обеспечивающей социальный контроль. Но процессуальная регламентация полномочий, опосредующих в сфере уголовного процесса осуществление социального контроля, придает ему процессуальное звучание, расширяет основы процессуального контроля за качеством судопроизводства.

указывалось на необходимость учета «иерархической структуры» процесса при формировании системы (иерархии) оценок качества процессуальной деятельности (см.: *Ларин А. М.* Критерии оценки работы органов расследования // Сиб. юрид. зап. 1973. Вып. 3. С. 81); выделялась обязательность проверки в каждой последующей стадии выполнения задач предшествующей стадии (см.: *Колбая Г. Н.* Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. М.: Юрид. лит., 1975. С. 9; *Чеджемов Т. Б.* Судебное следствие. М.: Юрид. лит., 1979. С. 4), так как компетенция органов судопроизводства различна и они не могут и не должны подменять друг друга, беря на себя выполнение несвойственных им задач, не выполненных на предшествующем этапе судопроизводства. Анализировалось также возрастание роли контрольного элемента в процессуальной деятельности по мере движения уголовного дела от стадии к стадии (см.: *Корневский Ю. В.* Судебная практика и совершенствование предварительного расследования. М.: Юрид. лит., 1974. С. 20; *Куцова Э. Ф.* Гарантии прав личности в советском уголовном процессе: (Предмет, цель, содержание). М.: Юрид. лит., 1973. С. 126) и специальная направленность таких стадий, как предание суду, кассационный и надзорный пересмотр приговоров, на осуществление контроля за предшествующей процессуальной деятельностью. См.: *Строгович М. С.* Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 27—28; *Перлов И. Д.* Надзорное производство в уголовном процессе М.: Юрид. лит., 1974. С. 8.

Реальность процессуального контроля обеспечивается тем, что уголовно-процессуальной деятельности органически присущ удостоверительный компонент. Документальное закрепление, удостоверение, оформление всего, что происходит в уголовном процессе, рассчитаны и на необходимость контроля за соответствием процессуальной деятельности требованиям закона на всех стадиях судопроизводства⁸.

Представляется, однако, что некоторые положения, сформулированные в работах по теории права, способствуют недооценке контрольного элемента в процессуальной деятельности или его необоснованно узкому пониманию.

Деятельность органов, осуществляющих судопроизводство, единодушно характеризуется как правоохранительная. Однако в это вкладывается обычно лишь тот смысл, что в ходе указанной деятельности устанавливаются основания для реализации юридической ответственности и применяются охранительные нормы материального права. Вместе с тем в связи с задачами разграничения функций материальных и процессуальных отраслей права не рекомендуется характеризовать нормы процессуального права как правоохранительные. По мнению С. Н. Братуся, «нежелательно именовать правоохранительными нормы процессуального права, в рамках которых устанавливается наличие или отсутствие правонарушения»⁹. В соответствии с данной позицией подчеркивается особый регулятивный характер процессуальных норм. Последнее верно, поскольку речь идет об одной из их функций. Однако полная характеристика роли и задач процессуального регулирования требует признания норм процессуального права и регулятивными и охранительными.

Деление функций норм права на регулятивные и охранительные несет несомненно важную теоретическую нагрузку. Однако оно отражает именно разные

⁸ Фиксация процессуальных действий и их результатов на любом этапе процессуального производства в процессуальных документах — общее условие, обеспечивающее соблюдение закона и возможность проверки правильности применения норм процессуального и материального права как в уголовном, так и в гражданском судопроизводстве. См.: Мельников А. А. Советский гражданский процессуальный закон. М.: Наука, 1983. С. 128.

⁹ Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность: (Очерк теории). М.: Юрид. лит., 1976. С. 96.

функции, а не различный характер правовых норм. Лишь условно можно говорить о регулятивных и правоохранительных нормах. Указанное деление относится к области классификации правовых категорий¹⁰. Реально же в системе правовых норм каждая из них регулятивна и охранительна¹¹, поскольку всегда устанавливается, как охраняется от нарушений содержащееся в норме правило поведения¹². Данное утверждение связано с признанием трехчленной структуры норм права, включающей в качестве обязательных элементов гипотезу, диспозицию и санкцию.

Отдельное нормативное предписание может содержать не все элементы нормы. Однако это свидетельствует лишь о том, что норма формулируется не в одном, а в нескольких нормативных предписаниях. На этом основании, как отмечает А. М. Васильев, нельзя исключить из понятия нормы какой-либо из ее элементов, «не опасаясь исказить представление о реальных внутренних членениях в формулируемой нормой велении, обусловленных функциональными задачами нормы как регулятора общественных отношений»¹³.

Точно так же и нормы процессуального права не могут рассматриваться вне всех присущих им функций. Функции всей отрасли уголовно-процессуального права и каждой его нормы должны определяться и как регулятивные и как правоохранительные. Охранительная функция уголовно-процессуального права выражается и в том, что оно обеспечивает «охрану» норм материального уголовного права, и в том, что оно создает надежные процессуально-правовые гарантии, охраняющие от нарушений установленную процедуру рассмотрения и разрешения уголовных дел¹⁴. Процес-

¹⁰ См.: *Васильев А. М.* Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 231.

¹¹ См.: *Лиголкин А. С.* Нормы советского социалистического права и их структура // Вопросы общей теории советского права. М.: Госюриздат, 1960. С. 147.

¹² См.: *Лейст О. Э.* Санкции и ответственность по советскому праву: (Теоретические проблемы). М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 18—19.

¹³ *Васильев А. М.* Указ. соч. С. 164.

¹⁴ К сожалению, в уголовно-процессуальной литературе передко больший акцент делается на первом аспекте. См.: *Потеружа И. И.* Значение надзорного производства уголовных дел в укреплении законности. Минск, 1985. С. 17—19.

суальный закон не только определяет, как необходимо действовать, но и «преграждает иное»¹⁵.

Вряд ли можно согласиться с точкой зрения, согласно которой одна только регулятивная функция процессуальных норм, установленные ими дозволения и запреты формируют у работников правоохранительных органов представления о социальной ценности уголовно-процессуального права, чем и создаются надежные условия его применения¹⁶. Без охранительной функции процессуальных норм, без действенного процессуального контроля за соблюдением процессуально-правовых предписаний, без постоянной критической оценки всего, что происходит в судопроизводстве, без специальных процессуальных последствий, наступающих при обнаружении отступлений от требований процессуального закона, нельзя обеспечить законность и обоснованность процессуальной деятельности и процессуальных решений.

Вопрос о реализации охранительной функции уголовно-процессуального права связан с понятием механизма правоохраны в уголовном судопроизводстве. Конечно, и само уголовное судопроизводство есть часть механизма правоохраны, гарантирующего защиту общественных отношений, урегулированных материальным правом. Однако в связи с задачами обеспечения законности в судопроизводстве должен быть выделен правоохранительный механизм внутри процессуального права (как часть механизма процессуально-правового регулирования)¹⁷.

Было бы неверно ограничивать механизм правоохраны в процессуальном праве только такими формами реагирования на отступления от требований уголовно-

¹⁵ См.: *Куцова Э. Ф.* Указ. соч. С. 11, 16 и др.

¹⁶ См.: *Зусь Л. Б.* Проблемы правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства. Владивосток, 1978. Ч. 2. Вопросы теории. С. 86. Неудивительно, что автор указанной точки зрения не выделяет в уголовно-процессуальном регулировании его охранительную направленность и рассматривает правоохранительную деятельность органов судопроизводства лишь как «часть общей проблемы правоприменительного процесса» (С. 64—66, 68 и др.).

¹⁷ См.: Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности/Под ред. В. М. Савицкого. М.: Наука, 1979. С. 154. Правда, в указанной работе Л. Б. Алексева практически отождествляет правоохранительный механизм в уголовно-процессуальной деятельности с применением санкций (см. с. 158, 161, 168).

процессуального закона, как санкции. Последние представляют собой завершающее звено правоохранительного механизма в процессуальной деятельности.

Но начинается реализация правоохранительных задач в уголовном судопроизводстве с проверки и оценки процессуальной деятельности, которая реализуется в процессуальном контроле за качеством предшествующего производства по делу. Кроме того, указанная оценка представляет собой постоянную, имеющую характер «процесса» процедуру сравнения с требованиями закона всех процессуальных действий и решений. И в том и в другом варианте этот процессуальный контроль есть неперенный элемент уголовно-процессуальной деятельности. Его осуществление и результаты всегда отражаются в процессуальных документах.

Процессуальная оценка качества производства по уголовному делу является специальной задачей во всех судебных стадиях процесса, включая стадию судебного разбирательства в суде первой инстанции¹⁸. В рамках уголовно-процессуальной процедуры решение этой задачи вовсе не ограничивается пределами «контрольных» стадий уголовного процесса (предания суду, кассационного и надзорного пересмотра приговора). Уголовно-процессуальный закон дает все основания для такого утверждения. Контрольная функция во всех стадиях процессуальной судебной деятельности достаточно обеспечена как в принципиальных и общих положениях уголовно-процессуального законодательства, так и в конкретных процессуальных институтах.

В построении процесса на началах гласности, устности, непосредственности, состязательности уже заложена идея постоянной оценки деятельности органов, осуществляющих судопроизводство.

Сама сущность судебной деятельности, по справедливому утверждению М. Выдри, свидетельствует о большом значении аналитического контрольного аспекта в правосудии, поскольку суд обязан и увидеть ошибки других субъектов уголовного судопроизводства, и в пределах своей компетенции устранить их¹⁹.

¹⁸ Осуществление такой функции прокурором в ходе предварительного расследования прямо закреплено в Законе о Прокуратуре СССР и в гл. XVIII УПК РСФСР «Надзор прокурора за исполнением законов при производстве дознания и предварительного следствия».

¹⁹ См.: *Выдра М.* Уголовно-процессуальные гарантии в суде. Краснодар, 1980. С. 50, 51.

Контрольная оценочная деятельность суда и оценка его процессуальных действий и решений другими субъектами уголовного процесса выступают как необходимое средство достижения целей судопроизводства и непереносимое условие выполнения судом его главной процессуальной функции — функции разрешения уголовного дела.

Таким образом, все формы процессуального контроля в судебном разбирательстве проявляются как неотъемлемая часть внутренней структуры процессуальной деятельности. В то же время было бы неверно считать, что в некоторых процессуальных стадиях решаются только задачи процессуального контроля за законностью деятельности на предыдущих этапах судопроизводства. При предании суду, пересмотре приговоров в кассационном или надзорном порядке контрольная функция суда также выступает в качестве средства, обеспечивающего разрешение дела по существу, поскольку осуществление правосудия происходит и в этих стадиях.

Поэтому нельзя согласиться с авторами, которые, разрабатывая в теории права основы процессуальной деятельности, выделяют в качестве специального вида наряду с юрисдикционной правоохранительной деятельностью по осуществлению правосудия и так называемый «контрольный процесс»²⁰. При этом высказываются весьма противоречивые суждения. С одной стороны, правосудие справедливо рассматривается как высшая форма правоохраны²¹ и признается правильным положение В. Н. Кудрявцева о том, что правоохранительные органы находятся в центре системы социального контроля, которая обеспечивает соблюдение законности и правопорядка. С другой стороны, разные формы осуществления социального контроля правоохранительными органами, а к ним относится и суд, рассцениваются как разновидности контрольного процесса, а не как юрисдикционная деятельность. Контрольный процесс определяется как система контрольных производств, в ходе которых подлежит оценке соблюдение предписаний и принимаются решения, обеспечивающие их исполнение. Практически же это и правоохранительная и правоприменительная деятельность,

²⁰ См.: Теория юридического процесса/Под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 7, 69—70.

²¹ См.: Там же. С. 62.

что не оспаривается в рассматриваемой работе. Но наряду с контрольным процессом в то же время выделяется в качестве самостоятельного правоприменительный процесс²². Данная конструкция, имеющая целью классификацию видов процессуальной деятельности, не учитывает специфику уголовного и гражданского процесса, хотя авторы указанной работы признают, что именно в судопроизводстве по уголовным и гражданским делам в наибольшей мере выражены основные особенности процессуальной деятельности. Возражая против выделения особого контрольного процесса с позиций уголовно-процессуальной деятельности, следует подчеркнуть, что в ней неразделимы контрольная функция правоохраны и функция правоприменения²³. В уголовном судопроизводстве нет и специальных контрольных производств, поскольку задачи по обеспечению соблюдения процессуальных норм выполняются в ходе всего процесса и практически всеми его субъектами (даже если эти задачи лишь вторичны по отношению к основной функции конкретных участников процесса).

Попытка выделить контрольные производства в процессуальной деятельности может повлечь для сферы уголовного процесса лишь ослабление внимания к проверке соблюдения процессуальных предписаний. Кроме того, при таком подходе разрывались бы процедура проверки и оценки предыдущей процессуальной деятельности и собственно осуществление правосудия. В действительности же во всех стадиях процесса осуществление правосудия невозможно без предваритель-

²² См.: Там же, С. 69—70.

²³ В работах специалистов по административному праву также подчеркивается, что нельзя представлять функции государственного контроля как обособленные от управления. «Представление о контроле... как об особой функции, изолированной от управления... есть не что иное как предвзвешенное» (Луцев А. Е., Студеникин С. С., Ямпольская Ц. А. Социалистическая законность в советском государственном управлении. М., 1948. С. 122; Луцев А. Е. Государственный контроль в СССР. М.: Госюриздат, 1951. С. 9). Как указывают административисты, в науке наблюдается полное единодушие по поводу отнесения функции контроля к функциям управления. Подчеркивается также, что функция контроля «неразрывно связана с реализацией других функций управления» (Шорина Е. В. Контроль за деятельностью органов государственного управления в СССР. М.: Наука, 1981. С. 22, 23).

ной оценки уже проведенных процессуальных действий и ранее принятых процессуальных решений.

Таким образом, с одной стороны, процессуальный контроль является средством выполнения задач правосудия, а с другой — процессуальным средством оценки качества судопроизводства. В то же время качество самого контроля, выполнение контрольной функции, всегда подлежит оценке, если ставится задача дать характеристику деятельности судов по рассмотрению уголовных дел.

2. О выполнении судом контрольных функций по отношению к расследованию

Все, что сказано выше о процессуальном контроле, в полной мере относится к выполнению судами первой инстанции контрольной функции по отношению к деятельности органов расследования.

Все решения суда первой инстанции опосредуют выполнение им задач правоохраны (т. е. контрольных задач) в уголовном процессе. Суд, действуя как орган правосудия, выявляет допущенные в процессуальной деятельности нарушения и ошибки, требует их устранения от органов расследования, указывает на недопустимость отступления от закона и сам принимает меры по исправлению обнаруженных недостатков.

Так, в стадии предания обвиняемого суду решение вопроса о наличии достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном заседании связано с осуществлением контроля за законностью действий органов расследования, а критическая оценка их действий выражается в основаниях возвращения дел для дополнительного расследования (п. 1—5 ст. 232 УПК РСФСР) и их прекращения (по п. 1, 2, 3, 5, 7, 9, 10 ст. 5 и п. 2 ст. 208 УПК РСФСР).

В судебном разбирательстве также постоянно осуществляется процессуальный контроль за деятельностью органов расследования. Проверка и оценка предыдущих процессуальных действий и решений имеет место в судебном следствии и отражается в выводах суда о необходимости изменения обвинения, возвращения дела на дополнительное расследование, возбуждения дела по новому обвинению против подсудимого или против других лиц, не привлеченных органами расследования к ответственности, а также при вы-

несении частных определений, адресованных органам расследования, и постановлении оправдательного приговора.

В соответствии со ст. 222 и 232, а также 212 УПК РСФСР объектом проверки и оценки со стороны суда является правильность всех решений органов расследования по существу и соответствие всех их действий требованиям закона.

Между тем в процессуальной теории иногда неосновательно сужают значение задач проверки и оценки судом предшествующей процессуальной деятельности органов расследования. Последнее связано с неточным пониманием и противопоставлением задач суда по самостоятельному исследованию обстоятельств дела, с одной стороны, и по проверке представленных материалов расследования — с другой. Так, по мнению некоторых авторов, даже «направление дела на доследование как институт советского уголовно-процессуального права должно рассматриваться прежде всего под углом зрения того, что суду принадлежит активная роль в процессе, что он не связан кругом собранных доказательств (хотя из закона вытекает, что эта несвязанность носит не абсолютный, а строго ограниченный характер.— *Авт.*) и обязан неуклонно стремиться к обнаружению истины и вынесению законного и обоснованного приговора»²⁴. При этом явно отодвигается на задний план задача выявления и устранения ошибок и нарушений закона, допущенных при производстве предварительного расследования. Между тем многие из них не могут быть исправлены самим судом в силу разграничения компетенции и установленных законом процессуальных форм деятельности органов, осуществляющих судопроизводство. Поэтому суд обязан направить дело для производства дополнительного расследования при неполноте расследования, которая не может быть восполнена в судебном заседании, существенных нарушениях уголовно-процессуального закона, наличии оснований для предъявления другого дополнительного или более тяжкого обвинения и неправильном соединении или разъединении дел. Проверка судом всех собранных материалов дела является одной из гарантий законности правосудия, поскольку оно осуществ-

²⁴ Гальперин И. М. Направление судом уголовного дела на доследование. М.: Госюриздат, 1960. С. 11.

ляется судом только после того, как собранные органами расследования данные будут проверены и признаны достаточными для рассмотрения дела в суде и будет установлено, что в ходе расследования соблюдены требования закона.

Самостоятельная ответственность каждого из органов, осуществляющих судопроизводство, за выполнение общих задач уголовного процесса выражается вовсе не в том, что они могут, подменяя друг друга, принимать на себя функции, которые не выполнены на предыдущих этапах производства по делу. Такое неправильное понимание самостоятельной ответственности суда, его «несвязанности» (по существу и по форме) представленными материалами расследования не способствует требовательности судов при проверке законности предшествующей процессуальной деятельности. При этом упускается из вида, что выявление и устранение судами всех существенных нарушений, допущенных в ходе дознания и предварительного следствия, является предпосылкой и необходимой составной частью гарантий вынесения законных и обоснованных приговоров. Кроме того, если суды своевременно не выявляют ошибки органов расследования, то это приводит к волоките в судопроизводстве, поскольку недостатки следствия исправляются уже только после отмены приговора в результате их обнаружения вышестоящими судебными инстанциями.

Высказано мнение, что «даже обоснованное направление дела для дополнительного расследования ... негативно сказывается на достижении задач уголовного судопроизводства»²⁵. Это явно неправильная ориентировка судов на то, чтобы избегать возвращения дел для дополнительного расследования, чтобы не предъявлять слишком строгих требований к качеству дознания и предварительного следствия. Невзыскательность, нетребовательность судов к уровню деятельности органов расследования не стимулирует работу последних и порождает аналогичное отношение судов к выполнению собственных задач.

В практике прокурорского надзора также наблюдается неправильная реакция на вынесение судами первой инстанции определений о возвращении дел на до-

²⁵ *Веретехин Е. Г.* Восполнение пробелов предварительного расследования в суде первой инстанции и его пределы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1984. С. 12.

полнительное расследование: протесты прокурора на определения суда о возвращении дела на доследование часто неосновательно мотивируются тем, что суд и сам может принять необходимые меры по исследованию обстоятельств дела, или тем, что допущенные в период расследования существенные процессуальные нарушения признаны таковыми необоснованно.

В теории уголовного процесса в обоснование и оправдание таких тенденций выдвигаются две позиции: одна направлена на то, чтобы сузить понятие существенных процессуальных нарушений в деятельности органов расследования; другая связана со стремлением к расширенному толкованию возможности восполнить неполноту дознания и предварительного следствия в судебном разбирательстве.

П. Ф. Пашкевичем высказано мнение о том, что никакие нарушения процессуального закона, допущенные в период расследования, не могут являться основаниями обязательного направления дела для дополнительного расследования из суда первой инстанции и не должны приводить к безусловной отмене обвинительного приговора²⁶. Это явно противоречит требованиям, сформулированным в п. 5, 7 ст. 222, п. 2, 3, 5 ст. 232, п. 10 ст. 5, п. 4 ст. 345 и других статьях УПК РСФСР. Из указанных норм вытекает, что дело (и до и после вынесения по нему приговора) подлежит возвращению на дополнительное расследование, если существенно нарушены предписания УПК при возбуждении дела, производстве расследования, составлении обвинительного заключения. По мнению же автора указанной точки зрения, существенные нарушения закона могут быть «нейтрализованы» судом первой инстанции и как бы считаются исправленными, если суд счел возможным вынести по делу обвинительный приговор²⁷.

Как полагает П. Ф. Пашкевич, суд не обязан признавать существенными нарушениями, влекущими направление дела на дополнительное расследование: отсутствие постановления о возбуждении дела по выделенным из другого дела материалам в отношении лиц,

²⁶ См.: Пашкевич П. Ф. Закон и судебское усмотрение // Сов. государство и право. 1982. № 1. С. 56.

²⁷ См.: Пашкевич П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1984. С. 142.

не привлекавшихся к уголовной ответственности по первоначально возбужденному обвинению²⁸; непредъявление обвинения или недостатки постановления о привлечении в качестве обвиняемого; существенное изменение формулировки обвинения в обвинительном заключении в худшую для обвиняемого сторону; неутверждение прокурором обвинительного заключения; нарушение в ходе расследования права обвиняемого на защиту. При этом игнорируется, что судебная практика стоит на противоположной позиции²⁹.

Конечно, указанная теоретическая концепция не может стимулировать выполнение судом задач строгого контроля за законностью предшествующей процессуальной деятельности. Подрывается и правильное понимание законности судебных актов, если они могут быть вынесены без аннулирования незаконных действий органов судопроизводства на предыдущих его этапах и, значит, без устранения допущенных нарушений, без «восстановления» нарушенных прав. Ссылка на то, что суд при существенных нарушениях в установленной законом процедуре расследования сам определяет степень их влияния на результаты следствия и по своему усмотрению может в судебном разбирательстве исправить эти недостатки, представляется несостоятельной. Этот аргумент идентичен утверждению о воз-

²⁸ См.: *Пашкевич П. Ф.* Вопросы соединения и выделения (разъединения) уголовных дел в судебной практике // Научный комментарий судебной практики за 1972 год. М.: Юрид. лит., 1973. С. 201—202.

²⁹ Верховные суды союзных республик, как и Верховный Суд СССР, во всех случаях отменяют приговоры, если: лицо было предано суду по обвинению, которое ему не предъявлено (см.: Бюл. Верхов. суда РСФСР. 1973. № 8. С. 10—11); прокурор не утвердил обвинительное заключение (см.: Бюл. Верхов. суда РСФСР. 1979. № 5. С. 11); один адвокат защищал в процессе расследования двух несовершеннолетних обвиняемых, несмотря на противоречивость их интересов (см.: Бюл. Верхов. суда РСФСР. 1976. № 2. С. 9); обвиняемому не были предъявлены для ознакомления все материалы расследования (см.: Комментарий судебной практики за 1975 год. М.: Юрид. лит., 1976. С. 201, 206); в резолютивной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого не указана статья УК, по которой предъявлено обвинение (см.: Бюл. Верхов. суда РСФСР. 1980. № 6. С. 8); формулировка обвинения в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого не соответствует требованиям закона. См.: Комментарий судебной практики за 1980 год. М.: Юрид. лит., 1981. С. 125—127.

возможности рассмотрения дела судом и без проведения по нему предварительного расследования³⁰. Тогда установленная процедура расследования была бы лишена правовых гарантий³¹.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28 ноября 1980 г. «О практике применения судами законодательства при предании обвиняемого суду» последовательно проводится идея судебного контроля в этой стадии за соблюдением процессуального законодательства, регламентирующего производство предварительного расследования, «с целью своевременного выявления нарушений и их исправления» (п. 5)³². Кроме того, сформулирован ряд указаний о конкретных нарушениях в период расследования, которые препятствуют рассмотрению дела судом и признаются основаниями для безусловного направления дела на дополнительное расследование. Выявление указанных нарушений формулируется как обязательная задача судов. При таких нарушениях, если они не обнаружены судом, подлежит отмене и приговор, вынесенный по делу.

В частности, Пленум указал, что существенными нарушениями закона, которые не могут быть устранены судом, «следует считать проведение предварительного расследования по материалам, выделенным из

³⁰ Такой порядок допускается лишь в строго ограниченных законом случаях — по делам частного обвинения и по делам с протокольной формой досудебной подготовки материалов.

В правовой системе всех социалистических стран считается аксиомой, что «требование соблюдать процессуальный порядок как непрменный элемент механизма осуществления права в сферах, где существует такой процесс, бесспорно и неproblemатично» (*Wilfried B. Überlegungen zum Verhältnis von materiellem und Verfahrensrecht // Die Eigenverantwortlich-schöpferische Komponente in der Rechtsanwendung und ihr Einfluß auf die gesellschaftliche Wirksamkeit des sozialistischen Rechte. Materialien des VI. Berliner Rechtstheoretischen Symposiums. B., 1986. S. 56*).

³¹ Отвергая аналогичную позицию судебной практики в ФРГ, западно-германский исследователь проблемы «сомнительных» процессуальных нарушений подчеркивает, что при таком подходе «требование законной процедуры оставалось бы лишь регулятивным предписанием», в то время как общие правовые принципы не позволяют отступать от процессуальных правил, если это не разрешено процессуальным законом (*Lemann B. Die Behandlung des zweifelhaften Verfahrensverstosses im Strafprozeß. Frankfurt a. M.; Bern, Lang. 1983. S. 30—31, 39*).

³² Бюл. Верхов. Суда СССР. 1981. № 1. С. 8.

другого дела в отдельное производство в отношении иного лица, по новому обвинению, без возбуждения уголовного дела», или нарушение в период расследования права обвиняемого на защиту. Дело должно быть также возвращено для дополнительного расследования, если суд считает неправильным изменение обвинения на менее тяжкое, произведенное прокурором при утверждении обвинительного заключения.

В постановление Пленума Верховного Суда СССР от 17 декабря 1974 г. «О рассмотрении судами уголовных дел в кассационном порядке» внесено в связи с его новой редакцией от 1 декабря 1983 г. еще одно изменение, касающееся рассматриваемого вопроса: непредъявление обвинения также признается основанием для возвращения дела из суда на дополнительное расследование³³.

Значительно более широкий перечень нарушений в ходе расследования, которые препятствуют рассмотрению дела в суде, сформулирован в Постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 17 апреля 1984 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением судами уголовно-процессуальных норм, регулирующих возвращение дел для дополнительного расследования»³⁴. В этот перечень включены, кроме всех нарушений, которые приведены выше, и, по мнению П. Ф. Пашкевича, могут быть компенсированы самим судом, еще и такие, как проведение дознания вместо предварительного следствия; производство расследования лицами, подлежащими отводу (в силу ст. 64 УПК РСФСР); необеспечение права обвиняемого на ознакомление со всеми материалами дела; необоснованное отклонение ходатайств обвиняемого и других участников процесса об установлении обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, если эти обстоятельства не могут быть установлены судом; нарушение требований ст. 17 УПК РСФСР о предоставлении переводчика обвиняемому, не владеющему языком, на котором ведется производство по делу, и др.

Кроме того, в данном постановлении Пленума Верховного суда РСФСР выделены те виды нарушений в деятельности органов расследования, при которых суд должен вернуть дело на доследование во всех случаях

³³ См.: Там же. 1984. № 1. С. 5.

³⁴ Бюл. Верхов. суда РСФСР. 1984. № 7. С. 8—11.

до начала судебного разбирательства из стадии передачи суду³⁵.

К ним отнесены нарушения, связанные с оформлением начала расследования — возбуждением дела, с предъявлением обвинения, изменением или дополнением обвинения в обвинительном заключении в худшую для обвиняемого сторону, а также неутверждение обвинительного заключения и проведение по делу дознания вместо предварительного следствия.

Пленум Верховного суда РСФСР сформулировал требование, чтобы суды выявляли эти нарушения своевременно, не допуская необоснованного вынесения дел в судебное заседание. Ясно, что здесь нет и не может быть места для «судейского усмотрения» по поводу характера указанных нарушений (они всегда существенны) и, значит, по поводу возможности их «компенсации» в судебном разбирательстве.

К сожалению, в законе пока еще не сформулирован перечень таких нарушений, допущенных в ходе расследования, которые во всех случаях исключают передачу дела на судебное рассмотрение. Точное указание на такие нарушения существенно способствовало бы осуществлению судом контрольных функций по отношению к расследованию и в большей мере, чем действующее регулирование, обеспечивало бы законность в деятельности органов дознания и предварительного следствия. Поэтому в УПК необходимо указать, что дело подлежит направлению на доследование из суда первой инстанции во всех случаях, если: отсутствует постановление (определение) о возбуждении дела; лицо не привлечено в качестве обвиняемого; в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого не указано преступление, в совершении которого лицо обвиняется, не приведен уголовный закон, предусматривающий данное преступление, а также конкретные действия, вменяемые обвиняемому по каждой из статей УК; обвинение не предъявлено; нарушены правила об обязательности предварительного следствия и подследственности; расследование проведено лицами, в отношении которых имелись обстоятельства, исключающие их участие в расследовании; обвиняемому, не владеющему языком, на котором ведется производство по делу, не

³⁵ Подобное решение предлагалось раньше в литературе. См., например.; *Колбая Г. И.* Указ. соч. С. 118.

было обеспечено право пользоваться услугами переводчика; не проведена экспертиза, когда ее проведение по закону является обязательным; обвиняемый не ознакомлен с материалами окончанного расследования; в обвинительном заключении обвинение изменено на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого; обвинительное заключение не утверждено прокурором.

Итак, суд, несмотря на свою самостоятельную ответственность за рассмотрение дела, а также именно потому, что это — ответственность и за выявление нарушений, допущенных на предыдущем этапе процессуальной деятельности, не может сам исправлять, восполнять существенные ошибки и пробелы расследования.

Такой запрет для суда вытекает не только и не столько из того факта, что суд был бы не в состоянии осуществить процессуальные действия и принять процессуальные акты, аналогичные тем, которые признаются законом обязательными в ходе расследования по каждому делу. Такой запрет вытекает из установленной законом процессуальной формы уголовного судопроизводства, согласно которой дело рассматривается судом только после предварительного расследования и если суд найдет, что органы расследования выполнили поставленные перед ними законом задачи, собрали достаточные данные для передачи дела в суд и не нарушили обязательные требования процессуального закона. Контроль суда первой инстанции за законностью расследования не предполагает, что суд каждый раз может, руководствуясь судебским усмотрением, оценивать, насколько целесообразно требовать от органов расследования выполнения нормативных процессуально-правовых предписаний³⁶.

³⁶ Надо отметить, что буржуазной юстицией постоянно предпринимались попытки «освободить» судопроизводство от декларативно провозглашенных законом демократических принципов, в том числе от гарантий законности, противодействующих безграничности судебского усмотрения. С этих позиций безынттересен анализ возможностей суда оценивать целесообразность строгого соблюдения процессуальной формы, предпринятый в вышедшей в ФРГ работе, посвященной развитию немецкого уголовного судопроизводства за столетний период с момента принятия УПК 1877 г. (*Mül-*

Суд может не согласиться с выводами органов расследования по существу, по поводу фактических обстоятельств дела и их правовой оценки. Но и при такой позиции суда, явившейся результатом самостоятельного судебного исследования и выражающей внутреннее убеждение судей по делу, закон во многих случаях не разрешает суду вынести приговор, а обязывает потребовать повторного производства расследования (например, когда выводы органов расследования, по мнению суда, должны быть изменены в сторону, неблагоприятную для подсудимого³⁷). Это естественно вытекает из того факта, что достоверное установление обстоятельств дела в фактическом и правовом смысле обеспечивается именно благодаря соблюдению установленной законом процессуальной формы³⁸.

В уголовно-процессуальной литературе нередко подчеркивается значение стадийной формы уголовного процесса для обеспечения достоверности познания и правильности выводов по существу дела, для обеспече-

ler I. Rechtsstaat und Strafverfahren. Frankfurt a. M., 1980). Автор, критикуя с демократических позиций тенденцию расширения в судопроизводстве ФРГ сферы судейского усмотрения, подчеркивает, что строгое соблюдение процессуальной формы не может быть заменено судейским контролем и усмотрением, что проверка судом в каждом конкретном случае целесообразности применения общих правовых предписаний сужает сферу действия основных прав граждан и превращает суды в эрзац-законодателя, что значение процессуальной формы исключает оценку необходимости ее соблюдения для каждого конкретного случая, что закрепленные законом гарантии уголовного судопроизводства должны быть несомненной основой всего процессуального законодательства и судебной деятельности (С. 42, 45, 46, 47). Очевидно, речь идет о том, что суды должны исполнять законы, а не создавать их (*Judicis jus dicere, non dare*).

³⁷ В уголовно-процессуальной литературе отвергаются предложения о наделении суда несвойственной для него функцией формулирования нового, более тяжкого обвинения. Подробную критику таких предложений см., напр., в кн.: *Добровольская Т. Н.* Изменение обвинения в судебных стадиях советского уголовного процесса. М., 1977. С. 43—49.

³⁸ Справедливо, что в качестве элементов этой формы являются «жизненно необходимыми для нормального функционирования системы правосудия» правила, ограничивающие в ряде случаев возможности суда принимать решения по своему внутреннему убеждению. См.: *Савицкий В. М.* Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М.: Наука, 1975. С. 377—378.

ния «преемственности знаний в судебном познании»³⁹. Однако обнаруживается недооценка стадийной организации процесса в качестве гарантии постоянной, поэтапной проверки законности деятельности органов судопроизводства. Между тем такая проверка обеспечивает возможность более раннего выявления допущенных нарушений, предотвращение ошибочных решений суда и подлинную процессуальную экономию. Поэтому заслуживает поддержки точка зрения В. С. Зеленецкого, включающего в объект познания по уголовному делу законность и обоснованность предшествующей процессуальной деятельности, соответствие ее «нормативно одобренному образу поведения»⁴⁰. Тогда задачи проверки и оценки предшествующей процессуальной деятельности действительно поднимаются на уровень основных задач уголовного судопроизводства на всех этапах процесса.

Выполнение судами задач по проверке качества рассмотрения дела на предыдущих этапах является важным критерием для оценки деятельности органов судопроизводства, действующих в каждой последующей стадии процесса. При использовании этого критерия для оценки работы судов стимулируется эффективное выявление всех негативных сторон в деятельности органов судопроизводства на предыдущих стадиях процесса. Повышение требований к предшествующей процессуальной деятельности способствует улучшению ее качества. Кроме того, строго осуществляя контрольную функцию, суды создают лучшие условия для выполнения собственных задач, поскольку им реже приходится восполнять, самостоятельно исправлять допущенные ранее ошибки. Не говоря уже о том, что позднее выявление ошибок иногда делает невозможным их полное исправление.

В связи с выполнением судами функций по выявлению и устранению ошибок и нарушений в деятельности органов расследования имеет значение правильное толкование неполноты дознания и предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании.

³⁹ *Грошевой Ю. М.* Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие. Харьков, 1986. С. 10.

⁴⁰ *Зеленецкий В. С.* Объект уголовно-процессуального познания действительности // Вопросы государства и права. Харьков, 1975. С. 247—249.

Качество судебного разбирательства оценивается отрицательно и тогда, когда суд не обнаруживает неполноту расследования, и тогда, когда он неправильно считает ее восполнимой в судебном заседании (поэтому безрезультатно «восполняет»), и тогда, когда суд направляет дело для дополнительного расследования, хотя в силу объективных условий исполнение неполноты расследования вообще невозможно.

Анализ закона и судебной практики позволяет выделить те ситуации, когда неполнота расследования во всяком случае является невосполнимой в суде, т. е. безусловно невосполнима. Последнее зависит от «предмета пробелов» в исследовании обстоятельств дела, характера средств, с помощью которых может быть обеспечена его полнота, и объема необходимых дополнительных процессуальных действий по собиранию доказательств.

Неполнота расследования во всяком случае должна признаваться невосполнимой путем судебного исследования, если добытые органами следствия данные не позволили сформулировать обвинение в соответствии с требованиями ст. 144 УПК РСФСР — если при предъявлении обвинения не указаны обстоятельства совершения преступления, характеризующие основные элементы его состава, что вызывает сомнения в наличии самого события преступления, не позволяет определить объем и содержание обвинения, дать уголовно-правовую характеристику деяния. Суд не может устанавливать элементы состава преступления, являющиеся основанием уголовной ответственности, если органы расследования не сформулировали и не обосновали свою позицию по этим вопросам, так как суд связан формулировкой обвинения, предъявленного в период расследования, и не может выйти за ее пределы. При такой неполноте расследования и акт привлечения лица в качестве обвиняемого, и передача дела в суд признаются необоснованными.

Естественно, недопустимо в таких случаях «восполнение» неполноты расследования в судебном заседании⁴¹. Кроме того, суд лишен также возможности ис-

⁴¹ См., напр., определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР и судебных коллегий областных судов о том, что суд не может восполнять такие пробелы расследования, которые привели к отсутствию в материалах дела и в постановлении о привлечении лица в ка-

следовать и устанавливая обстоятельства, отягчающие ответственность (хотя бы они относились лишь к характеристике личности обвиняемого и не влияли на квалификацию деяния), если органы расследования прошли мимо этих обстоятельств и не указали на них в обвинительном заключении. Восполнение судом такой неполноты расследования ухудшало бы положение подсудимого в суде и нарушало бы его право на защиту⁴².

Восполнение неполноты расследования в суде исключено и тогда, когда для этого требуются процессуальные действия, проведение которых невозможно или нецелесообразно в условиях судебного разбирательства. Кроме случаев, когда согласно закону суд не может проводить определенные действия по отысканию и исследованию доказательств, замена следственных способов собирания доказательств судебными недопустима также, если она противоречит решению судом его собственных задач, существенно затягивает судебное рассмотрение дела, до окончания производства по которому суд в силу принципа непрерывности процесса не может приступить к разбирательству других дел. В Постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 17 апреля 1984 г. указывается, что невосполнимой в суде признается, в частности, такая неполнота, для устранения которой требуется проведение следственно-розыскных действий, связанных с отысканием новых доказательств, установлением других лиц, причастных к совершению преступления, либо производством следственных действий в другой местности⁴³. Суд должен вернуть дело в стадию расследования, если для восполнения неполноты требуется проведение таких чи-

честве обвиняемого сведений о времени и месте получения взятки, и о том, когда (до или после передачи денег) обвиняемый выдал документ, за который он якобы получил взятку; не позволили выяснить и устранить противоречия в обвинении, предъявленном соучастникам преступления, и конкретизировать действия каждого из них; не дали возможности конкретизировать эпизоды преступных действий, собрать фактические данные, обосновывающие повторность при совершении деяния, вмененного обвиняемому, и т. д. См.: Комментарий судебной практики за 1980 год. М.: Юрид. лит., 1981. С. 134—135; Бюл. Верхов. суда РСФСР. 1979. № 10. С. 13.

⁴² См.: Комментарий судебной практики за 1983 год. М.: Юрид. лит., 1984. С. 141—142.

⁴³ Бюл. Верхов. суда РСФСР. 1984. № 7. С. 9. П. 2.

сто следственных действий, как обыск и выемка, а также, как правило, при необходимости опознания и освидетельствования. Невозможно в суде в ряде случаев и проведение экспертизы, если оно связано с отысканием и изъятием дополнительных документов, вещественных доказательств и образцов⁴⁴.

Невозможность компенсации неполноты расследования путем судебного исследования имеет место и тогда, когда необходимо дополнительное собирание доказательств относительно обширного круга невыясненных обстоятельств и проведение большого количества процессуальных действий⁴⁵.

Особую разновидность невосполнимой в судебном заседании неполноты расследования представляют случаи, когда по делу не исследованы обстоятельства, указанные в определении суда, ранее передавшего дело для производства дополнительного расследования.

Эти ситуации оцениваются уголовно-процессуальным законом как основание для отмены приговора (п. 2 ст. 343 УПК РСФСР). Последнее связано с тем, что неполнота исследования, потребовавшая при первом рассмотрении возвращения дела органам расследования, уже была оценена судом в момент направления дела на доследование как невосполнимая в судебном заседании. Поэтому при повторном направлении дела в суд обнаружение невыполненных указаний суда само по себе достаточно для нового возвращения уголовного дела органам расследования (если, конечно, данные указания объективно выполнимы). При этом суд, получивший дело после дополнительного расследования, должен изложить, почему он считает невыполненными указания, ранее данные органам расследования. Однако из закона не вытекает обязанность суда мотивировать в этом случае свое мнение о невосполнимости в

⁴⁴ Там же. П. 4.

⁴⁵ Там же. П. 2. См. также определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР о невозможности собирания в судебном заседании данных, характеризующих личность обвиняемого и имеющих значение для назначения наказания, ввиду большого круга невыясненных обстоятельств, необходимости выявлять дополнительных свидетелей и затребовать документы из различных организаций за длительный период времени, что потребовало бы отложения судебного разбирательства на значительный срок. См.: Бюл. Верхов. суда РСФСР. 1980. № 4. С. 12—13.

ходе судебного заседания неполноты, не устраненной органами расследования. Конечно, при условии, что дополнительные данные о ранее не исследованных обстоятельствах по-прежнему отсутствуют.

Правда, суд вправе признать, что неустраненная неполнота расследования может быть восполнена им при разбирательстве дела. Это уже вопрос о самостоятельной ответственности суда за качество собственной деятельности. Это мнение суда может не подтвердиться в судебном следствии, и тогда дело все-таки придется возратить для дополнительного расследования еще раз. Возможно, что суд сочтет собранные данные достаточными для постановления приговора, но вышестоящие судебные инстанции не согласятся с этим, вновь потребовав производства дополнительного расследования. Тогда ошибочное мнение суда о возможности восполнить в судебном заседании ранее обнаруженную другим судом невосполнимую неполноту расследования дает основание для отрицательной оценки качества судебного разбирательства, проведенного после дополнительного расследования.

Вопрос о направлении дела для дополнительного расследования из-за невыполнения ранее данных указаний об исследовании существенных обстоятельств дела может и должен быть решен в стадии предания суду. Своевременность и правильность решения указанного вопроса являются основанием для положительной оценки качества рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции. Вместе с тем оценка обнаруженной судом неполноты расследования как невосполнимой в судебном заседании всегда должна быть связана с ответом на вопрос, не исключено ли вообще в силу объективных условий дальнейшее собрание доказательств.

Направление уголовного дела для дополнительного расследования в случаях явной невозможности получения каких-либо новых данных отрицательно характеризует работу суда. Оно лишь затягивает вынесение по делу законного решения, нарушает права граждан, поставленных в положение обвиняемых без достаточных оснований, и не соответствует обязанности суда своевременно реабилитировать невиновного. В такой обязанности суда как органа правосудия также воплощаются его контрольные функции по отношению к расследованию.

Возвращение дела на дополнительное расследование ввиду невосполнимой в суде неполноты собранных данных отражает заложенную в законе идею определенного разграничения обязанностей по доказыванию между органами расследования и судом. При объективной возможности и целесообразности восполнения пробелов исследования следственным путем суд не должен принимать на себя выполнение задач, возложенных на органы расследования.

В то же время реабилитация лиц, неосновательно привлеченных органами расследования в качестве обвиняемых, после поступления дела в суд представляет собой обязательную функцию суда, и он не должен перелagать ее на органы расследования. Выполнение данной функции также существенный показатель для оценки качества судебного разбирательства.

Когда суд вместо прекращения дела в стадии предания суду или вынесения оправдательного приговора принимает паллиативное решение о возвращении дела на дополнительное расследование, то он практически отказывается от реализации своих задач как органа правосудия⁴⁶. Но тем самым смазывается и принципиальная критическая оценка судом предшествующей процессуальной деятельности. Суд не выступает как взыскательная контрольная инстанция по отношению к предварительному расследованию. И напротив, создается возможность для затушевывания даже обнаруженных недостатков в процессуальной деятельности.

Нужно остановиться еще на одном критическом замечании, которое нередко делается в адрес судов первой инстанции в теоретических работах по уголовному процессу и имеет прямое отношение к вопросу о контрольных функциях суда. «Судебное разбирательство, — указывал М. С. Строгович, — не сводится к простой проверке материалов предварительного следствия»⁴⁷.

⁴⁶ В уголовно-процессуальной литературе тщательно рассмотрен вопрос об отрицательных последствиях так называемого «вымирания» оправдательных приговоров и необоснованном отказе судов от принятия решений о прекращении дел в связи с необходимостью реабилитации обвиняемых. См., напр.: *Строгович М. С.* Актуальные вопросы судебной этики // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. М., 1985. С. 13—14; Конституционные основы правосудия в СССР/Под ред. В. М. Савицкого. М.: Наука, 1981. С. 108.

⁴⁷ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1970. Т. 2. С. 223.

И это несомненно. Однако при анализе причин ошибок, допускаемых судами и повторяющихся ошибки органов расследования, нередко указывается, что вынесение незаконных и необоснованных приговоров — результат того, что суды сводят все судебное исследование к проверке собранных следствием доказательств и выводов, отраженных в обвинительном заключении⁴⁸. Получается, что отрицательные результаты деятельности судов связаны с тем, что «усиленно» проверяются материалы расследования. В действительности же в случаях вынесения ошибочных приговоров, опирающихся на некачественные материалы расследования, суды по существу не проводят ни самостоятельного судебного исследования, ни проверки данных, собранных органами расследования. В судебном заседании при этом лишь повторяется (и далеко не в полном объеме) то, что проделано в период расследования. А суд присоединяется к непроверенным по существу выводам.

Поэтому важно подчеркнуть следующее. Во-первых, проверка материалов расследования в суде может основываться только на активной самостоятельной работе суда по исследованию доказательств. Она предполагает и привлечение необходимых новых данных. Во-вторых, проверка материалов расследования должна быть критической. Суд может согласиться только с такими обвинительными выводами органов расследования, которые не опровергаются материалами судебного исследования и не являются сомнительными.

Критическая проверка всегда строится на «испытании опровержимости» проверяемых утверждений, фактов, доводов, принимается только то, что не опровергнуто (кроме случаев действия принципа *in dubio pro reo*, в силу которого обвинение отвергается и при условии, что оно не опровергнуто, а лишь сомнительно).

Необходимо подчеркивать обязательное присутствие момента критики в деятельности суда по проверке выводов органов расследования. Значение указанного момента обусловлено и чисто психологически.

Психологические исследования показывают, что при последовательном, поэтапном рассмотрении различными субъектами одной и той же ситуации (а имен-

⁴⁸ См.: Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: Их виды, содержание и формы. М.: Юрид. лит., 1976. С. 102.

но это происходит в процессе расследования и разрешения дела) велика опасность неосновательного присоединения к ранее вынесенным решениям⁴⁹. На преодоление указанной опасности в уголовном процессе направлено действие презумпции невиновности. То, что лицо не может быть признано виновным, пока его невиновность в суде не опровергнута, создает надежные гарантии от необоснованного присоединения к ранее сформулированным по делу выводам. Отсюда необходимость критической оценки обвинения, выдвинутого органами расследования.

Причиной ошибок судов, не выявляющих недостатки расследования, служит, очевидно, не то, что судебное исследование сосредоточено на проверке имеющихся в деле материалов, а то, что суды некритически, без достаточной проверки присоединяются к выводам органов расследования⁵⁰.

⁴⁹ Механическое присоединение к ранее сделанным выводам может быть вызвано целым рядом различных факторов психологического характера. В психологической литературе и работах по судебной психологии среди таких факторов называют: психологическую значимость предыдущих решений по делу, принятых на фоне внешне аналогичных, в действительности же неправильно понятых или неполно выясненных условий задачи; авторитетность для суда всего предшествующего производства и неспособность принять на себя самостоятельную ответственность за иное решение; конформизм как внутренняя готовность соглашаться с чужими решениями, мнениями, выводами и, наконец, «эффект психологической установки» в мыслительной деятельности. В силу этого эффекта убеждение судей может складываться еще до исчерпывающего исследования дела в суде, этот эффект может проявляться в сужении пределов судебного исследования, способствовать развитию явлений «субъективной недоступности», что препятствует психической возможности всестороннего восприятия фактов, поскольку установка заменяет внимание и исключает перенесение активности в восприятии на какие-либо новые обстоятельства и направления в исследовании. См.: Рагинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 48; Элиава Н. Л. Мыслительная деятельность и установка // Исследования мышления в советской психологии. М., 1966. С. 290; Кузьмин С. С. Основы социальной психологии // Вопросы криминалистики. М., 1961. С. 1—2, 41; Брусиловский А. Е. Судебно-психологическая экспертиза. Харьков, 1929. С. 36.

⁵⁰ В судопроизводстве буржуазных государств подобные отрицательные тенденции постоянно расширяются. Так, Е. Дриндль, критикуя средства, которые используются для ускорения судебной процедуры в Австрии, связывает это со следующими отрицательными явлениями: вместо составительного процесса в суде происходит подтверждение пра-

Тем самым сводится на нет самостоятельность и активность судебного исследования. Указанное не критическое восприятие мешает и выявлению нарушений, допущенных в досудебных стадиях, и достоверному установлению обстоятельств дела, и правильному применению материального и процессуального закона в суде.

Показатели, по которым оценивается качество рассмотрения дела в суде, должны ориентировать на наиболее полное выявление недостатков, имевших место на предыдущих стадиях процесса. Выявление всех дефектов расследования и соответствующее закону процессуальное реагирование на них должно признаваться положительным показателем работы суда. Наличие же таких ошибок органов расследования, которые не были обнаружены судом первой инстанции, напротив, всегда является отрицательным показателем работы.

Данный подход согласуется с принципами оценки других видов деятельности, в которых присутствуют элементы творческого труда⁵¹. Ценность творческой деятельности рекомендуется определять, исходя из того, дают ли ее результаты (при наличии к тому объективных оснований) что-либо новое для анализа и решения возникших задач⁵². В деятельности органов, осуществляющих судопроизводство, одной из самых трудных является проблема обнаружения в материалах уголовных дел таких моментов, которые, не согласуясь с уже принятыми по делу решениями, дают основания для других новых выводов.

вильности данных расследования; оглашение обвинительного заключения уже предreshает итог процесса; суд отказывается от непосредственного и самостоятельного исследования доказательств, подменяя его оглашением полицейских материалов; в приговоре, как правило, повторяются выводы органов расследования, и расследование фактически в силу этого занимает доминирующее положение по отношению к судебному разбирательству. (*Friendl Jo. Verfahrensökonomie und Strafprozeßreform. Ein praktischer Gang durch das Österreichische Strafverfahren. Bochum, Studienverlag Dr. N. Brockmeyer, 1984, S. 106—108, 115, 116, 148, 259*).

⁵¹ О творческом характере деятельности судей см.: *Радугина Н. В.* Народный судья: Профессиональное мастерство и подготовка. М.: Юрид. лит., 1977. С. 38 и др.

⁵² См.: *Белиловский Е. Л.* Формализация оценки творческой деятельности и ее правовые последствия // Сов. государство и право. 1970. № 6. С. 132.

Итак, качество выполнения судом его контрольных функций по отношению к расследованию должно учитываться как один из важнейших критериев оценки деятельности судов первой инстанции. Ориентировка на этот критерий служила бы (организационно и психологически) предупреждению некритического восприятия материалов расследования и способствовала бы более правильной реакции самого суда на критику его процессуальной деятельности со стороны всех участников процесса в ходе судебного разбирательства.

Насколько важно для правильной оценки судебной работы учитывать выполнение судом контрольных функций по отношению к расследованию, показывают и некоторые социологические данные. Они позволяют выявить, в частности, возможности улучшения указанной контрольной деятельности.

При изучении причин отмены приговоров в отдельных регионах обнаруживается в течение ряда лет определенное смещение в соотношении различных оснований, по которым приговоры отменялись. Можно отметить уменьшение доли такого основания отмены, как несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, на 13,3% и в то же время увеличение на 10% случаев неполноты и односторонности предварительного и судебного следствия и на 3,3% количества выявленных вышестоящими судами существенных процессуальных нарушений.

Значит, уменьшилась относительная величина ошибок в логическом построении и обосновании выводов суда. Обоснование судом своих выводов в приговоре представляет собой такой компонент судебной деятельности по принятию решений, который менее всего связан с качеством предшествующей процессуальной деятельности. Вместе с тем увеличилось количество таких отрицательных явлений, приводящих к отмене приговора, которые часто характерны как для судебного исследования, так и для предварительного расследования по делу.

Более подробный анализ также убеждает в этом. Из 856 изученных случаев отмены приговоров ввиду неполноты и односторонности исследования обстоятельств дела больше половины (52,6%) приходится на дела, по которым расследование также было проведено неполно и односторонне. В этих ситуациях речь идет, естественно, о том, что суд и не выявил и не

восполнил неполноту расследования, отнеся к его материалам явно некритически. Конечно, вопрос о полноте исследования всегда связан с внутренним убеждением, лежащим в основе оценки доказательств, и при его решении могут играть большое значение субъективные факторы. В противоположность этому решению вопрос о наличии или отсутствии существенных процессуальных нарушений, как правило, не зависит от личных представлений членов судейской коллегии, поскольку закон точно определяет все требования к форме процессуальной деятельности. Между тем из всей массы изученных дел, по которым вышестоящими судами были выявлены существенные процессуальные нарушения (372 случая), больше трети (36%) нарушений были допущены органами расследования и не выявлены судом первой инстанции или повторены в судебном заседании. Это те ситуации, когда для устранения допущенных нарушений процессуального закона новое рассмотрение дела после отмены приговора пришлось начать со стадии предварительного расследования.

Чем можно объяснить такое отношение судов первой инстанции к выполнению своей контрольной функции, такое их «доверие» к предшествующей процессуальной деятельности? Ведь с точки зрения закона оно недопустимо. В Постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 14 декабря 1982 г. прямо указано, что «вопреки требованиям закона и разъяснениям, содержащимся в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного суда РСФСР... суды не предъявляют должной требовательности к качеству предварительного следствия...»⁵³. Опыт работы судов первой инстанции показывает, что повышение требовательности к качеству следствия позволяет более эффективно вскрывать недостатки расследования уже на первой судебной стадии процесса⁵⁴.

В литературе постоянно отмечаются факты высокой результативности деятельности судов первой инстан-

⁵³ Бюл. Верхов. суда РСФСР. 1983. № 3. С. 5.

⁵⁴ См.: Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1980. С. 275. По нашим данным в 1986 г. также значительно увеличилось обоснованное направление дел на доследование из народных судов.

ции по выявлению недостатков расследования⁵⁵. Опрос судей народных и вышестоящих судов (всего опрошено около 1000 судей) показал вместе с тем, что народные судьи иногда менее требовательны к качеству следствия. Оценивая по пятибалльной системе качество расследования, 81,8% опрошенных народных судей указали на то, что уровень следственной деятельности плохой и посредственный, в то время как судьи вышестоящих судов высказали такое мнение в 94,9% случаев. Разница в относительном количестве судей, давших такую низкую оценку качеству следствия, в народных и вышестоящих судах свидетельствует о недостаточно критическом отношении судов первой инстанции к процессуальной деятельности в досудебных стадиях.

Не приходится думать, что суды второй инстанции необоснованно строго оценивают качество следствия. Обобщения судебной практики показывают, что недостатки расследования, на которые было указано вышестоящими судами при отмене приговора, по итогам повторного рассмотрения дел в судах первой инстанции после проведенного дополнительного расследования практически подтверждаются почти во всех случаях (по выборочным данным в 95% изученных дел). В уголовно-процессуальной литературе указывается, что нарушения требований всесторонности, полноты и объективности предварительного следствия «не имеют постоянной тенденции к сокращению из года в год»⁵⁶, что по многим делам суды первой инстанции не соглашались с выводами органов расследования о квалификации деяния и изменяют ее⁵⁷, что 15% уголовных дел, возвращенных на дополнительное расследование, надо было вернуть уже из стадии предания суду⁵⁸, что из всех ошибок, обнаруженных вышестоя-

⁵⁵ См., напр.: *Скаредов Г.* Охрана прав граждан в уголовном судопроизводстве // Соц. законность. 1983. № 4. С. 21.

⁵⁶ *Алексеев Н. С., Лукашевич В. З.* Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970. С. 133.

⁵⁷ См.: *Кореневский Ю. В.* Судебная практика и совершенствование предварительного расследования. М.: Юрид. лит., 1974. С. 54, 60; *Чувилев А.* Рец. на кн.: *Кореневский Ю. В.* Судебная практика и совершенствование предварительного расследования. М.: Юрид. лит., 1974 // Соц. законность. 1975. № 6. С. 93; *Чеджемов Т. Б.* Указ. соч. С. 88.

⁵⁸ См.: *Мартынчик Е. Г.* Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Кишинев, 1975. С. 104.

щими судами при рассмотрении уголовных дел в кассационном порядке, 40% составляли невыявленные судами первой инстанции ошибки органов расследования⁵⁹. Анализируя тенденции, характерные для изменения качества следственной работы, судьи, опрошенные в ходе выборочного исследования, также указали, что качество расследования не улучшилось (61,6% народных судей и 91,6% судей вышестоящих судов). Некоторые из них отметили ухудшение качества расследования.

В Постановлении ЦК КПСС по вопросам дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка, принятом в ноябре 1986 г., «Центральный Комитет партии потребовал решительно покончить с проявлениями предвзятости, тенденциозного подхода при проведении дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства...». Указано также, что «из практики работы правоохранительных органов должны быть полностью исключены факты необоснованных задержаний и арестов, незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности»⁶⁰. Эти требования конкретизированы в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия», принятом 5 декабря 1986 г. В нем подчеркивается, что суды должны повысить требовательность к качеству предварительного расследования, уделять особое внимание проверке заявлений о нарушениях закона в ходе дознания или предварительного следствия и принимать необходимые меры к устранению подобных нарушений⁶¹.

В связи с задачами улучшения качества расследования и повышения эффективности уголовного судопроизводства актуализируется вопрос о расширении сферы действия судебного контроля за расследованием. Судебный контроль, как отмечалось в литературе, не должен ограничиваться проверкой деятельности органов расследования, осуществляемой после передачи дела в суд. Предлагается возложить на суды обязанность проверять отдельные наиболее существенные процессуальные акты органов расследования еще до

⁵⁹ См.: Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Указ. соч. С. 216.

⁶⁰ Правда. 1986. 30 нояб.

⁶¹ Бюл. Верхов. Суда СССР. 1987. № 1. С. 10.

окончания этой стадии процесса или передать полномочия на решение ряда вопросов из компетенции следственных органов в компетенцию судов⁶². Конституция СССР 1977 г. существенно расширила сферу судебного контроля за деятельностью должностных лиц. Становится еще более очевидной необходимость усиления контрольной функции судов по отношению к деятельности органов расследования в уголовном процессе. Во всяком случае, те формы осуществления этой функции, которые уже предусмотрены процессуальным законодательством, должны максимально использоваться.

3. Система процессуальных средств оценки качества судебного разбирательства

Оценка хода судебного разбирательства с позиций различных участников процесса регламентирована уголовно-процессуальным законом.

Право реально оценивать судебное исследование имеют: подсудимый и его защитник — по отношению к процессуальным действиям и решениям, касающимся доказывания обвинения и обеспечения их процессуальных интересов; прокурор и потерпевший — по отношению к процессуальной деятельности, препятствующей осуществлению обвинения; прокурор — по от-

⁶² Обсуждаются предложения о судебном контроле за законностью предварительного заключения и за прекращением дел по реабилитирующим основаниям. См.: *Нажимов В. П.* Суд как орган правосудия по уголовным делам в СССР // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград, 1970. С. 148. Обосновываются предложения о возложении на суд обязанности разрешения спора между прокурором и следователем по поводу меры пресечения и необходимости приостановления дела. См.: *Выдря М.* Указ. соч. С. 46. Давно ставится вопрос о введении судебного порядка прекращения дел в связи с передачей их в товарищеские суды или в комиссии по делам несовершеннолетних, а также в связи с передачей привлекаемых к уголовной ответственности лиц на поруки. См.: *Савицкий В. М.* Проблемы социалистического правосудия в свете новой Конституции // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 10—12; *Алексеев Н. С., Давв В. Г., Кокорев Л. Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 205. Предлагается также ввести судебный порядок прекращения дел при применении амнистии и помилования и в случае смерти обвиняемого. См.: *Либус И. А.* Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981. С. 205—210.

ношению к действиям, не соответствующим требованиям закона; гражданский истец и ответчик — по отношению к доказыванию обстоятельств, касающихся гражданского иска, и к обеспечению предоставленных им полномочий; различные участники процесса — по отношению к правосубъектности судей и законности их действий; члены судейской коллегии — по отношению к деятельности всех участников процесса.

Этот вывод непосредственно вытекает из многих положений процессуального законодательства. Можно сослаться, например, на формулировку Закона о Прокуратуре СССР от 30 ноября 1979 г., согласно которой прокурор осуществляет надзор не только за законностью и обоснованностью судебных приговоров, но и за выполнением «требований закона о всестороннем, полном, объективном и своевременном разбирательстве дела» в судах (ст. 5, 31). Разбирательство дела в суде при участии подсудимого (ст. 246 УПК РСФСР) обеспечивает ему возможность выразить свое отношение ко всему происходящему в судебном заседании. Правило о занесении в протокол возражений, которые могут заявить лица, участвующие в судебном разбирательстве, против действий председательствующего в судебном заседании (ст. 243 УПК) и право заявить отвод судье при наличии обстоятельств, дающих основание предполагать его заинтересованность в конкретном деле, или ввиду недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении дела (ст. 59—61 УПК) позволяет участникам процесса влиять на проведение судебного заседания. Обязанность суда мотивировать и оглашать выносимые в ходе судебного заседания определения, а также мотивировать отказ в удовлетворении ходатайств (ст. 261, 263 УПК) свидетельствует о недопустимости необоснованного игнорирования позиций участников судопроизводства. Обязательность судебных прений, выступление в прениях обвинителей, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков, защитников или подсудимого (если защитник не принимал участие в судебном заседании) и анализ ими результатов судебного следствия (ст. 295 УПК) гарантируют, что формулирование участниками судебного разбирательства их мнений и оценок непременно предваряет судебные решения. Важными средствами оценки качества судебного разбирательства с позиций участников процесса являются подаваемые ими заме-

чания на протокол судебного заседания (ст. 265 УПК), а также возможность обжаловать не только решения, но и действия суда (ст. 22 УПК).

Поскольку в ходе судебного разбирательства все его участники наделены существенными правами, позволяющими им влиять на разбирательство дела, то все они могут выступать уже на этом этапе процесса, а не только после вынесения приговора как субъекты критической оценки процессуальной деятельности суда. В связи с этим нужно подчеркнуть ряд условий, без которых бессмысленно говорить о возможности использовать процессуальные средства оценки хода судебного разбирательства еще до вынесения приговора.

Во-первых, участникам процесса должна быть обеспечена возможность полного использования прав в ходе судебного разбирательства. Это касается в первую очередь тех процессуальных полномочий, благодаря которым они могут способствовать полноте, всесторонности и объективности судебного исследования и предлагать его дополнения и корректировку. Конечно, справедливо, что, прежде чем ожидать от участников судопроизводства процессуальной активности, следует позаботиться о разъяснении и усвоении предоставленных им законом процессуальных прав и возложенных на них процессуальных обязанностей⁶³.

Во-вторых, суды сами должны быть ориентированы на то, чтобы извлечь возможно больше пользы из деятельности различных участников судопроизводства для обеспечения высокого качества рассмотрения и разрешения дел. И здесь идея самостоятельности суда в судебном исследовании не должна приводить к игнорированию позиций иных участников процесса. Последнее и важно и трудно потому, что в силу особенностей психологии судебного познания убеждение в виновности обвиняемого может возникнуть у судьи уже после предания обвиняемого суду, т. е. еще до судебного разбирательства.

По результатам опроса 689 народных судей 50% указали, что позиция по делу часто формируется у них до проведения судебного следствия, а 6% судебных работников ответили, что их убеждение по делу всегда складывается до судебного разбирательства.

⁶³ См.: Зусь Л. В. Указ. соч. С. 61; Конституционные основы правосудия в СССР. С. 254.

Только 20% судей отметили, что у них никогда прежде временно не формируется позиция по делу. Если убеждение судей возникает на основе письменных материалов дела (а именно это происходит, когда убеждение складывается до судебного разбирательства), конечно, не могут быть обеспечены активность суда в судебном исследовании и внимательный анализ судом позиций других участников процесса. Между тем именно реальный учет позиций всех участников судебного разбирательства может помогать судьям в психологически непростой ситуации, когда они, решив вопрос о предании суду, должны воздерживаться до конца судебного разбирательства от каких-либо выводов по существу рассматриваемого дела.

В-третьих, эффективное участие всех привлеченных к судопроизводству лиц в обеспечении качества судебной деятельности зависит не только от их инициативы, но и от того, насколько суды «готовы» предоставить им действительно активную роль в судебном разбирательстве. Здесь важно подчеркнуть обратное отрицательное воздействие позиции суда, который иногда лишь формально выслушивает мнения, ходатайства, замечания, по существу неосновательно отвергая их. Эта позиция парализует активную процессуальную деятельность.

В уголовно-процессуальной литературе анализируются случаи необоснованной «солидарности» судов с неправильной позицией, занятой по делу государственным обвинителем, когда это влечет вынесение ошибочных приговоров и их отмену. Однако при анализе роли основных участников процесса в предупреждении ошибочных судебных решений важна критическая оценка ими деятельности суда в ходе судебного разбирательства.

В связи с этим интересен, например, такой факт. Далеко не часто встречается в судебной практике ситуация, когда и обвинитель и защитник по результатам судебного исследования высказывают суду одинаковые мнения о необходимости изменить квалификацию деяния подсудимого, так как считают доказанным обвинение в менее тяжком преступлении по сравнению с тем, которое было сформулировано в обвинительном заключении. По 50 уголовным делам с измененными впоследствии в части квалификации деяния обвинительными приговорами обвинитель и защитник в 76%

(38 дел) случаев просили суд именно о таком решении. Дальнейшее производство, закончившееся таким изменением приговоров, подтвердило правильность этой совпадающей позиции обвинения и защиты. Однако суд, что несомненно важно для оценки его деятельности, не прислушался к единодушному мнению сторон⁶⁴.

Способность судей правильно оценить позиции сторон, принять их во внимание, а не безмотивно отвергать также должна служить показателем их работы. Она всегда отражается на качестве рассмотрения дела и позволяет оценить деловые качества судей.

То, что суды, нередко неосновательно, не прислушиваются к позициям сторон, рождает неправильное, беспринципное отношение некоторых адвокатов к защите перед судом своего мнения по делу, не совпадающего с позицией обвинительного заключения. Из 950 изученных дел, приговоры по которым были отменены ввиду их необоснованности, защитник в судебном заседании первой инстанции лишь в 28% случаев настаивал на недоказанности вины подсудимого. По остальным же делам адвокаты предлагали или иначе квалифицировать деяние по закону о менее тяжком преступлении, или избрать возможно более мягкую меру наказания, или возратить дело на дополнительное расследование. Интересен и тот факт, что (по данным анализа 1595 дел с отмененными приговорами) участие адвокатов не способствовало снижению количества ошибок судов, выражающихся в неполноте и односторонности исследования по делу и в несоответствии выводов суда собранным материалам; адвокаты либо не ставили вопрос о необоснованности обвинения, либо не могли добиться учета такого их мнения судом. Это свидетельствует, очевидно, о том, что адвокаты-защитники не используют все предоставленные им зако-

⁶⁴ Приведенные данные свидетельствуют в пользу высказанного Н. В. Радутной мнения о причинах отрицательного отношения адвокатов к деятельности отдельных судей. Критическая оценка этой деятельности вызывается проявляемой некоторыми судьями предвзятостью в отношении подсудимого, недостаточным вниманием к аргументам и выводам, предлагаемым адвокатом в защитительной речи, а также нарушениями в процедуре судебного разбирательства. См.: Повышение роли адвокатуры в оказании юридической помощи гражданам // Сов. государство и право. 1985. № 3. С. 74.

ном возможности для защиты прав подсудимого и оспаривания доказанности обвинения.

Но не менее существенно, что суды часто не принимают во внимание критику доказанности обвинения и отказываются при этом от использования даже явно имеющихся возможностей по дополнению судебного исследования.

Так, по изученным делам в отношении лиц, реабилитированных вышестоящими судами в связи с отменой обвинительного приговора, адвокаты в суде первой инстанции настаивали на невиновности обвиняемого в 98% случаев, но суд вынес все-таки обвинительный приговор. По 343 делам, где были отменены приговоры из-за неполноты и односторонности исследования, т. е. тогда, когда вышестоящий суд признал объем исследования доказательств явно недостаточным, суды первой инстанции по четырем из каждых пяти дел отказались от дополнения следствия при наличии обоснованных ходатайств сторон, указавших на его неполноту.

Обеспечение точного исполнения процессуальных норм в деятельности судов существенно зависит от того, по каким параметрам оценивается рассмотрение дела. Поэтому в качестве показателя, свидетельствующего об уровне судебной деятельности, необходимо учитывать наличие критики со стороны участников процесса по отношению к тому, что происходило в судебном разбирательстве. При этом должны учитываться отношение суда к мнениям участников процесса по различным вопросам и мотивы решений, принятых судом в связи с критикой судебного исследования. Неспособность, нежелание суда учитывать обоснованные предложения участвующих в судопроизводстве лиц, в какой бы процессуальной форме они ни были выражены, — один из существенных показателей низкой оценки уровня судебной деятельности.

Можно выделить ряд конкретных моментов в процессуальной деятельности участников судебного разбирательства, на которые необходимо обращать внимание в целях выявления качества рассмотрения дела. Идея учета и максимальной фиксации всех деталей рассмотрения дела в суде, которые могут послужить оценке судебного разбирательства, диктует прежде всего выявление позиций представителей обвинения и защиты в ходе судебного рассмотрения уголовного

дела. Без этого промежуточного этапа оценки судебного исследования, выражаемой в заявлениях, отводах, ходатайствах, вопросах, жалобах, в речах, произносимых в порядке судебных прений, в замечаниях на протокол судебного заседания, невозможно оценить подлинный характер судебного разбирательства.

Основную роль в фиксации всех указанных данных играет протокол судебного заседания. Поэтому для обеспечения правильной оценки качества рассмотрения дела, помимо тех моментов, которые перечислены в ст. 264 УПК, в протоколе должны фиксироваться основания заявленных отводов, ходатайств, жалоб, содержание вопросов, задаваемых в процессе исследования доказательств, мотивы возражений против действий председательствующего, основное содержание речей и мотивировка позиций, сформулированных участниками судебных прений.

В протоколе должны также фиксироваться все действия суда по устранению нарушений в ходе судебного разбирательства, на которые суду указывают представители обвинения и защиты и другие участники процесса. Это тоже способствовало бы более правильной оценке качества судебного рассмотрения. Изучение судебной практики показывает, что заявления участников процесса по поводу нарушений процессуального порядка рассмотрения и разрешения дел оказывают существенное положительное влияние на строгое соблюдение закона. Например, по делам, в рассмотрении которых принимали участие адвокаты-защитники, существенные процессуальные нарушения, влекущие отмену приговоров, встречались значительно реже, чем в случаях рассмотрения дел без участия защитника. Надо, чтобы протокол судебного заседания позволял судить о том, чьими усилиями обеспечено в ходе судебного разбирательства строгое соблюдение закона.

Для оценки качества рассмотрения дела имеет значение учет случаев и мотивов снятия судом вопросов, задаваемых участниками процесса в ходе судебного следствия. Сейчас они не могут быть проанализированы, так как не фиксируются в протоколе судебного заседания. Это исключает возможность полной и адекватной оценки организации доказывания в суде, а также культуры судебного процесса.

Действующие процессуальные правила не всегда обеспечивают условия для проверки обоснованности

реакции суда на заявления и ходатайства участников процесса. Так, законом не предусмотрено, что при вынесении судом определений без удаления в совещательную комнату (ч. 3 и 4 ст. 261 УПК) оглашаться должно и существо решения, и его мотивы. Следовательно, указанные мотивы не находят отражения в протоколе судебного заседания.

Обвинитель, защитник, подсудимый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители вправе (ст. 298 УПК) представить суду предлагаемую ими формулировку решения по рассматриваемым при вынесении приговора вопросам, перечисленным в п. 4—5 ст. 303 УПК РСФСР⁶⁵. Однако закон не предусматривает, что данные письменные предложения должны приобщаться к материалам дела. Отсутствие правила о приобщении письменных предложений участников прений к материалам дела на фоне обоснованного указания в законе, что предложенные ими формулировки не имеют для суда обязательной силы, приводит к очень редкому использованию этого права, не способствует активному отстаиванию участниками процесса собственной позиции по делу во всех предусмотренных законом формах и не дает возможности учесть их мнения в целях оценки качества рассмотрения и разрешения дела судом.

В протоколе судебного заседания не фиксируется и содержание судебных прений. Этим практически исключается возможность получить сведения об отношении наиболее активных и полномочных участников судебного разбирательства к его ходу и результатам. Такое положение не может компенсироваться тем, что стороны в процессе имеют право опротестовать или обжаловать судебный приговор и повторить в своих кассационных протестах и жалобах доводы, с которыми суд при вынесении приговора не согласился. Реально обжалование и опротестование приговоров в кассационном порядке имеет место не более чем по 25—30% рассматриваемых судами уголовных дел. Поэтому в большинстве случаев в материалах дела не остается никаких сведений об оценке хода судебного разбира-

⁶⁵ «Этим оказывается суду существенная помощь при вынесении приговора, а вместе с тем повышается определенность и конкретность утверждений, которые стороны выдвигают в прениях» (Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. С. 309).

тельства и его итогов именно со стороны наиболее активных и компетентных участников процесса, и прежде всего со стороны представителей обвинения и защиты.

Очевидно, следовало бы сформулировать в законе не право, а обязанность государственного обвинителя и адвоката-защитника представлять суду письменную формулировку своей позиции по делу. Это способствовало бы также активизации их деятельности и повысило бы ответственность сторон за обоснованность своей процессуальной позиции.

Практически очень ограничены возможности прокурора использовать критические позиции участников процесса, когда он не поддерживал обвинение в судебном разбирательстве, но обязан до вступления приговора в законную силу решить вопрос о необходимости его опротестования.

Пересмотр уголовных дел в надзорном порядке часто происходит по инициативе не тех прокуроров и адвокатов-защитников, которые принимали участие в разбирательстве дела в суде первой инстанции. Поэтому сведения о позициях участников процесса в этой инстанции, непосредственно наблюдавших за ходом судебного разбирательства и стремившихся активно способствовать вынесению законного и обоснованного решения, вообще не попадают в поле зрения судов надзорной инстанции. Кроме того, изучение письменных материалов дела является единственным способом проведения обобщений судебной практики и основой для определения необходимых направлений оказания вышестоящими судами практической помощи нижестоящим судам в правильном применении законодательства. Эти внепроцессуальные формы анализа судебной практики, как указывалось выше, также имеют своей целью оценку качества рассмотрения дел, и, конечно, в этой работе для обеспечения большей ее объективности должны учитываться процессуальные позиции основных участников процесса. Отсутствие в материалах дела сведений об этих позициях приводит к утрате важной оценочной информации, которая может быть использована для характеристики судебного рассмотрения, предшествовавшего вынесению приговора.

Для дальнейшего совершенствования процессуального законодательства и развития в нем институтов, обеспечивающих оценку процессуальной деятельности

суда в ходе судебного разбирательства, важно существенное расширение права на принесение частных жалоб и протестов. П. А. Лупинская справедливо критикует отсутствие права на обжалование некоторых определений суда первой инстанции, что серьезно ограничивает права граждан⁶⁶. Кроме того, этим исключается возможность использовать частные жалобы и протесты в качестве повода для своевременной проверки и оценки деятельности судов. Следует, в частности, поддержать предложения о введении права: на обжалование решений суда относительно избрания или изменения меры пресечения, когда такие решения принимаются в ходе судебного разбирательства до вынесения приговора; на обжалование и опротестование определений суда об отказе в принятии замечаний на протокол судебного заседания, поскольку отказ в принятии замечаний может препятствовать обоснованию кассационных жалоб или протеста на приговор⁶⁷. В связи с расширением конституционных гарантий прав граждан на обжалование незаконных действий должностных лиц государственных органов представляется вполне правомерной постановка вопроса о расширении прав на обжалование процессуальных действий и решений в уголовном судопроизводстве. Это, безусловно, повысило бы и значение жалоб как процессуального средства оценки деятельности по рассмотрению и разрешению уголовных дел.

Для правильной и полной оценки качества судебного разбирательства необходимо учитывать роль суда и председательствующего в судебном заседании в обеспечении соблюдения закона.

Важно, воплощается ли в ходе судебного разбирательства подлинное уважение судей к закону⁶⁸. Не-

⁶⁶ См.: Лупинская П. А. Право жалобы в уголовном судопроизводстве в свете Конституции СССР // Тр. ВЮЗИ. 1979. С. 150; Она же. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в свете Конституции СССР. М., 1985. С. 63.

⁶⁷ Вопрос об обжаловании и опротестовании приговора как процессуальных средствах оценки деятельности судов по уголовным делам рассматривается в связи с основаниями отмены и изменения приговоров (см. вторую главу работы).

⁶⁸ В работах зарубежных авторов, посвященных анализу профессиональных качеств, необходимых для председательствующего в судебном заседании, на первое место среди всех других профессионально значимых для судей свойств личности ставится не просто знание закона, а уважение к

редко сведения, характеризующие деятельность суда как блюстителя процессуального закона, либо выпадают из поля зрения при оценке качества судебного разбирательства, либо не находят отражения в материалах дела, в протоколе судебного заседания.

Можно привести ряд примеров из судебной практики, свидетельствующих о формальном соблюдении закона в процессуальной деятельности, по существу не реализующей его важнейшие требования. Между тем случаи таких отступлений от закона далеко не всегда учитываются как показатели низкого качества судебной деятельности. Для ее оценки, например, имеет несомненное значение, обеспечивает ли суд в достаточной степени соблюдение прав всех участников процесса или ограничивается тем, что формально разъясняет эти права в подготовительной части судебного заседания. В протоколах судебного заседания выполнение председательствующим указанной обязанности фиксируется одной фразой: «Процессуальные права участникам процесса разъяснены». Однако Пленум Верховного суда РСФСР обратил внимание судов на то, что такое разъяснение не всегда по существу соответствует требованиям закона, нарушается установленный порядок разрешения заявленных ходатайств, не принимаются меры для реального осуществления прав участников процесса⁶⁹.

Так, в решениях вышестоящих судов по конкретным делам неоднократно указывалось, что суд в случаях отказа подсудимого от защитника, когда участие

закону, к лежащим в его основе правовым идеям и нравственным началам. См., напр: *Scheuerle W. Vierzehn Tugenden für vorsitzende Richter*. В.: Danckel und Humblot, 1983. S. 30, 73.

Отмечая падение авторитета государственных учреждений и кризис в положении председательствующего в судебных процессах, развивающийся в современном буржуазном уголовном судопроизводстве, автор указанной работы считает, что их преодоление невозможно без воспитания у судей уважения к закону, которое является результатом не только соответствующего обучения, но и постоянных усилий по реализации в судебной деятельности уважительного отношения к одобряемым законом ценностям, к правам всех участников процесса (С. 55—60).

⁶⁹ См.: Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 17 сентября 1975 г. «О соблюдении судами РСФСР процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел» // Бюл. Верхов. суда РСФСР. 1975. № 12. С. 4.

последнего является обязательным, должен проверять, действительно ли отказ от защитника не был вынужденным. В судебной практике сложилось правило, что суд принимает отказ от защитника лишь тогда, когда реально обеспечены его присутствие и возможность его участия в судебном заседании⁷⁰. Однако соблюдение этих правил все же не всегда гарантирует, что отказ от защитника не является вынужденным и что суд, принимая отказ, проанализировал возможность реального обеспечения права на защиту без участия защитника. Суды нередко не учитывают действительные возможности подсудимого самостоятельно осуществлять защиту, обусловленность отказа подсудимого от конкретного защитника желанием заменить его другим, обнаружившиеся расхождения в позициях по делу между подсудимым и его защитником. Практически сведения об указанных обстоятельствах содержатся в материалах дела, в объяснениях подсудимого. Они могут быть проанализированы и судом, рассматривающим дело, и вышестоящими судами при проверке законности и обоснованности приговоров, и при проведении обобщений судебной практики.

Но указанные обстоятельства чаще всего не принимаются во внимание, когда оценивается (в процессуальных или во внепроцессуальных формах) качество судебного разбирательства. Это, безусловно, влияет на правильное понимание судьями требований закона, на отношение к правовым принципам и к их реальному обеспечению.

Например, 63% из почти 700 опрошенных народных судей утверждают, что не должны и не будут в судебном заседании как-либо реагировать на поведение адвоката, признающего вину подсудимого полностью доказанной вопреки отрицанию вины самим подсудимым. Практически такая позиция адвоката лишает подсудимого помощи защитника. Однако судьи нередко не усматривают в этом никакого нарушения права на защиту, что, конечно, отрицательно характеризует и уровень их правосознания, и качество судебной деятельности.

Ряд действий председательствующего по делу вообще не фиксируется в протоколе судебного заседания. Последнее, очевидно, является результатом неточного

⁷⁰ Бюл. Верхов. суда РСФСР. 1984. № 5. С. 10.

толкования ст. 243 и 264 УПК РСФСР. В ст. 243 УПК нет указания на то, что все действия председательствующего по руководству судебным заседанием должны отражаться в протоколе. Вместе с тем специально отмечено, что подлежат занесению в протокол возражения против действий председательствующего. Последнее подчеркивает значение фиксации в протоколе всех несогласий с председательствующим. Но этим не исключается, что любые его действия должны отражаться в протоколе и тогда, когда возражения против них не заявлены. Ст. 244 УПК обязывает секретаря судебного заседания «*полно и правильно излагать в протоколе действия и решения суда, а равно действия участников процесса, имевшие место в ходе заседания*». А в ст. 264 УПК закреплено, что в протоколе судебного заседания указываются «*действия суда в том порядке, в каком они имели место*». Данные правила касаются также всей деятельности председательствующего по руководству судебным заседанием. Однако они далеко не всегда применяются по отношению к указанной деятельности.

В литературе приводятся примеры неправильных действий председательствующего, который, используя свое право принимать меры для устранения нарушений порядка в судебном заседании, запрещает лицам, присутствующим в зале судебного заседания, делать какие-либо записи⁷¹. В сущности, эти действия председательствующего в суде ограничивают принцип гласности судебного разбирательства, что противоречит требованиям закона⁷². Такое неправильное понимание председательствующим своих функций по поддержанию порядка в зале судебного заседания, противоречащее конституционному принципу гласности судопроизводства, — явление отнюдь не редкое. В подтверждение можно сослаться на следующие данные, приведенные в одной из последних работ, посвященных принципам правосудия⁷³.

⁷¹ См.: Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. С. 14.

⁷² В уголовном процессе всех социалистических стран признается, что в судебном заседании в силу принципа гласности присутствующим не может быть запрещено делать записи, а также пользоваться для этого магнитофоном. См., напр.: Mathern V. Dôsledne dodrziqvat zásady verejnosti v konani pred súdom // Socialistické sudnictvo. 1979. N 6. S. 47.

⁷³ См.: Конституционные основы правосудия в СССР. С. 217.

По результатам проведенного авторами указанной работы опроса народных судей более 30% из них указали, что в судебном заседании запретят делать любые записи кому-либо из присутствующих в зале лиц. Между тем на практике в протоколе судебного заседания такие факты не фиксируются, хотя они существенны для оценки соблюдения закона, стиля работы судьи, его отношения к правовым принципам, культуры судебного разбирательства.

В процессуальной литературе давно указывалось на то, что сам факт полной фиксации хода судебного заседания, например звукозапись всего процесса, оказывает положительное воздействие, заставляет всех участников процесса контролировать свое поведение и помогает осуществлять контроль за состоянием культуры судебного разбирательства. В целях правильной оценки качества судебной деятельности, для установления ее соответствия требованиям закона должны, по крайней мере в протоколе, фиксироваться все возникающие в судебном заседании внешние конфликты между судом и другими участниками процесса. Тогда материалы дела позволят получить объективную характеристику судебного заседания.

Из всего сказанного вытекает, что существующие требования к содержанию протокола судебного заседания не обеспечивают полного и объективного отражения в нем судебного процесса. Вместе с тем протокол судебного заседания является единственным средством, позволяющим документировать рассмотрение дела в суде, оценить качество судебного разбирательства, проверить законность и обоснованность приговора. В связи с этим необходимо расширить перечень данных, подлежащих отражению в протоколе судебного заседания.

В качестве специфического процессуального средства оценки деятельности суда по рассмотрению и разрешению уголовного дела следует назвать особое мнение одного из членов судейской коллегии, вынесшей приговор по делу. Это способ процессуальной критики итогов судебного разбирательства. Несогласие с ними одного из судей выражается при этом еще до проверки законности и обоснованности приговора в кассационном или надзорном порядке и может служить поводом для такой проверки. Уголовно-процессуальное законодательство большинства союзных республик (кроме

РСФСР и Таджикской ССР), закрепляя правило об особом мнении судьи, излагаемом им письменно в случае несогласия с решением двух других членов судейской коллегии, указывает и на процессуальные последствия оформленных таким образом разногласий в судейской коллегии: дела с особым мнением, если они не будут рассматриваться в кассационном порядке, после вступления приговора в законную силу направляются председателю вышестоящего суда. Данное правило учитывает, что особое мнение — сигнал, требующий и особого внимания к оценке качества разрешения конкретного дела.

Кроме того, сам порядок ведения и оформления протокола судебного заседания не обеспечивает точности отражения в нем даже тех данных, которые фиксируются. Секретарь судебного заседания часто не в состоянии записать все, что необходимо, в ходе самого заседания. По большинству дел протокол изготавливается уже после вынесения приговора, по памяти, что не гарантирует его правильности. Согласно ст. 264 УПК протокол должен быть изготовлен и подписан председательствующим и секретарем не позднее чем через трое суток после окончания судебного заседания и вынесения приговора. Но этот срок по многим делам не соблюдается. По данным исследования в отдельных регионах, изготовление протокола занимает в народных судах 15, а в областных судах — 25 дней.

В ряде случаев реально невозможно изготовить протокол судебного заседания в течение трех суток (например, если дело рассматривалось в судебном заседании длительное время). Но не реально через такое длительное время и вспомнить все, что происходило в заседании, с такой точностью, чтобы суметь объективно отразить ход процесса в протоколе.

Вместе с тем изучение судебной практики показывает, что нередко на изготовление протокола в судах уходит значительно больше времени, чем на рассмотрение дела в судебном заседании (90% уголовных дел в народных судах рассматривается менее чем за один рабочий день, а в областных судах среднее время на рассмотрение одного уголовного дела по первой инстанции составляет 4,2 дня, т. е. в пять раз меньше, чем среднее время на изготовление протокола). Из этого следует, что нарушение сроков изготовления протокола судебного заседания часто связано не с трудностями

ми и длительностью судебного разбирательства, а распространено и по другим быстро рассматриваемым делам. Борьба с волокитой при оформлении протоколов, контролировать соблюдение судами сроков их изготовления нелегко и по следующей причине. В протоколе судебного заседания не отмечается дата его изготовления и подписания — этот реквизит протокола не предусмотрен в ст. 264 УПК РСФСР как обязательный. Это пробел закона. /

Правка, вносимая при оформлении и подписании протокола в первоначальный его вариант, составленный в ходе судебного заседания, нередко не соответствует тому, что действительно происходило в суде: протокол как бы «приспосабливается», подгоняется к принятому по делу решению (по результатам исследования, проведенного Московским общественным научно-исследовательским институтом судебной защиты, распространенность такого явления отметили 67% из 420 опрошенных по данному поводу адвокатов) ⁷⁴.

Порядок же рассмотрения замечаний на протокол, которые подают участники процесса (обвинитель, защитник, подсудимый и др.), также не обеспечивает внесение в него необходимых исправлений. Если судья, председательствовавший в судебном заседании, не согласен с поданными замечаниями, то они вносятся на рассмотрение распорядительного заседания суда, в котором согласно закону (ст. 266 УПК РСФСР) может участвовать один народный заседатель, не входивший в состав суда при рассмотрении дела. Если мнение заседателя, участвовавшего в рассмотрении дела, не совпадает с мнением председательствовавшего, отвергающего замечания на протокол, то судьба замечаний решается голосом народного заседателя, не входившего в состав суда при проведении разбирательства по делу. Другие же участники процесса при рассмотрении замечаний не присутствуют.

Кроме того, в законе не установлен срок для рассмотрения замечаний на протокол. Исследования показывают, что замечания в судах долго остаются без

⁷⁴ См.: Рубежов Г. С., Абушахмин Б. Ф., Баренбойм П. Д. Протокол судебного заседания и реализация процессуальных гарантий // Сов. государство и право. 1986. № 2. С. 117.

рассмотрения (в среднем проходит 14 дней с момента принесения до момента рассмотрения замечаний). Это также затрудняет решение вопроса о достоверности протокола судебного заседания.

Протоколы судебных заседаний изготавливаются рукописным способом, что мешает изучению протокола участниками процесса, а главное — проверке качества рассмотрения дела в вышестоящих судах.

В связи с изложенным представляется важным внести ряд дополнений в регламентацию порядка ведения протокола в судебном заседании. Необходимо предусмотреть в ст. 243 УПК РСФСР, определяющей функции председательствующего в судебном заседании, его обязанность принимать меры для обеспечения правильного отражения судебного разбирательства в протоколе. Наряду с дополнением перечня сведений, подлежащих занесению в протокол, следует указать также в ст. 264 УПК РСФСР, что протокол судебного заседания должен оформляться секретарем и подписываться председательствующим после каждого дня судебного заседания. После каждого дня заседания и при окончательном оформлении всего протокола полностью в протоколе должна указываться дата его подписания. Должна быть предусмотрена также возможность ведения полной звукозаписи судебного разбирательства, на основе которой было бы значительно проще вносить необходимые исправления в протокол, особенно по длительно рассматривавшимся в суде делам. Окончательное оформление протокола должно завершаться изготовлением его машинописной копии. Участникам процесса по их ходатайствам должно быть предоставлено право знакомиться с протоколом заседания по мере его изготовления, до окончания всего судебного разбирательства. Их замечания, принесенные на протокол, также должны рассматриваться до окончания процесса и могут быть внесены председательствующим на рассмотрение в следующем судебном заседании по данному делу. При этом замечания должны рассматриваться судом в том же составе, в каком проходило слушание дела, а заинтересованным участникам процесса необходимо предоставить право присутствовать при их рассмотрении.

В литературе в течение многих лет предлагалось аналогично решить вопрос о последствиях изложения судьей своего особого мнения и в указанных двух рес-

публиках⁷⁵. Закон о Верховном Суде СССР от 30 ноября 1979 г. закрепил в специальной статье (ст. 32) правила об изложении и последствиях особого мнения судьи или народного заседателя Верховного Суда СССР: судья или народный заседатель, оставшийся при рассмотрении дела в Судебной коллегии при особом мнении, излагает его в письменном виде; оно приобщается к делу и докладывается Председателю Верховного Суда СССР. Закон о Верховном Суде СССР предусматривает возможность изложения особого мнения при рассмотрении дел не только по первой инстанции, но также в кассационном и надзорном порядке, в том числе при рассмотрении дела Пленумом Верховного Суда СССР (ст. 21). В этих случаях особое мнение члена Пленума приобщается к протоколу заседания Пленума.

Анализ этих новелл позволяет сделать ряд выводов по поводу необходимых перспектив развития этого института в республиканском уголовно-процессуальном законодательстве. В новом Законе о Верховном Суде СССР подчеркнуто значение особого мнения как процессуального сигнала для обязательной оценки законности и обоснованности вынесенных судебных решений. В то же время правило о письменном изложении особого мнения в ст. 32 сформулировано не как право, а как обязанность члена Судебной коллегии или народного заседателя, если он не согласен с решением, принятым большинством судей⁷⁶. Это подчеркивает отношение законодателя к важности такого средства критической оценки законности и обоснованности разре-

⁷⁵ См.: *Понеделков М.* Приговор суда и убеждение народных заседателей // Соц. законность. 1972. № 2. С. 34; *Прокопьева С. И.* Организационные, гисеологические и процессуальные аспекты постановления приговора: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1976. С. 22. С. В. Курылев считал необходимой и более серьезную процессуальную форму реагирования на особое мнение судьи, когда последний считает достоверно не установленным какой-либо существенный для дела факт; в таких случаях предлагалось отменять приговор. См.: *Курылев С. В.* О достоверности и вероятности в правосудии // Правоведение. 1968. № 1. С. 70.

⁷⁶ Несмотря на различное решение этого вопроса в республиканском законодательстве, очевидно, вариант решения, закрепленный в общесоюзном Законе о Верховном Суде СССР, должен стать единственным. Доводы в пользу такого решения см. также в кн.: *Мартыничук Е. Г.* Особое мнение судьи по уголовному делу. Кишинев, 1981. С. 21—24.

шения дел в судах. Особое мнение является специфическим и весьма серьезным поводом для проверки качества рассмотрения конкретного дела, так как несогласие с судебным решением выражается одним из судей, уполномоченных на его принятие, т. е. важнейшим субъектом процессуальной деятельности, не заинтересованным лично (ни прямо, ни косвенно) в разрешении дела.

В связи с проблемами повышения ответственности всех членов судейской коллегии за законность и обоснованность выносимых решений необходимо рассмотреть вопрос и о самом понятии особого мнения, и о тех изменениях в законодательстве, которые обеспечивали бы отношение к нему, как к действительно серьезному критическому сигналу.

Во-первых, в судебной практике проявляется необоснованное сужение понятия особого мнения: считается, что оно имелось при вынесении приговора только в том случае, если судья, оставшийся в меньшинстве, изложил его письменно. Между тем из формулировок, содержащихся как в общесоюзном Законе о Верховном Суде СССР (ст. 32), так и в УПК союзных республик (ст. 307 УПК РСФСР), вытекает, что законодатель рассматривает как особое мнение позицию судьи, оставшегося в меньшинстве, еще до того, как она изложена письменно: «Председательствующий или народный заседатель, оставшийся при особом мнении, излагает (или вправе изложить) его в письменном виде».

Отсюда — целесообразность введения в законодательство всех союзных республик обязательного письменного изложения судьей своего мнения, если судья так и не согласился с мнением других членов судейской коллегии после обсуждения всех вопросов, подлежащих разрешению в совещательной комнате.

Во-вторых, в процессуальном законе должно быть также сформулировано правило о том, что суды, рассматривающие дела с особыми мнениями в кассационном или надзорном порядке, должны в своих определениях (постановлениях) по делу специально анализировать доводы, лежащие в обосновании особого мнения, аналогично обязательному рассмотрению ими доводов жалоб и протестов. При этом если вышестоящий суд не соглашается с особым мнением, то так же, как в отношении жалоб и протестов (ст. 351 УПК

РСФСР), он должен указать в своем решении, почему особое мнение признается неправильным.

В-третьих, необходимо (что также диктуется целями улучшения качества рассмотрения уголовных дел и его более точной оценки) периодическое изучение и обобщение в судах и органах Министерства юстиции дел, в которых имеются особые мнения судей или народных заседателей. Это, безусловно, дает дополнительные данные для оценки уровня работы отдельных судов и судей.

Правда, распространенность особых мнений судей невелика. Большинство судебных приговоров, как показывает изучение судебной практики, выносятся единогласно. Как уже указывалось, даже по тем делам, где приговоры были впоследствии отменены как ошибочные, единогласия в судебной коллегии не было лишь в 35,3% случаев⁷⁷.

Опрос народных судей показал, что особые мнения при постановлении приговора — явление довольно редкое: из 650 народных судей лишь 46, т. е. 5,5%, указали, что в течение года у них были случаи, когда они, рассматривая уголовные дела, оставались при особом мнении и излагали его в письменном виде. Особых мнений народных заседателей не было в течение года работы у 93,2% опрошенных судей. По данным Е. Г. Мартынчика, в судах Молдавской ССР одно особое мнение приходилось в 1973 и 1974 гг. на 500 рассмотренных уголовных дел, в 1975 г. — на 250, в 1976 г. — на 270, в 1977 г. — на 400 дел⁷⁸. По результатам изучения практики судов Ленинграда, Ленинградской и Ростовской областей за 1956—1966 гг. было установлено, что одно особое мнение приходилось лишь на 1200 уголовных дел⁷⁹.

Однако значение особых мнений как процессуального способа критической оценки законности и обоснованности разрешения уголовных дел, очевидно, в большей степени необходимо связывать не с его распространенностью, а с обоснованностью такой реакции од-

⁷⁷ См.: Морщакова Т. Г. Социальная психология и суд // Правоведение. 1974. № 2. С. 70.

⁷⁸ См.: Мартынчик Е. Г. Указ. соч. С. 114.

⁷⁹ См.: Нажимов В. П., Прокопьева С. И. О формах участия народных представителей в осуществлении правосудия по уголовным делам в СССР // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград, 1973. Т. 2. С. 73.

ного из членов судейской коллегии. Результативность особых мнений народных судей представляется высокой: по данным опроса народных судей, из 46 особых мнений судей 40 были признаны правильными в результате пересмотра приговоров в вышестоящих судах. Доля признанных правильными особых мнений народных заседателей существенно меньше и составляет немногим более пятой части всех случаев изложения ими особых мнений. Однако особые мнения народных заседателей признаются обоснованными значительно чаще, чем обжалование или опротестование приговоров: по результатам кассационного пересмотра приговоров удовлетворяется только около 10% протестов и жалоб.

Говоря о значении особых мнений народных судей для оценки качества работы судов, надо подчеркнуть, что признание вышестоящими судами правильности этих мнений является признаком высокого уровня профессиональной деятельности народных судей.

Ориентировка на то, чтобы во всех случаях разногласий в судейской коллегии судья или народный заседатель излагал письменно свое особое мнение, безусловно, способствовала бы своевременному корректированию судебных решений и облегчала бы оценку судебной деятельности на основе более широкого использования имеющихся средств процессуального контроля.

Необходимость использования средств оценки хода и итогов судебного разбирательства, рассмотренных выше, связана также со следующими соображениями. Закон требует документально оформлять всю процедуру предварительного расследования, хотя предоставляет суду первой инстанции право проверять и дополнять его материалы на основе активного собственного собирания и исследования доказательств.

Документирование хода судебного разбирательства в суде первой инстанции обеспечено хуже. Это кажется нелогичным на фоне того, что вышестоящие суды, проверяющие законность и обоснованность судебных приговоров, в общем (за некоторыми очень ограниченными изъятиями) не имеют права на новое дополнительное исследование доказательств и в то же время обязаны осуществлять контрольные функции по отношению к нижестоящим судам. Кроме того, закон требует, чтобы в ходе проверки законности и обоснован-

ности приговора выяснялось, соответствуют ли содержащиеся в нем выводы фактическим материалам дела. Эта задача не может быть решена только на основе анализа письменных материалов расследования, приговора и доводов жалоб и протестов. Тем более что, как показывает судебная практика, приговор может быть плохо мотивирован, но основан на полно и всесторонне проведенном судебном исследовании. И напротив, в приговоре могут быть приведены мотивы, не основанные на исследованном судом доказательственном материале. Оценка соответствия выводов суда фактическим материалам дела невозможна без тщательной фиксации хода судебного разбирательства. Поэтому наряду с совершенствованием правил и практики протоколирования судебного разбирательства заслуживает поддержки предложение В. И. Каминской о необходимости разработки и внедрения в практическую деятельность органов судопроизводства некоторых специальных (не только статистических) форм учета процессуальных явлений, нуждающихся в обобщении в связи с задачами совершенствования судебной деятельности и выявлением тех ее результатов, которые не отвечают всем требованиям закона⁸⁰. В качестве показателей для оценки качества судебного разбирательства должны учитываться все процессуальные формы выражения несогласия суда с действиями и решениями органов расследования, а также обнаруживающиеся в ходе судебного разбирательства разногласия его участников относительно процедуры рассмотрения дела и его разрешения по существу.

⁸⁰ См.: Каминская В. И. Теория советского уголовно-процессуального закона. С. 32, 33. О предлагаемых проектах форм для такого учета см. четвертую главу данной работы.

**ЗНАЧЕНИЕ ОСНОВАНИЙ ОТМЕНЫ (ИЗМЕНЕНИЯ)
ПРИГОВОРОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

**1. Признаки состава и квалификация
процессуальных нарушений, влекущих отмену
или изменение приговоров (постановка вопроса)**

Выявление и устранение нарушений закона, допущенных судами по уголовным делам, являются задачей кассационного и надзорного производства, в ходе которого дается конкретная критическая оценка неправильных, ошибочных приговоров и осуществляются таким образом руководство судебной практикой, а также предупреждение судебных ошибок.

Указанные стадии уголовного процесса рассматриваются в процессуальной литературе как имеющие специфическую контрольную направленность. Регулирующие их комплексы процессуальных норм (несмотря на различие точек зрения по поводу регулятивной и правоохранительной функции процессуального права), безусловно, признаются правоохранительными по отношению к предшествующим этапам процесса, поскольку должны обеспечивать законность актов правосудия. Проверка и, следовательно, оценка этих актов как законных и обоснованных или, напротив, как незаконных и необоснованных связана с установлением достижения судами целей, поставленных перед ними законом.

Процесс оценки качества рассмотрения судами конкретного дела в рамках уголовно-процессуальной процедуры происходит, как сказано выше, путем сравнения сформулированных в законе образцов процессуальной деятельности с реальной картиной рассмотрения и разрешения дела. В результате такого сравнения делается вывод о соответствии или несоответствии закону как самой уголовно-процессуальной деятельности, так и приговора в качестве акта социалистического правосудия¹.

В. Н. Кудрявцев справедливо подчеркивает значе-

¹ См.: Потеружа И. И. Роль суда второй инстанции в укреплении законности. Минск, 1980. С. 11.

ние такого понимания и такого анализа судебной практики, при котором в ней выделяются «решения верные и неверные, оставшиеся в силе и отмененные или измененные», соответствующие сформулированным в законе целям или противоречащие им, ибо без указанного подхода исключаются возможности для объективного изучения реальной судебной деятельности, включая ее ошибки и недостатки².

Высокая степень регламентации судопроизводства процессуальным правом и значение детального процессуального регулирования для сравнения законодательной модели и результатов уголовно-процессуальной деятельности по конкретным делам подробно рассмотрены в литературе. Задача состоит в том, чтобы проанализировать возможности уголовно-процессуального закона как точного инструмента, эталона, образца для оценки процессуальной деятельности и процессуальных решений, вынесенных в каждом отдельном случае.

Почему уголовно-процессуальный закон, положительно закрепляя цели уголовно-процессуальной деятельности, порядок и условия, которые должны быть соблюдены, вместе с тем довольно подробно регулирует основания аннулирования или корректировки судебных решений? Почему специально формулируются возможные разновидности ошибочных, негативных, нарушающих общие правила действий и решений? Не есть ли это «избыточность» в процессуальном регламенте? Почему законодатель считает обязательным, сформулировав правила, указывать еще и конкретные виды отступлений от них, при наличии которых действия и решения органов судопроизводства всегда признаются ошибочными?

В теории права подчеркиваются тенденции специализации различных комплексов нормативных предписаний, в том числе обособление правоохранительных норм в отдельные отрасли права либо внутриотраслевые группы. Последнее связывается с необходимостью учитывать разнообразие возможных нарушений закона как объективных условий применения правовых санкций³.

² См.: Правовая система социализма. Т. 1. Понятие, структура, социальные связи. М.: Юрид. лит., 1986. С. 111.

³ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. С. 37, 53.

В процессуальной теории также отмечается потребность «в детальном регулировании оснований и порядка применения процессуальных санкций», и прежде всего оснований к отмене или изменению приговоров⁴.

Одной из объективных внешних причин такого регулирования служит наличие реальной потребности в выработке специального языка, единых признаков и формулировок, с помощью которых надлежит проводить оценку нарушений в процессуальной деятельности⁵.

Однако, как представляется, приведенные общие положения не вскрывают еще полностью значение детализации оснований отмены и изменения приговоров, которая дана в законе. Эта детализация явно недостаточно влияет также на практическую деятельность по выявлению и исправлению нарушений, приводящих к отмене и изменению судебных решений. Возможности действующего регулирования реализуются далеко не в полной мере.

Выделение в законе конкретных оснований отмены и изменения приговоров вызывается объективными потребностями процессуальной деятельности и преследует ряд специфических процессуальных целей. Во-первых, это способствует целенаправленной проверке законности и обоснованности судебных актов. Количество конкретных видов отступлений от требований закона, влекущих отмену и изменение приговоров, поскольку в них обобщаются и классифицируются возможные нарушения закона по наиболее типичным их признакам, значительно меньше положительно сформулированных правил. Поэтому выявление оснований для отмены и изменения приговоров при таком способе их регулирования облегчается.

Во-вторых, выделение и конкретизация оснований отмены и изменения приговоров должны служить повышению объективности решений вышестоящих судов, являются гарантиями от субъективизма при негативной оценке уголовно-процессуальной деятельности и

⁴ См., напр.: *Алексеева Л. Б.* Системные свойства уголовно-процессуального закона // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Под ред. В. М. Савицкого. М.: Наука, 1979. С. 122—123.

⁵ О значении специального языка см., напр.: *Фрумкина Р. М.* О некоторых особенностях экспертного мышления // Вопросы кибернетики: Экспертные оценки. М., 1979. С. 163.

уголовно-процессуальных решений по конкретным делам.

В-третьих, необходима точность оценки качества рассмотрения уголовных дел. Само по себе решение вышестоящего суда об отмене или изменении приговора без детализации и указания оснований такого решения не содержит еще характеристики нарушений, которые обнаружены при проверке законности и обоснованности приговора, и недостаточно для утверждения об ошибке суда первой инстанции. Отмена и изменение приговора могут иметь место и тогда, когда суд при вынесении приговора никаких нарушений не допустил⁶. Надо отметить, что эти ситуации и в судебной статистике нельзя выделить среди случаев действительного обнаружения ошибок. Поэтому для оценки качества рассмотрения уголовного дела при отмене и изменении приговора имеют решающее значение не процессуальные последствия пересмотра дел в вышестоящих судах, а именно основания вынесенных ими решений.

В-четвертых, оценивая качество рассмотрения дела, нельзя ограничиться ссылкой на общие требования закона, которые были нарушены. Даже при указании на нарушенные нормы остается неясным, в чем состоял конкретный характер ошибочных действий и решений суда, если не названы предусмотренные законом основания отмены или изменения приговора. Затрудняется и выявление причин ошибок.

В-пятых, правильное определение оснований отмены судебных приговоров, если дело не подлежит прекращению, связано с реализацией права и обязанности вышестоящих судов дать конкретные указания по устранению обнаруженных ошибок. В полномочиях вышестоящих судов давать указания при передаче дела на дополнительное расследование или новое судебное рассмотрение есть существенные различия, зависящие от того, обнаружено ли вышестоящим судом неправильное применение уголовного или уголовно-процессуального закона. Установив, что неправильно применен уголовный закон, вышестоящий суд обязан отме-

⁶ Например, в случаях изменения уголовного закона, смерти осужденного и т. д. См.: *Моговиловкер Я. О.* Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства/Под ред. П. И. Бородюк. Кемерово, 1964. Ч. 2. С. 119; *Фаткуллин Ф. Н.* Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965. С. 464, 468.

тить, какие именно требования, по его мнению, нарушены, но не может давать обязательные указания о применении судом первой инстанции конкретного уголовного закона и назначении определенной меры наказания⁷. Напротив, при выявлении ошибок в применении норм уголовно-процессуального закона в обязательных указаниях суда должно быть сформулировано требование об устранении обнаруженных процессуальных нарушений. Это было бы невозможно без точного и конкретного исследования оснований, в силу которых приговор суда первой инстанции подлежит отмене.

В-шестых, точная правовая оценка процессуальных нарушений (как один из частных случаев правовой оценки юридических фактов в процессе применения норм права) обеспечивает правильный выбор процессуальных способов устранения обнаруженных недостатков и способствует предупреждению подобных нарушений в будущем⁸.

Данное обстоятельство, являющееся отнюдь не последним по значению, приводит к мысли о том, что для области уголовного судопроизводства могло бы быть плодотворным использование теоретических основ

⁷ Согласно ст. 352 УПК РСФСР суд кассационной и надзорной инстанций не вправе предрешать вопросы о применении судом первой инстанции того или иного уголовного закона и о мере наказания.

⁸ В этом смысле, вероятно, следует развить мысль, высказанную Т. Н. Добровольской и П. С. Элькинц и кн.: Юридическая процессуальная форма: Теория и практика/Под ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М.: Юрид. лит., 1976. С. 249 (гл. VIII. Уголовно-процессуальная форма, процессуальные нормы и производства). Авторы указанной главы, справедливо рассматривая отмену и изменение приговора как санкции, выражающиеся в мерах восстановления законности, подчеркивают их значение для предупреждения нарушений.

Очевидно, что эффективное предупредительное воздействие отмены и изменения приговора возможно лишь при конкретизации и исчерпывающем указании оснований таких отрицательных процессуальных последствий. Очень полно и точно выражена эта мысль В. М. Галкиным, который пишет: «Отнесение нарушений к той или иной классификационной группе — необходимое условие его устранения по делу... а также предупреждения на будущее» (*Галкин В. М. Уголовно-правовые основания отмены (изменения) процессуальных решений // Проблемы совершенствования советского законодательства. Тр. ВНИИСЗ; М., 1978. Т. 12. С. 152.*

правовой квалификации, разработанных в общей теории права и в уголовно-правовой науке⁹.

Рассмотрение основных положений теории квалификации применительно к основаниям отмены и изменения приговоров может способствовать более полной реализации целей, достижению которых должны служить нормы, создающие основу для проверки законности и обоснованности судебных решений по уголовным делам.

Прежде всего, представляется важной сама возможность формулирования и использования при принятии решений об отмене (изменении) приговоров такой разновидности понятия квалификации, как «процессуальная квалификация». Она состоит в том, чтобы отнести конкретное нарушение, обнаруженное в уголовно-процессуальной деятельности и в приговоре, к определенному виду нарушений в уголовном процессе и применить в целях исправления этого нарушения те уголовно-процессуальные нормы, которые предусматривают данную ситуацию. Рассмотрение процессуальной квалификации, понимаемой таким образом, в качестве обязательной предпосылки принятия решения об отмене или изменении приговора целесообразно по следующим соображениям.

При отмене и изменении приговора решается вопрос о применении конкретной санкции в связи с конкретным нарушением процессуального закона¹⁰. Значит, уточнение объективных признаков нарушения и применение соответствующей им нормы является существенным условием правильного выбора процессу-

⁹ См.: *Кудрявцев В. И.* Теоретические основы квалификации преступлений. М.: Юрид. лит., 1963; *Галкин В. М.* Применение гипотезы уголовно-правовой нормы // Проблемы совершенствования советского законодательства. Тр. ВНИИСЗ. М., 1979. Т. 15. С. 155—167.

¹⁰ И. С. Самощенко считает, что характер санкции неотделим от классификации правонарушений по материальному содержанию. См.: *Самощенко И. С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1963. С. 165. Очевидно, следует подчеркивать не только адекватность отраслевой принадлежности правонарушения и санкции. Классификация правонарушений «по материальному содержанию», т. е. в соответствии с их конкретной сущностью, необходима и внутри одной отрасли права, поскольку в сфере отраслевого регулирования существует возможность применения различных санкций.

альной санкции при наличии установленного отступления от требований процессуального закона. При отмене приговора специфика примененной санкции выражается в том, что аннулирование неправильного решения может быть связано с различными по характеру мерами, которые обеспечивают устранение нарушения.

В теории уголовно-правовой квалификации обсуждается и убедительно аргументируется тезис о том, что юридическая квалификация как стадия правоприменительной деятельности не может не представлять собой оценку с точки зрения права фактических обстоятельств, отражающих и наличие, и отсутствие правонарушения. Последнее связывается с тем, что применение материального закона возможно как в «позитивном», так и в «негативном» смысле, когда устанавливается отсутствие основания для его применения. При этом отмечается, что любой материально-правовой вывод — о необходимости применить определенную правовую норму или о том, что она не подлежит применению, — «необходимо мотивировать... непосредственным обращением к закону»¹¹.

При применении уголовно-процессуального закона указанное требование также действует. Обращением к процессуальному закону необходимо мотивировать как наличие фактического состава, обосновывающего принятие процессуального решения, так и отсутствие этого состава. Потребность в обращении к закону отчетливо выражается в процессуальных решениях, получающих закрепление в форме специальных процессуальных актов. Однако в ряде случаев четкость приведенного выше требования о необходимости указать применяемый закон в уголовно-процессуальной деятельности как бы «размывается». Такое положение порождается тем, что наиболее важные процессуальные решения связаны одновременно с применением норм уголовного права. Согласно процессуальному закону они должны быть точно указаны и поэтому выступают на первый план, коль скоро речь идет о квалификации. Это относится прежде всего к обозначению подлежащих применению уголовно-правовых норм в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого,

¹¹ Галкин В. М. Применение гипотезы уголовно-правовой нормы. С. 157—159.

в обвинительном заключении, в постановлениях и определениях о предании суду, в приговоре суда.

Кроме того, большая группа процессуальных норм, применяемая при проведении отдельных процессуальных действий или осуществлении процессуальных прав, исполняется, соблюдается или используется органами судопроизводства и другими его участниками без оформления в особых процессуальных актах. В ряде случаев проведение каких-либо действий и осуществление определенных прав являются реализацией вполне определенной процессуальной нормы, исключая выбор вариантов поведения и, следовательно, возможность выбора различных процессуальных предписаний, подлежащих применению. Поэтому в формах процессуальных документов, отражающих проведение различных процессуальных действий, «изначально» заложены ссылки на применяемую норму процессуального закона. Распространять на эти случаи понятие процессуальной квалификации не имело бы смысла.

Однако целый ряд правоприменительных решений в уголовном судопроизводстве связан с логическими и правоприменительными операциями, аналогичными тем, которые характерны для любой юридической, в том числе и уголовно-правовой, квалификации. Это относится прежде всего к области оценки уголовно-процессуальных нарушений, являющихся основаниями отмены и изменения приговоров, поскольку указанные нарушения представляют собой одну из разновидностей правонарушений вообще.

Правда, некоторые теоретические положения, встречающиеся в процессуальной литературе, не способствуют ориентации на точную и исчерпывающую процессуальную квалификацию и в этой сфере, т. е. по отношению к основаниям отмены и изменения судебных актов. Например, высказывается мнение о том, что мотивы обжалования и опротестовывания судебных решений, если они подтвердятся, являются одновременно и основаниями их отмены или изменения¹². Между тем уголовно-процессуальный закон предъявляет различные требования к мотивировке обжалования и опротестования судебных решений (в том числе определений

¹² См.: *Бутов В. Н.* Определение суда первой инстанции по уголовным делам: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 17.

и приговоров), с одной стороны, и к обоснованию отмены или изменения этих актов — с другой.

Принцип свободы обжалования в советском уголовном процессе в качестве одного из своих составных моментов включает отсутствие каких-либо определенных формальных требований к обоснованию обжалования. Суды, проверяющие законность и обоснованность судебных актов, обязаны ответить на доводы жалоб. Но независимо от этих доводов вышестоящий суд проверяет все дело в полном объеме и связан обоснованием жалобы и протеста только в том отношении, что должен рассмотреть все доводы и не может принять решение об отмене приговора по мотивам, действующим не в пользу обвиняемого, если такие мотивы не содержатся в жалобах или протесте¹³.

В советской литературе обоснованно критиковались предложения некоторых процессуалистов об обязательном изложении мотивов в кассационных и надзорных жалобах участников процесса, поскольку такое требование ущемляло бы гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве.

Тем более неосновательно приравнивать мотивы обжалования судебных актов, для которого нет и не может быть точно установленных в законе поводов, к классификации оснований отмены и изменения судебных приговоров, данной в общесоюзном и республиканском уголовно-процессуальном законодательстве.

Для процессуальной деятельности, направленной на выявление и оценки уголовно-процессуальных нарушений, применение понятия процессуальной квали-

¹³ Сопоставление оснований обжалования и оснований отмены и изменения судебных приговоров может иметь смысл только на фоне определенных требований к форме обжалования. Например, в УПК ГДР 1968 г. содержится требование о необходимости письменного обоснования жалобы (§ 288, абз. 5) и вместе с тем предусмотрена возможность отклонения жалобы или протеста без судебного разбирательства, если по единогласному мнению апелляционного суда они являются явно необоснованными (§ 293, абз. 3). Надо отметить, что даже при таком регулировании законодатель закрепил обязательность проверки всего дела независимо от мотивов обжалования, а в процессе совершенствования законодательства дополнил указанный абз. 5 § 288 УПК ГДР правилом о возможности рассмотрения жалобы или протеста и в тех случаях, когда письменное обоснование не представлено (Gesetzblatt der DDR, 1974, T. 1, N 64, S. 601).

фикации связано не только с обеспечением объективности решений вышестоящих судов об отмене и изменении или оставлении без изменения приговоров по уголовным делам.

Требование дать обнаруженным нарушениям процессуальную квалификацию, основанную на глубоком изучении собранных по уголовному делу фактических данных, дополнительно стимулирует правильное толкование смысла уголовно-процессуальных норм. Это относится и к конкретной норме, которая нарушена, и к норме, предусматривающей данный вид нарушения в качестве основания отмены или изменения приговора.

В судебной практике такой подход неизбежно требовал бы более внимательного отношения судов к правовым нормам, которые закрепляют различные виды отступлений от процессуального закона и на которые необходимо сослаться, т. е. способствовал бы более глубокому пониманию процессуального закона.

Как отмечает В. Н. Кудрявцев, для теории и практики уголовно-правовой квалификации характерна переоценка ее результата, т. е. вывода о конкретной норме закона, в которой отражается определенный состав преступления и которая должна быть применена к виновному в данном случае. Однако, по его мнению, в понятии «квалификация» должна подчеркиваться связь установления (процесс квалификации) и юридического закрепления (результат квалификации) точного соответствия между фактическими признаками совершенного деяния и признаками, предусмотренными уголовно-правовой нормой¹⁴.

Плодотворность использования понятия «квалификация» в области применения уголовно-процессуального права, и в частности при оценке вышестоящими судами ошибочных приговоров, связана, как представляется, с возможностью устранить в этой деятельности существующую сейчас явную недооценку результата квалификации. В отличие от уголовно-правовой квалификации в процессуальной квалификации наиболее слабым моментом является именно точное обозначение тех правовых норм, которыми запрещается данный случай отступления от требований процессуального закона и которые дают основание выбрать определенную

¹⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 7—8.

процессуальную санкцию, потребовав устранения нарушения.

Ориентировка теории и практики на точную правовую оценку ошибочных приговоров, аналогично правовой оценке преступного деяния путем его квалификации, неизбежно предполагает анализ и уяснение структуры уголовно-процессуального закона, связи его общих положений и принципов с конкретными процессуальными институтами. Правильная процессуальная квалификация должна быть неременной основой при определении существенности допускаемых судами первой инстанции нарушений, особенностей их отдельных видов и соответствующей «строгости» необходимых для их исправления процессуальных санкций. Тогда правовая оценка, точная процессуальная квалификация сможет служить базой для разработки системы количественных оценок, характеризующих степень опасности различных судебных ошибок, и позволит последовательно выводить эти оценки из конкретных требований и формулировок закона. Это особенно важно, когда оцениваются результаты деятельности судов, осуществляющих правосудие при строгом соблюдении принципа независимости судей и подчинения их только закону.

Очевидно, что нормы уголовно-процессуального права, использование которых необходимо для квалификации оснований отмены и изменения приговора, должны соответствовать определенным требованиям и по содержанию, и по форме изложения. Квалификация возможна лишь при условии, что в применяемых нормах зафиксированы четкие признаки, в которых отражаются устанавливаемые и подвергаемые правовой оценке негативные характеристики уголовно-процессуальной деятельности, обобщенно отраженные в норме.

История уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик явно обнаруживает тенденцию к детализации процессуальных предписаний, регламентирующих отмену и изменение приговоров, и уточнению признаков процессуальных нарушений, влекущих применение указанных санкций.

Основы уголовного судопроизводства СССР 1924 г. предусматривали в качестве оснований отмены и изменения приговоров только две разновидности нарушений, влекущих признание приговора незаконным, а именно процессуальные нарушения и неправильное

применение уголовного закона. Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г. выделил уже два вида оснований отмены и изменения приговора: незаконность и необоснованность¹⁵. УПК различных союзных республик 1923—1927 гг. по-разному формулировали систему оснований отмены и изменения приговоров. Некоторые из них при этом не содержали точного перечня оснований и ограничивались указанием на то, что приговор подлежит отмене, если он является ~~не~~неправильным (УПК Узбекской ССР) или если по делу допущены нарушения закона, повлиявшие на его правильность (УПК Туркменской ССР).

Выделяя из всех оснований отмены и изменения приговора только те, которые условно можно назвать процессуальными, в отличие от нарушения норм материального уголовного права, нужно отметить, что Уголовно-процессуальные кодексы большинства союзных республик прямо закрепляли в качестве кассационных оснований лишь нарушения уголовно-процессуальных норм (или форм судопроизводства), а также недостаточность, неправильность или неполноту проведенного по делу следствия¹⁶. В науке уголовного процесса перечень уголовно-процессуальных оснований отмены был детально конкретизирован на основе толкования понятий законности и обоснованности приговоров и изучения практики их отмены и изменения. Последняя позволяла разграничить отдельные виды оснований в связи с различными отклонениями, выявляемыми вышестоящими судами в уголовно-процессуальной деятельности¹⁷.

При этом необходимо отметить следующие обстоятельства, характеризующие тенденции развития уголовно-процессуального законодательства и влияние науки на его совершенствование: а) перечень оснований отмены и изменения приговоров, которые нашли закрепление в процессе кодификации уголовно-процес-

¹⁵ См.: *Строгович М. С.* Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 73—75.

¹⁶ См.: *Гродзинский М. М.* Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1953. С. 102 и след.

¹⁷ См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 487—492; *Он же.* Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. С. 76 и след.

суального законодательства 1958—1960 гг., был сначала доктринально сформулирован¹⁸; б) по уголовно-процессуальному законодательству 1958—1960 гг. круг оснований отмены и изменения приговоров был не только расширен, но и получил более подробное деление на отдельные их подвиды.

Применение в деятельности по выявлению и устранению процессуальных нарушений понятия «процессуальная квалификация» связано с решением ряда теоретических и практических задач. Актуализируется теоретическая проблема разграничения и дальнейшей конкретизации оснований отмены и изменения приговоров. Должно быть обеспечено такое регулирование указанных оснований, которое было бы беспробельным, непротиворечивым и в то же время экономным в смысле законодательной техники. Квалификация процессуальных нарушений создает правовую основу для измерения тяжести ошибок, допускаемых судом, и совершенствования форм статистической оценки судебной деятельности. Могут быть обеспечены новые подходы к деловой оценке судебных кадров на основе выявления связи конкретных нарушений при рассмотрении дел с наиболее важными для деятельности профессионального судьи характеристиками личности.

Выше были раскрыты цели формулирования в законе оснований отмены и изменения приговоров. Однако необходимо уяснить также, почему законодатель выбирает определенный набор этих оснований, каковы их существенные признаки и достаточны ли они. Ответы на эти вопросы позволили бы судить о том, обеспечивают ли перечисленные в законе основания отмены и изменения приговоров возможность однозначной квалификации любого из процессуальных нарушений, влияющих на законность и обоснованность приговора¹⁹.

¹⁸ В частности, в указанных работах М. С. Строговича было сформулировано, разъяснено и конкретизировалось такое основание отмены и изменения приговоров, как «несоответствие приговора фактическим обстоятельствам дела», а также указаны отдельные разновидности существенных процессуальных нарушений и неполноты проведенного следствия, которые не были закреплены в действовавших тогда УПК.

¹⁹ В работе рассматриваются только уголовно-процессуальные основания отмены (изменения) приговоров: односторонность или неполнота исследования, несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела и существенное

В принципе все нарушения процессуального закона имеют отрицательные последствия: препятствуют достижению задач уголовного судопроизводства, вредят осуществлению его принципов — являются отступлениями от установленного процессуального регламента.

В области уголовно-процессуального регулирования обнаруживается высокая степень внутренней согласованности целей и средств уголовно-процессуальной деятельности, скоординированность всех ее элементов, соответствие конкретных норм общим нормам и нормам-принципам и довольно жесткая связь между собой конкретных уголовно-процессуальных предписаний²⁰.

Поэтому практически всегда нарушение процессуальных норм может быть оценено («квалифицировано») как препятствующее достижению какой-либо из целей или как нарушающее какие-либо принципы и общие положения, действующие в уголовном судопроизводстве и, во всяком случае, как противоречащее законности в уголовно-процессуальной деятельности. При этом каждый раз можно сослаться на какую-либо нор-

нарушение уголовно-процессуального закона (ст. 343—345 УПК РСФСР). Понятие «уголовно-процессуальные основания отмены и изменения» приговоров является условным. Однако оно используется в юридической литературе с целью отграничения уголовно-правовых оснований отмены (изменения) процессуальных решений, тоже предусмотренных процессуальным законом. Хотя нарушения и процессуального, и материального закона при расследовании и рассмотрении дел могут повлечь однотипные процессуальные последствия, а именно отмену или изменение приговора, сам характер уголовно-процессуальных и уголовно-правовых ошибок, допускаемых в судопроизводстве, специфичен и требует отдельного рассмотрения. См.: *Галкин В. М.* Уголовно-правовые основания отмены (изменения) процессуальных решений. С. 151—152; *Кливер И. Я.* Уголовно-правовые судебные ошибки квалификации преступлений и их предупреждение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 3—4; *Сергейко П. Н.* Законность, обоснованность и справедливость судебных актов/Под ред. М. М. Выдри. Краснодар, 1974. С. 47; и др.

²⁰ См.: *Элькинд П. С.* Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юрид. лит., 1967. С. 68; *Она же.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 15; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности/Под ред. В. М. Савицкого. М.: Наука, 1979. С. 100—101.

му, которая не была соблюдена в данном конкретном случае.

Например, в ситуации, когда суд, вынося обвинительный приговор, не установил, виновен ли подсудимый в совершении рассматриваемого преступного деяния (нарушение требования п. 4 ст. 303 УПК РСФСР), налицо недостижение главной цели процесса привлечения к уголовной ответственности только виновных лиц и обеспечения охраны прав граждан.

Нарушение конкретной нормы в то же время может являться отступлением одновременно от нескольких принципов или существенных основных положений уголовного процесса. Одно положение процессуального закона реализует иногда целый ряд важных принципиальных основ в уголовном судопроизводстве. Если в суде, например, не были допрошены свидетели и потерпевшие, показания которых имели существенное значение для дела и положены в основу приговора, то налицо нарушение и принципа непосредственности, и требования всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, и конкретизирующего принцип непосредственности правила о необходимости основывать приговор лишь на тех доказательствах, которые рассмотрены в судебном заседании. Если при этом не допрошенные в суде свидетели и потерпевшие могли бы охарактеризовать также обстоятельства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, то, конечно, нарушено и право на защиту. Все эти принципы и правила сформулированы в различных нормах процессуального закона, в разных статьях УПК союзных республик, хотя их нарушение выразилось в одном действии суда — необоснованном отказе от допроса свидетелей.

В то же время один принцип процесса может обеспечиваться действием целого ряда норм. Например, всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела служит установление в законе круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, определение полномочий органов судопроизводства по собиранию доказательств, предоставление прав различным участникам процесса, в том числе и обеспечение права обвиняемого на защиту, и т. д.

Достаточно ли для обоснования отмены и изменения приговора указать на наиболее общие из нарушенных положений или, напротив, при одном наруше-

нии со стороны органов судопроизводства необходимо указание на все принципы и положения, реализация которых оказалась не обеспеченной из-за данного нарушения? Какова при этом роль перечня оснований отмены и изменения приговоров?

Представляется важным в связи с решением этого вопроса подчеркнуть следующее. Во-первых, указание на нарушенные принципы и общие положения не позволяет различить, в чем конкретная суть действий, приведших к таким последствиям. Во-вторых, в ошибочных действиях и решениях органов судопроизводства тоже проявляют себя определенные закономерности, выявляются наиболее часто встречающиеся разновидности отступлений от требований закона в уголовно-процессуальной деятельности. В-третьих, классификация этих разновидностей, преследуя цель облегчить их выявление и устранение, может иметь смысл только тогда, когда она построена на признаках нарушений, отличающих их друг от друга и не вытекающих один из другого. В-четвертых, поскольку закон связывает с нарушениями применение санкций, количество и виды которых довольно ограничены, то с точки зрения законодательной техники было бы необоснованно указывать на необходимость применения этих санкций в каждом нормативном предписании для случаев его гипотетического нарушения. Рационально выделить основные составы возможных нарушений, охватывающие в обобщенном виде все их практически возможное разнообразие и влекущие в качестве санкции отмену и изменение приговора. Именно поэтому целесообразны выделение и строгая классификация оснований отмены и изменения приговоров, хотя каждое из них может быть сведено к нарушению принципов, общих положений или даже конкретного предписания уголовно-процессуального закона.

Классификация оснований отмены и изменения приговора отражает идею системного толкования уголовно-процессуальных норм, которая должна быть стимулом и для совершенствования законодательства в этой области. В связи с этим необходимо уяснить общие свойства и специфические признаки нарушений процессуального закона, которые позволяют провести их разграничение.

Общим свойством всех процессуальных нарушений, рассматриваемых в качестве оснований отмены и из-

менения приговоров, является (аналогично свойству общественной опасности любого правонарушения) их отрицательное и существенное влияние (потенциальное или реальное), на выяснение необходимых обстоятельств, на формирование выводов суда о них и в конечном счете на постановление законного и обоснованного приговора.

Обычно вопрос о том, какое нарушение процессуального закона может быть признано существенным, обсуждается в уголовно-процессуальной литературе при определении существенных нарушений процессуального закона в смысле ст. 345 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик²¹. При этом подчеркивается специфика двух групп нарушений, относящихся: а) к «фактическим процессуальным основаниям» отмены, включающим неполноту исследования обстоятельств дела и несоответствие им выводов суда (ст. 343, 344 УПК РСФСР); б) к существенным процессуальным нарушениям в узком смысле (ст. 345 УПК РСФСР), представляющим собой отступления от установленной законом процессуальной формы²².

Общие признаки процессуальных оснований отмены и изменения приговоров при таком подходе не выделяются. В действительности существенность отступления от требований процессуального закона — общее свойство всех оснований отмены и изменения приговоров. И оно указано законодателем. Текстуальный анализ статей УПК всех союзных республик, закрепляющих основания отмены и изменения приговора, подтверждает это и в отношении односторонне или неполно проведенного следствия, и в отношении несоот-

²¹ Анализ республиканского законодательства по данному вопросу приводится ниже.

²² См.: *Моговиловкер Я. О.* Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства/Под ред. П. И. Бородько. Кемерово, 1962. Ч. 1. С. 267—268; *Морщакова Т. Г.* Отмена приговора ввиду существенных процессуальных нарушений и ревизионное начало // *Комментарий судебной практики за 1975 год.* М.: Юрид. лит., 1976. С. 19; *Она же.* Отмена приговора из-за неправильного установления фактических обстоятельств по делу // *Соц. законность.* 1976. № 12. С. 22; *Тавровский Б. М.* Уголовно-процессуальные основания к отмене или изменению приговора кассационной инстанцией: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978. С. 12—14.

ветствия выводов суда обстоятельствам дела. Данные отступления от требований процессуального закона, характеризующиеся в теории как «фактические процессуальные основания» отмены и изменения судебных приговоров, закон расценивает как таковые лишь при наличии признака «существенности» их возможного или реального влияния на постановление законного и обоснованного приговора.

Указанные нарушения рассматриваются как основания отмены (изменения), если они выразились: в невыяснении обстоятельств дела, которые могли иметь *существенное значение* при постановлении приговора (ч. 1 ст. 343 УПК РСФСР); в отказе от исследования *имеющих существенное значение* для дела доказательств (п. 1 ст. 343 УПК); в игнорировании обстоятельств, которые могли *существенно повлиять* на выводы суда (п. 2 ст. 344 УПК); в наличии противоречий между доказательствами, *имеющими существенное значение* для выводов суда, которые суд не объяснил, приняв для обоснования приговора одни из них (п. 3 ст. 344 УПК); наконец, в *существенных* противоречиях, имеющихся в самом приговоре (п. 4 ст. 344 УПК). Все отступления от требований процессуального закона, предусмотренные в ст. 343 и 344 УПК РСФСР и соответствующих статьях УПК других союзных республик, только потому и признаются основаниями отмены и изменения приговора, что аналогично существенным нарушениям уголовно-процессуального закона, указанным в ст. 345 УПК РСФСР, они либо помешали суду всесторонне разобрать дело, либо повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора.

Указание на такие последствия нарушений процессуального закона сформулировано в ч. 1 ст. 345 УПК РСФСР. Но данная формулировка имеет общее значение для определения существенности всех отступлений от процессуального закона и практически, как было показано, содержится также в ст. 343 и 344 УПК РСФСР, хотя и с некоторыми текстуальными модификациями.

Значит, признак существенности нарушения уголовно-процессуального закона всегда необходим, чтобы считать вынесенный при наличии этого нарушения приговор незаконным и необоснованным, подлежащим отмене или изменению. Оценка существенности допу-

щенного нарушения процессуального закона производится во всех случаях, независимо от того, подпадает ли это нарушение под признаки ст. 343, 344 или ч. 1 ст. 345 УПК РСФСР²³.

Практически во всех решениях вышестоящих судов при анализе таких оснований отмены и изменения приговора, как неполнота исследования или несоответствие выводов суда собранным данным, подчеркивается, что суд первой инстанции допустил существенное нарушение уголовно-процессуального закона, а именно нарушил ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и ст. 20 УПК РСФСР (или соответствующие статьи УПК других союзных республик), так как согласно этим нормам органы судопроизводства обязаны были принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования.

Еще одно свойство, присущее всем процессуальным основаниям отмены и изменения приговора и связанное с понятием существенности допущенного судом нарушения: для отмены (изменения) приговора достаточно, что выводы суда в приговоре могут быть неправильными, т. е. их правильность в момент проверки законности и обоснованности приговора вызывает сомнения. Этот признак в уголовно-процессуальной литературе также обычно рассматривается в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, предусмотренными в ст. 345 УПК РСФСР. Однако он тоже универсален в отношении всех процессуальных оснований отмены (изменения): сомнительные выводы суда должны быть отвергнуты независимо от того, возникают ли сомнения в этих выводах из-за неполноты и односторонности исследования, несоответствия их фактическим обстоятельствам дела или существенных нарушений процедуры уголовного судопроизводства. При этом приговор, вызывающий сомнения, во всех случаях признается незаконным и необоснованным. Для такого решения не имеет значения, возможно ли устранение сомнений, или они неустраняемы, что должно привести к формулированию других выводов в целом по делу или в отношении его отдельных обстоятельств.

²³ Вопрос о существенности нарушений, перечисленных в ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР, рассматривается ниже.

Этот фактор — возможность или отсутствие возможности устранения сомнений в правильности выводов суда в приговоре — имеет, однако, значение для разграничения оснований отмены и изменения приговоров и для выбора процессуальных последствий, которые должна повлечь отмена решения суда первой инстанции. Так, ясно, что неустановление судом каких-либо обстоятельств или отсутствие каких-либо доказательств может быть признано существенным, но в то же время устранимым нарушением процессуального закона и, будучи таковым, потребует отмены приговора и возвращения дела на новое судебное рассмотрение для исправления нарушения. В то же время неустановление каких-либо обстоятельств и отсутствие каких-либо доказательств, несмотря на признание их существенного значения для дела, может оказаться «неисправимым». Тогда суд, выявивший эти неисправимые промахи в первоначальном рассмотрении дела, должен будет не только оценить сомнительность или неправильность выводов суда первой инстанции в приговоре, но и внести в них соответствующие коррективы, изменив приговор или отменив его с прекращением дела. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона, предусмотренные ст. 345 УПК РСФСР, как правило, всегда могут быть исправлены и потому требуют отмены приговора и возвращения дела в ту стадию судопроизводства, где они были допущены (кроме случаев, когда дело должно быть прекращено).

Установление возможности или невозможности исправить нарушение еще недостаточно для того, чтобы дать точную классификацию оснований отмены и изменения приговоров. Однако оно всегда связано с выбором мер для корректировки неправильных решений судов, является обязательной предпосылкой для определения процессуальных последствий выявленных ошибок.

Классификация оснований отмены и изменения приговоров должна обобщать и разновидности их причин, и разновидности их форм. Тогда она может способствовать установлению нарушений процессуального закона и выбору процессуальных путей их исправления.

Определенную помощь в выработке критериев для классификации оснований отмены и изменения оказывает использование понятия «состав процессуально-

го нарушения» (по аналогии с понятием «состав преступления»). Обращение к такой аналогии является логическим следствием попытки решить задачу правовой оценки процессуальных нарушений, т. е. их «процессуальной квалификации».

Сравнение с составом уголовного правонарушения помогает синтезировать указанные выше общие черты, присущие всем процессуальным нарушениям, с такими признаками, в которых надо искать критерии для отграничения различных процессуальных нарушений друг от друга.

Попытка проанализировать элементы состава процессуального нарушения, конечно, обнаруживает, что это понятие по своему содержанию является более бедным в сравнении с составом уголовного правонарушения. Однако именно такой анализ позволяет исключить признаки состава правонарушения, которые незначимы для классификации процессуальных нарушений.

Так, объект процессуальных нарушений, как правило, не может играть в этом какую-либо роль. Он в известной степени является единым для всех их видов²⁴, поскольку это установленный процессуальный порядок, обеспечивающий достижение целей судопроизводства с помощью определенных средств. Конечно, объектом конкретного нарушения можно было бы считать законные условия, соблюдение которых необходимо для использования определенных процессуальных средств. Но нарушение этих условий составляет содержание незаконного действия или бездействия, посягающего на установленные законом цели и процедуру судопроизводства. В связи с этим представляется невозможным проводить разграничение между процессуальными нарушениями, являющимися основаниями отмены и изменения приговоров, по таким признакам, как их направленность на нарушение норм-принципов либо норм, регламентирующих установление фактических обстоятельств дела, или порядок обоснования выводов, или порядок, условия и формы судопроизводства²⁵.

Очевидно, не может служить общим основанием для классификации видов процессуальных нарушений

²⁴ Так же как один объект (а не предмет) какого-либо определенного вида преступлений.

²⁵ Более подробный критический разбор классификации оснований отмены (изменения) приговоров по этим признакам см. ниже.

и отношение судей к допущенным ими при рассмотрении уголовного дела отступлениям от требований закона. В литературе обоснованно подчеркивается, что субъективная сторона процессуальных нарушений, влекущих отмену и изменение приговора, не имеет значения для применения процессуальных санкций правосоставительного характера и поэтому в рамках производства по данному делу не выясняется²⁶. Точнее было бы говорить о том, что закон, считая устранение нарушений первоочередной задачей, не связывает это ни с субъективным отношением допустивших нарушение лиц к своим действиям, ни с применением к ним санкций штрафного характера. Этим в частности, обеспечивается свобода внутреннего убеждения судьи при установлении фактических обстоятельств дела и независимость судей, которые не могут быть привлечены к ответственности за характер принятого в соответствии с внутренним убеждением решения по делу. Последнее, конечно, не относится к случаям привлечения к уголовной ответственности за вынесение заведомо неправосудного приговора, которое является одновременно и уголовным преступлением, и процессуальным правонарушением.

Уголовная ответственность за вынесение незаконного или необоснованного приговора возможна лишь при установлении умысла на совершение данного правонарушения. В этих случаях субъективная сторона деяния окончательно устанавливается не в ходе производства, направленного на отмену необоснованного и незаконного приговора. Вместе с тем выяснение субъективного отношения к допущенным процессуальным нарушениям возможно не иначе как через выяснение характера, существа, способа самого нарушения и характера выводов суда, сделанных на фоне данного нарушения или вытекающих из него и отвергнутых поэтому вышестоящим судом. Естественно, такое выяснение неизбежно происходит параллельно с проверкой

²⁶ См.: Самощенко И. С., Фарушкин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1971. С. 212—213; Алексеева Л. Б. О механизме уголовно-процессуального регулирования // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. С. 169; Ветрова Г. Н. Уголовно-процессуальная ответственность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 13.

законности и обоснованности приговора в вышестоящем суде. Оно имеет значение для характеристики профессиональной пригодности и подготовленности лиц, осуществляющих правосудие. Уже поэтому не исключается и не лишается смысла выяснение субъективного отношения судей к нарушениям, не влекущим привлечение к уголовной ответственности за вынесение неправосудного приговора, но послужившим основанием его отмены или изменения.

Судьи обязаны руководствоваться требованиями закона. Если они все-таки отступают от этих требований, то их собственное отношение к допускаемым нарушениям нельзя во всех случаях определять как заблуждение.

Для характеристики неправильных, противоречащих закону действий судьи в таких ситуациях нельзя применить и категорию объективной противоправности. Являясь более узким понятием в сравнении с правонарушением, она не отражает специфики судейской деятельности и процессуальных нарушений с субъективной стороны. Суд уполномочен на рассмотрение и разрешение дела в соответствии с законом. Он не выполняет эту свою обязанность, если совершает процессуальные нарушения. Какие-либо неосознанные действия судей при этом невозможны. Категория объективной противоправности, напротив, не связана с невыполнением возложенных обязанностей и полностью абстрагируется от субъективного отношения к противоправным действиям и даже от признания действующего лица их субъектом в правовом смысле (как не может быть, например, субъектом преступления малолетнее или невменяемое лицо). Когда же в связи с нарушением процессуального закона приговор отменяется или изменяется (хотя суд, вынося приговор, считал, что он будет признан законным и обоснованным), не исключено, что субъективное отношение судей к допущенным нарушениям соответствует формам неосторожной вины — небрежности или самонадеянности²⁷.

При привлечении к ответственности за неосторожное преступление считается, что гражданин мог и

²⁷ О значении этого обстоятельства для оценки качества рассмотрения дел см. также: Организация судебной деятельности. М.: Юрид. лит., 1977. С. 168—169.

должен был предвидеть последствия своих действий или не вправе был полагать, что сумеет предотвратить наступление вредных последствий. С этих позиций не менее обоснованно звучит и требование к судьям не надеяться на то, что их действия, существенно противоречащие закону, могут не повлиять на законность и обоснованность приговора. Вооруженные знанием закона, судьи, во всяком случае, если и не сознают, то должны сознавать в каждой конкретной ситуации, что совершают процессуальные нарушения и что это неизбежно приведет к признанию вынесенного ими приговора незаконным и необоснованным²⁸.

Однако чаще всего это, конечно, область внутренней, не объективированной в процессуальном законе самооценки судьи. Внешне в тексте закона она связана с классификацией оснований отмены и изменения приговоров, когда речь идет о безусловных основаниях отмены, закрепленных в ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР.

Предусмотренные данной нормой в качестве оснований для отмены приговора существенные нарушения уголовно-процессуального закона должны всегда рассматриваться как виновные, хотя и неосторожные действия. Закон в этих случаях исключает возможность для суда, вынесшего приговор, сослаться на свое мнение, убеждение, усмотрение по поводу того, что допущенные им существенные процессуальные нарушения не могли повлиять на законность и обоснованность разрешения дела. Признание нарушений, указанных в ч. 2 ст. 345 УПК, существенными и всегда влекущими отмену приговора не связано с внутренним убеждением судей. Одно только знание точно сформулированных в этой норме запретов (а такое знание у судьи презюмируется) исключает возможность невиновного их нарушения²⁹.

²⁸ Следует согласиться с В. М. Галкиным, считающим, что принципиально не исключается возможность привлечения судей к уголовной ответственности за такое неосторожное должностное преступление, как халатность.

²⁹ В исследованиях, посвященных уголовно-правовым и психологическим аспектам неосторожной вины, выдвинута концепция, ориентирующая на оценку того, насколько личность соответствует возложенной на нее функции. См.: *Дегель П. С. Неосторожность: Уголовно-правовые и криминологические проблемы.* М.: Юрид. лит., 1977. С. 67—68. При этом подчеркивается следующее. Качества личности могут исключать предвидение лицом, нарушающим требования закона, вредных последствий своих действий. Тогда

Если судья «забыл» о действующих для конкретной процессуальной ситуации процедурных правилах, соблюдение которых обязательно по любому делу, и допустил процессуальное нарушение, относящееся к безусловным основаниям отмены приговора, то он нарушил свои прямые должностные обязанности. Судья должен знать, последовательно применять и не нарушать конкретные нормы закона. Латинское *Judex lex loquens est* («Судья есть говорящий закон») — это категорическое положение, утверждение обязанностей суда.

Совершенно прав И. С. Самощенко, когда указывает, что государственные учреждения (а это относится и к суду) не могут быть освобождены от ответственности из-за незнания закона, если они принимают в силу этого незнания нарушающие закон решения³⁰.

Процессуальные нарушения, предусмотренные в качестве безусловных оснований отмены приговоров в ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР, несомненно отличаются от ряда других видов процессуальных нарушений с субъективной стороны. Если они, аналогично уголовным преступлениям, точно перечислены в законе как безусловные основания отмены приговора, то ни незнание закона, ни мнение о несущественности такого нарушения в конкретном деле не может быть оправданием для судей. Однако признание того, что нарушения, предусмотренные в ч. 2 ст. 345 УПК, всегда совершаются виновно и этим отличаются по своей субъективной стороне от других процессуальных нарушений, скорее следствие классификации оснований

лицо, не предвидевшее последствий своих действий или уверенное в возможности избежать этих последствий, фактически не является тем типом личности, которому могло бы быть поручено выполнение нарушенной обязанности. Такая позиция не только позволяет ввести понятие специальной вменяемости в уголовном праве при привлечении к ответственности за неосторожные деяния, но и является, безусловно, плодотворной в области оценки профессионально значимых качеств личности, в том числе и личности судьи. Оценка этих качеств необходима при решении вопросов профессиональной пригодности, отстранения от должности и т. д. Практически, следуя именно данному положению, при разработке критериев для деловой оценки судей предлагается обращать особое внимание на характер и причины допускаемых ими нарушений закона.

³⁰ См.: *Самощенко И. С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1963. С. 145.

отмены, данной в законе, и практически не связано с ее критериями.

Законодатель и в ряде других случаев также исходит из того, что нарушения, допускаемые судьей, именно виновные неосторожные действия. Например, согласно положениям о дисциплинарной ответственности судей, на них может быть наложено дисциплинарное взыскание за нарушения, допущенные при рассмотрении дела в силу небрежности. В судебной практике неосторожная форма вины обнаруживается не только относительно нарушений, перечисленных в ч. 2 ст. 345 УПК, но и при неполноте исследования или несоответствии выводов суда фактическим обстоятельствам дела (например, если суд не вызвал в судебное заседание и не допросил свидетелей по делу, ограничившись оглашением их прежних показаний, или сослался при мотивировке приговора лишь на показания лиц, по существу не относящиеся к предмету доказывания, и т. д.).

Таким образом, виновное совершение нарушения, наличие неосторожной формы вины не является таким специфическим признаком процессуальных нарушений, который позволяет отграничить от остальных даже существенные нарушения процессуального закона, предусмотренные в ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР.

Практически одинаковые для всех процессуальных нарушений и признаки, характеризующие их субъект. В качестве такового выступают лица, представляющие органы судопроизводства. Признаки субъекта процессуального нарушения весьма специфичны, однако, по сравнению с признаками субъекта уголовного правонарушения. Деяния, внешне подпадающие под признаки состава какого-либо преступления, совершенные лицом, которое согласно уголовному законодательству не может быть субъектом преступления, не признаются уголовными правонарушениями и не считаются основанием для применения наказания. В уголовном же процессе, напротив, совершение уголовно-процессуальных действий лицом, не являющимся надлежащим субъектом, т. е. неуполномоченным и полномочным в конкретном деле для такой деятельности, представляет собой безусловное основание применения восстановительных санкций, а именно отмены приговора. Обнаруженные же вышестоящим судом процессуальные нарушения не лишаются своих качеств как тако-

вые и влекут одинаковые последствия независимо от того, допущены ли они «надлежащим или ненадлежащим» субъектом.

Для того чтобы выбрать критерии разграничения оснований отмены (изменения) приговоров и чтобы на основе квалификации допущенных нарушений можно было определить их тяжесть, приходится обращаться к признакам их объективной стороны. Такими признаками являются характер нарушающего процессуальный закон действия или бездействия, формы и способ нарушения, его причины, а также реальные или возможные последствия нарушений. Этот вывод совпадает с положениями уголовно-правовой теории квалификации о том, что разграничение деяний именно по объективной стороне приходится проводить, как правило, в тех случаях, когда объект посягательств одинаков³¹.

Однако в уголовно-процессуальной теории такие понятия, как характер, формы, способ нарушения, также не трактуются однозначно. С этим связаны противоречивые предложения о критериях классификации уголовно-процессуальных оснований отмены и изменения приговоров.

Например, ряд авторов рассматривают характер нарушения как критерий для отграничения оснований, предусмотренных ст. 345 УПК. При этом предлагается считать существенными (в смысле ст. 345) нарушения норм, содержащих принципы и общие положения процесса, а также регулирующих процессуальные права основных участников³². Между тем ясно, что неполнота и односторонность предварительного или судебного следствия, а также обоснование приговора не фактическими материалами дела, а предположениями, выделенные как специфические основания отмены в ст. 343

³¹ См.: *Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступления. М.: Юрид. лит., 1972. С. 177—178. Последнее связано с общим положением теории права о наиболее распространенных признаках, по которым чаще всего разграничиваются правонарушения. Как указывает И. С. Самощенко, все правонарушения отличаются друг от друга главным образом по своей объективной стороне. См.: *Самощенко И. С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. С. 105.

³² См.: *Ерофеев Г. А.* Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основания пересмотра приговоров // *Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1977. Вып. 57. С. 138; Тавровский Б. М.* Указ. соч. С. 17.

и 344 УПК РСФСР, также являются нарушением норм-принципов (всесторонности, полноты, объективности, непосредственности и т. д.) и норм, гарантирующих права личности (права на защиту и отдельных полномочий, в которых оно реализуется).

Некоторые авторы предлагают ограничивать безусловные процессуальные основания в смысле ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР от фактических процессуальных оснований по тем признакам, что первые перечислены в законе и всегда вызывают сомнения в правильности приговора. Но и фактические процессуальные основания перечислены в законе и также могут вызвать сомнения в правильности приговора. Недостаточно последовательна и идея отличать «составы» ст. 345, 343 и 344 УПК РСФСР по такому критерию, как возможность установления нарушений, перечисленных в первой из названных статей, без оценки совокупности доказательств по делу³³. Но тогда и отсутствие мотивировки приговора рассматривается как нарушение, подпадающее под признаки ст. 345 УПК³⁴. Представляется, что здесь скорее можно усмотреть несоответствие выводов суда материалам дела, так как без мотивировки приговора невозможно судить о том, насколько эти выводы подтверждены исследованными в суде доказательствами (ст. 344 УПК). Даже проделав самостоятельно весь логический путь от изложенных в протоколе судебного заседания материалов к выводам суда в приговоре, суд второй инстанции не может точно определить, какими были мотивы решения и какие доказательства суд первой инстанции признал обосновывающими его.

Для систематизации оснований отмены и изменения приговоров, по мнению Л. А. Воскобитовой, необходимо разграничить процессуальные нормы по предмету регулирования и выделить группы норм, регламентирующие: а) установление фактических обстоятельств дела; б) порядок обоснования выводов; в) процессуаль-

³³ Подробно этот критерий будет подвергнут разбору далее.

³⁴ См.: *Бажанов М. И.* Законность и обоснованность судебных актов в советском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. С. 10; *Мотовиловкер Я. О.* Некоторые вопросы теории... С. 175; *Тавровский Б. М.* Указ. соч. С. 17; *Заболоцкий В. Г.* Обоснованность приговора в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1971. С. 14.

ный порядок, условия и форму судопроизводства³⁵. Такому делению, согласно точке зрения указанного автора, соответствуют три основания отмены приговоров, закрепленные в ст. 343, 344 и 345 УПК РСФСР. Однако данная классификация не бесспорна. Установление фактических обстоятельств дела возможно только в определенной процессуальной форме. Поэтому отступления от процессуального порядка «посягают» и на установление фактических обстоятельств. К «формам» судопроизводства относится весь порядок доказывания, исследование доказательств с позиции обвинения и защиты и т. д. Поэтому, например, нарушение права на защиту препятствует установлению фактических обстоятельств.

Порядок обоснования выводов не закреплен полностью в уголовно-процессуальном праве. Обоснование выводов связано с логическими и психологическими закономерностями. Да и те нарушения в порядке обоснования выводов, которые указаны в ст. 344 УПК, вряд ли можно интерпретировать как отступления от каких-либо определенных норм, кроме требования обосновывать приговор доказательствами, рассмотренными в судебном заседании, и мотивировать решения суда.

К порядку обоснования выводов относится и порядок доказывания, которое обеспечивает установление фактических обстоятельств дела в судебном исследовании. Поэтому первый и второй из выделенных предметов регулирования трудно разграничить. Свести же содержание ст. 344 к порядку изложения выводов в приговоре также невозможно. Суд зачастую не объясняет, почему он выбрал одни из противоречащих друг другу доказательств и отверг другие (п. 3 ст. 344), не из-за того, что он «забыл» о необходимости это объяснить, а потому, что он в ходе судебного исследования не получил достаточных данных.

В то же время автор приведенной выше позиции, согласно которой процессуальные нарушения можно дифференцировать в зависимости от того, к какой области судебной деятельности относится нарушение — к доказыванию фактических обстоятельств, обоснованию выводов или соблюдению процессуальной фор-

³⁵ См.: *Воскобитова Л. А.* Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основания к отмене приговора: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 10.

мы,— не считает, что критерием существенности процессуальных нарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 345 УПК РСФСР, может быть содержание нарушения, способ его совершения, вид и значение нарушенной нормы, характер и причины нарушения³⁶. Этому противопоставляется утверждение, что существенными нарушениями в смысле ч. 2 ст. 345 должны считаться все нарушения, которые влекут обязательную отмену приговора, кроме указанных в ст. 343 и 344 УПК РСФСР. К существенным же нарушениям в смысле ч. 1 ст. 345 отнесены такие нарушения, которые могут повлечь отрицательные последствия для правильного разрешения конкретного дела и потому признаются существенными именно в связи с особенностями этого дела³⁷. Однако последнее как раз и указывает на значение для признания нарушения существенным не только особенностей дела, но и характера нарушения.

Классифицировать основания отмены и изменения позволяют именно характер нарушения, его способ, причины и последствия. Рассуждая по аналогии с трактовкой признаков состава уголовного правонарушения, надо признать, что речь идет о признаках объективной стороны процессуальных нарушений. Их дальнейший анализ связан с конкретными основаниями отмены (изменения) приговоров.

2. Признаки и разграничение «фактических» процессуальных оснований отмены (изменения) приговоров. Их идеальная и реальная совокупность

Неполнота исследования и несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела имеют ряд общих признаков и нередко взаимосвязаны. Поэтому важно их разграничение. Необходимо выделить также ситуации, в которых указанные процессуальные на-

³⁶ Такой критерий предлагают В. И. Хотенец (см.: *Хотенец В. И.* Сущность кассационных определений в советском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1978. С. 11) и Г. А. Ерофеев (см.: *Ерофеев Г. А.* Нарушения уголовно-процессуального закона как основания пересмотра приговоров: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1978. С. 7—8).

³⁷ См.: *Воскобитова Л. А.* Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основания к отмене приговоров // *Тр. ВЮЗИ.* 1974. Т. 37, ч. 2. С. 144—174.

рушения проявляют себя как совокупность оснований отмены приговоров.

Первый признак, который отличает фактические процессуальные основания отмены (ст. 343, 344 УПК) от безусловных оснований отмены, предусмотренных в ч. 2 ст. 345 УПК, — это их «материальные» последствия (по аналогии с «материальными» составами преступлений). В качестве таких последствий всегда выступает неправильное или неполное установление (т. е. неустановление) фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу.

Фактические обстоятельства считаются установленными лишь тогда, когда круг их соответствует требованиям процессуального закона о предмете доказывания, когда в подтверждение этих обстоятельств собраны все необходимые доказательства и когда из этих доказательств однозначно вытекают выводы о наличии тех или иных фактов, сделанные судом в приговоре.

Все разновидности нарушений, перечисленные в ст. 343, 344 УПК РСФСР, связаны с таким последствием, как неправильное установление обстоятельств дела. Оно может быть результатом того, что круг исследованных в суде вопросов недостаточен для выводов (ч. 1 и п. 2, 3 ст. 343, п. 1, 2 ст. 344 УПК) или что суд не реализовал полностью возможности по доказыванию и обоснованию сформулированных в приговоре суждений о фактах (п. 1 ст. 343 и п. 3, 4 ст. 344 УПК). Значит, неполнота исследования и несоответствие выводов суда собранным данным могут иметь и одинаковые последствия, и одинаковые формы.

Существенно также следующее. Односторонность или неполнота предварительного или судебного следствия (ст. 343 УПК) именно потому является основанием отмены, что суд вынес приговор, не завершив процесс доказывания, при неполно собранных доказательствах. Поэтому в случаях отмены приговора из-за односторонности и неполноты исследования выводы, к которым суд пришел в приговоре, не соответствуют имеющимся в деле и недостаточным для его разрешения фактическим данным.

При существенной неполноте исследования (ст. 343) суд практически всегда лишен возможности учесть в приговоре все обстоятельства, которые могли бы повлиять на его выводы (признак п. 2 ст. 344). Эти вы-

воды суда первой инстанции признаются не подтвержденными в необходимой степени доказательствами, рассмотренными в судебном заседании (признак п. 1 ст. 344), если собранных доказательств недостаточно для вынесения законного и обоснованного приговора (ст. 343)³⁸. Поэтому, когда налицо неполнота исследования, вместе с тем всегда присутствуют и признаки такого процессуального нарушения, как несоответствие выводов суда тому, что установлено в судебном заседании (совокупность ст. 343 и 344).

Нелогично рассматривать неполное установление обстоятельств дела только как признак основания отмены или изменения приговоров, предусмотренного в ст. 343 УПК. Несоответствие выводов суда в приговоре фактическим обстоятельствам дела может означать, что суд делает выводы о фактах при недостаточных для этого основаниях, т. е. так же, как в случаях, перечисленных в ст. 343 УПК. При несоответствии выводов суда фактическим обстоятельствам дела во всех конкретных проявлениях этого нарушения (п. 1—4 ст. 344) может иметь место неполнота исследования. Неправильное признание судом собранной совокупности доказательств достаточной для вынесения приговора (неполнота в смысле ст. 343 УПК) выступает тогда как причина несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам (ст. 344 УПК).

Итак, неполнота исследования всегда связана с тем, что выводы суда в приговоре не соответствуют фактически собранным данным. Несоответствие же выводов суда имеющимся материалам может вытекать из отсутствия всех необходимых доказательств.

Изучение судебной практики показывает, что неполнота и односторонность судебного исследования и несоответствие выводов суда в приговоре фактическим обстоятельствам нередко выступают в конкретном деле именно как синтезированное нарушение, являющееся основанием для критической оценки и отмены приговора. В определениях и постановлениях вышестоящих

³⁸ Я. О. Мотовиловкер выдвигал предложение рассматривать несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела как общую формулировку нарушений в судебном исследовании, «родовое основание», из которого в качестве его разновидностей может быть выведено и такое основание отмены и изменения приговоров, как односторонность и неполнота. См.: Мотовиловкер Я. О. Вопросы теории советского уголовного процесса. Томск, 1971. С. 244.

судов такие ошибочные решения вполне обоснованно квалифицируются как совокупность нарушений, предусмотренных ст. 343 и 344 УПК. Эта позиция отвечает задаче полного выявления всех признаков объективной стороны состава допущенных процессуальных нарушений.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 21 января 1974 г. «О практике пересмотра в порядке судебного надзора приговоров, определений и постановлений судов по уголовным делам» подчеркивается, что деятельность вышестоящих судов должна обеспечивать, чтобы каждое нарушение закона, являющееся основанием к отмене или изменению судебного решения, было выявлено и устранено³⁹. Это правило приобретает еще более определенный смысл, если оно разъясняется как направленное на выявление всех конкретных форм нарушений, а не только их результатов.

Ошибки суда при несоответствии его выводов фактическим обстоятельствам дела, когда оно является результатом неполноты исследования, а также во всех случаях неправильных решений при неполноте судебного следствия следует квалифицировать и по ст. 343 и по ст. 344 УПК. Причем в определениях вышестоящих судов должны быть указаны конкретные признаки каждого из этих оснований, обнаруженные при проверке законности и обоснованности приговора.

При отмене приговора должны быть отмечены и не установленные обстоятельства, и неисследованные доказательства, и конкретные недостатки в выводах по делу — их противоречивость, необоснованность и т. д., т. е. проанализированы все формы и способы таких нарушений, как неполнота и односторонность исследования и несоответствие выводов суда обстоятельствам дела⁴⁰.

Характеристику нарушений, составляющих эту совокупность, условно можно было бы свести только к одному из них.

³⁹ Бюл. Верхов. Суда СССР. 1974. № 2. С. 41.

⁴⁰ Примеры определений по уголовным делам, в которых основания отмены обозначены именно как совокупность, см.: Соц. законность. 1968. № 2. С. 86; 1976. № 12. С. 23; Бюл. Верхов. суда РСФСР. 1975. № 7. С. 15—16; 1977. № 1. С. 29—30; Комментарий судебной практики за 1976 год. М.: Юрид. лит., 1977. С. 122—123, 126—128; Комментарий судебной практики за 1977 год. М.: Юрид. лит., 1978. С. 138—140.

В процессуальной теории господствует именно такая позиция. Если неполнота исследования может быть восполнена, то считается, что допущенное судом нарушение полностью охватывается признаками ст. 343 УПК, так как неполнота исследования выступает как первопричина всех остальных ошибок суда⁴¹. В тех же случаях, когда выводы суда в приговоре не соответствуют имеющимся данным, но последние неполны и не могут быть дополнены при продолжении доказывания (невосполнимая неполнота исследования), приговор предлагается отменять (изменять), руководствуясь ст. 344 УПК⁴².

Однако для оценки и корректировки судебной практики важно полностью выявить в деятельности суда все, что противоречит требованиям закона и составляет содержание процессуальных нарушений. И здесь упоминаемая выше аналогия с выявлением всех признаков состава преступления, а также применение понятия «процессуальная квалификация» подчеркивают значение исчерпывающей процессуальной характеристики ошибок судов. При неполноте судебного следствия необходимо указать в определении об отмене приговора и на конкретные признаки несоответствия выводов суда обстоятельствам дела (п. 1—4 ст. 344 УПК РСФСР), вызванного недостаточным объемом исследования. Это обратит внимание на ошибки в формулировании выводов. Суду первой инстанции в ходе повторного рассмотрения дела будет легче определить конкретные цели, направления и средства при собирании дополнительных доказательств для выяснения обстоятельств, которые не были установлены с достаточной полнотой. При несоответствии выводов суда собранным материалам неполнота исследования может быть невосполнимой. Тогда исправление ошибки в выводах суда связано лишь с изменением содержания выводов, раз все доступные доказательства собраны и пополнение доказательственного материала более невозможно (хотя ряд обстоятельств так и не удалось

⁴¹ Такая точка зрения высказывалась ранее и авторами данной работы.

⁴² См.: *Тырчев И. В.* Односторонность и неполнота дознания, предварительного или судебного следствия как кассационное основание // Актуальные вопросы развития и совершенствования законодательства о судостроительстве, судопроизводстве и прокурорском надзоре. Сб. науч. тр. ВЮЗИ. М., 1982. С. 125—126.

установить). Но ведь суд потому и сделал неправильные выводы, что не увидел имеющуюся неполноту. И на нее необходимо указать. Суды должны быть ориентированы при вынесении приговора на то, чтобы их выводы строго соответствовали лишь установленным обстоятельствам, тем более когда никаких возможностей по дальнейшему собиранию доказательств уже нет. Они не могут восполнять этот недостаток своими предположениями. Как при восполнимой, так и при невосполнимой неполноте исследования ни ст. 343, ни ст. 344 УПК не охватывает всех признаков объективной стороны процессуальных нарушений. Допущенные ошибки могут получить правильную правовую оценку только путем применения обеих норм УПК одновременно.

Классификация оснований отмены приговора по совокупности ст. 343 и 344 УПК облегчает кассационным и надзорным инстанциям дачу указаний об исправлении обнаруженных нарушений⁴³. Отмена и изменение приговора всегда имеют еще и профилактическое значение, являются формой процессуального руководства судебной практикой. При отмене и изменении приговора из-за несоответствия выводов суда имеющимся данным на фоне как восполнимой, так и невосполнимой неполноты в доказывании достижение этих целей также лучше обеспечивается путем квалификации допущенных судом нарушений по совокупности ст. 343 и 344 УПК.

Еще одно формальное соображение. Если признать, что закон понимает под неполнотой исследования в смысле ст. 343 УПК лишь восполнимую неполноту, то нельзя будет объяснить, почему такое нарушение требований процессуального закона может повлечь не только отмену, но и изменение приговора. Последнее, как результат неполноты исследования, возможно лишь при невосполнимом ее характере.

Разграничение оснований отмены приговоров в теории не может не учитывать, что конкретные формы не-

⁴³ Если невосполнимый характер неполноты очевиден, то это также должно быть специально отмечено при отмене приговора, потому что за пределами действия правила о запрете поворота к худшему в качестве способа исправления несоответствия выводов суда обстоятельствам дела на фоне невосполнимой неполноты выступает либо отмена приговора с прекращением дела, либо изменение приговора, и задача дополнения исследования решаться не должна.

полноты исследования и несоответствия выводов суда в приговоре собранным данным (перечисленные во всех пунктах ст. 343 и 344 УПК) в судебной практике тесно переплетены. Нет никаких доводов против того, чтобы эта реальная связь не учитывалась в ходе правовой оценки оснований отмены и изменения приговоров. Вместе с тем необходимо и четкое разграничение совокупности ст. 343 и 344 УПК, с одной стороны, и несоответствия выводов суда обстоятельствам дела — с другой.

Нарушения, зафиксированные в качестве оснований отмены или изменения приговоров в ст. 344, могут быть не связаны с неполнотой проведенного по делу исследования. Иначе эти два основания вообще не рассматривались бы как самостоятельные. Они выводились бы друг из друга, и процессуальный закон не разделял бы их.

Отличие указанных нарушений по признакам объективной стороны заключается в следующем. Искания в процессе доказывания, которые привели к неполноте исследования, могут относиться и к собиранию, и к проверке, и к оценке доказательств. А несоответствие выводов суда собранным данным представляет собой ошибку только в оценке доказательственного материала. Ст. 344 УПК обобщает различные виды именно таких ошибок⁴⁴. Поэтому если исследование

⁴⁴ Здесь не рассматривается вопрос об отграничении несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела от неправильной уголовно-правовой квалификации установленных обстоятельств. Это полно и основательно проанализировано в ряде работ. См.: Орлов Ю. К. О соотношении и содержании категорий истины и достоверности в судебном доказывании // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 25. С. 138; Галкин В. М. Уголовно-правовые основания отмены (изменения) процессуальных решений. С. 154, 158. Кливер И. Я. Уголовно-правовые судебные ошибки квалификации преступлений и их предупреждение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 6; Заболоцкий В. Г. Указ. соч. С. 6; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрид. лит., 1972. С. 230—231. Во всяком случае, по действующему закону ст. 344 не охватывает неправильную юридическую квалификацию. См.: Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Юрид. лит., 1976. С. 29. Несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела связано не с правовой оценкой установленных фактов, а с оценкой доказательств, лежащей в основе выводов о наличии или отсутствии тех или иных фактических обстоятельств, на базе которых должны быть далее сделаны уголовно-правовые выводы.

проведено максимально полно и собрана вся необходимая по делу совокупность доказательств, а суд все же сделал на этой основе ошибочные выводы, то такое нарушение полностью охватывается признаками одной только ст. 344 УПК.

Отличительным признаком закрепленного в ней основания отмены (изменения) приговора является не-правильность выводов суда при отсутствии неполноты исследования. С объективной стороны несоответствие выводов суда обстоятельствам дела во всех своих видах отличается от основания, предусмотренного ст. 343 УПК РСФСР тем, что оно не связано с недостаточной активностью суда в собирании доказательств.

Оценка доказательств может быть ошибочна в связи с тем, что ряд использованных данных недостаточно проверен и утверждать их достоверность нельзя. При этом либо необходимо дополнительное проведение исследования с помощью привлечения новых материалов, либо надо признать невозможность пополнения доказательственного материала. Обе ситуации свидетельствуют о пороках не только в оценке, но и в собирании и проверке доказательств. Они не охватываются полностью составом процессуального нарушения, предусмотренного в ст. 344 УПК.

Связь указанных оснований отмены (изменения) приговоров с различными элементами процесса доказывания позволяет определить, является ли совокупность процессуальных нарушений, заключающихся в неполноте исследования и несоответствии выводов суда установленным данным, идеальной или реальной по своему характеру⁴⁵. Собрание, проверка и оценка отдельных доказательств и всего доказательственного материала в совокупности, несмотря на их взаимосвязанность, осуществляются не единым действием. Эти действия достаточно многочисленны и разнообразны. Оценка доказательств при всей ее значимости для собирания и проверки доказательств и тесной связи с ними является чисто логической деятельностью, в то время как для первых двух названных элементов в процессе доказывания характерна и необходима также практическая деятельность. Кроме того, процесс дока-

⁴⁵ Речь идет о ситуациях, когда оба процессуальных нарушения допущены при установлении одних и тех же фактических обстоятельств, при доказывании одних и тех же обвинений или их эпизодов.

звания в суде при вынесении приговора всегда завершается таким обособленным во времени этапом, как оценка доказательств в совещательной комнате. Поэтому неполноте исследования, явившуюся результатом недоработок в собирании доказательств, и несоответствие выводов суда собранным данным, как результат логически неверного акта мышления, было бы необоснованно признавать разными последствиями единого действия (бездействия), противоречащего требованиям процессуального закона.

Когда объем исследования признается недостаточным (ст. 343 УПК) и обнаруженная неполнота может быть восполнена, а дефекты процессуальной деятельности, в которых выражается несоответствие выводов суда собранным материалам (ст. 344 УПК), — результат неполноты исследования, то совокупность указанных нарушений по действующему процессуальному закону является реальной. Такой вывод несомненно значим для выявления, устранения и предупреждения указанных нарушений, а также для оценки тяжести недостатков в рассмотрении дела.

Если же неполнота исследования невосполнима, а суд, не замечая ее, делает выводы, не соответствующие собранным данным, тогда налицо идеальная совокупность фактических оснований отмены приговоров. Здесь неправильная оценка доказательственного материала выступает как единая причина, в результате которой суд необоснованно признает неполные данные достаточными, т. е. проходит мимо неполноты исследования, а выводы суда не соответствуют действительно установленному.

Квалификация указанных нарушений как идеальной совокупности оснований, предусмотренных в ст. 343 и 344 УПК, точно отражает содержание ошибочной оценки доказательств судом при невосполнимой неполноте. Например, если доказательств недостаточно для вывода о виновности подсудимого и нет возможности восполнить этот недостаток, то при отмене обвинительного приговора должно быть указано как на неполноту собранных данных (т. е. на неуставленное), так и на то, что вывод о виновности не доказан (т. е. на несоответствие между имеющимися доказательствами и решением суда).

Идеальная совокупность неполноты исследования и несоответствия выводов суда собранным данным име-

ет место при нарушении судом правила о толковании сомнений в пользу обвиняемого. В уголовном деле сомнения в доказанности, а значит, и в наличии фактических обстоятельств всегда выступают как результат неполноты исследования. При отмене приговора из-за сомнительности подлежащих установлению фактов необходимо указать: а) что именно осталось невыясненным (ч. 1 ст. 343); б) какие недостатки в обосновании решения суда подтверждают сомнительность выводов (п. 1, 2, 3, 4 ст. 344) и, наконец, в) устранимы ли имеющиеся сомнения в данной конкретной ситуации и каким образом они могут быть устранены. Если сомнения неустранимы (невосполнимая неполнота исследования), ссылка только на ст. 344 при отмене (изменении) приговора не вскрывает полностью ошибочность позиции суда первой инстанции. Сомнения в фактах имеют место не тогда, когда о них вообще нет информации, а при наличии неполных, неточных, непроверенных данных. Процессуальная характеристика указанной ситуации как идеальной совокупности ст. 343 и 344 УПК объективно соответствует неполноте собранных данных. Ввиду ее невосполнимости суд должен четко определить, что именно не может быть доказано с несомненностью. На это и ориентирует процессуально-правовая оценка нарушения правила о толковании сомнений в пользу подсудимого как идеальной совокупности неполноты исследования и несоответствия выводов суда собранным данным.

Кроме того, при толковании сомнений в пользу подсудимого выводы суда также не могут быть подтверждены доказательствами, как и при нарушении указанного правила. Решение в пользу подсудимого при толковании сомнений принимается не потому, что такой вывод положительно подтвержден (иначе не было бы и сомнений), а лишь потому, что не доказан противоположный. Значит, и правильное, и неправильное решение суда о толковании сомнений может выглядеть как вывод, положительно не подтвержденный фактическими обстоятельствами.

Поэтому характеристика нарушения правила о толковании сомнений в пользу подсудимого только как несоответствия выводов суда установленным обстоятельствам дела (ст. 344) недостаточна. И в процессуальном, и в психологическом плане для судей важно, чтобы при этом было указано на неполноту исследова-

ния: то, что свидетельствует об обстоятельствах, которые могли бы ухудшить положение подсудимого, не подтверждено, не установлено (ст. 343 УПК), а значит, и не существует для суда.

Эти ситуации явно отличаются от «чистого» несоответствия выводов суда установленным обстоятельствам дела, когда само судебное исследование не имеет каких-либо пробелов.

Надо отметить, что отмена приговора только по ст. 344 обычно связана с тем, что принятое вышестоящим судом или судом первой инстанции после повторного рассмотрения новое решение по делу по своему существу серьезно отличается от первоначально вынесенного приговора. Однако меняется не доказательственный материал. Может существенно измениться сам характер обвинения. Может быть полностью отвергнуто прежнее решение о признании лица виновным или оправданным. Эти ошибки представляются по степени своей опасности достаточно серьезными и весьма специфичны по характеру.

Например, по ст. 344 подлежит отмене с прекращением дела обвинительный приговор, когда собранные в полном объеме материалы доказывают, что отсутствует состав преступления либо лицо невиновно в его совершении.

По ст. 344 должен быть отменен и оправдательный приговор, если собранные фактические данные не дают оснований для оправдания подсудимого и вышестоящий суд считает, что они неправильно оценены судом первой инстанции. На основании этой же статьи вышестоящий суд отменяет обвинительный приговор, когда дело должно быть возвращено для производства дополнительного расследования в связи с тем, что установленные факты дают основание для привлечения к ответственности за более тяжкое преступление (конечно, если не действует запрет поворота к худшему).

Под ст. 344 подпадают и все случаи изменения фактического объема обвинения, если в отношении какой-либо его части доказана невиновность осужденного.

Для оценки существенности нарушений, вызывающих применение ст. 344, необходимо подчеркнуть, что в этих случаях суд первой инстанции оказывается неспособным сделать правильные выводы, имея для этого все необходимые данные. Это редкое явление, на которое должно быть обращено особое внимание при

оценке на основе результатов судебного разбирательства профессионально значимых свойств личности судей.

Подводя итог, необходимо отметить ряд обстоятельств, относящихся к регламентации фактических процессуальных оснований отмены и изменения приговоров в процессуальном законе.

Понятие существенности нарушения уголовно-процессуального закона, данное в ч. 1 ст. 345, в действительности относится и к нарушениям, предусмотренным в качестве оснований отмены и изменения в ст. 343 и 344 УПК РСФСР. Судебная практика это вполне подтверждает.

Если односторонность или неполнота исследования и несоответствие выводов суда в приговоре фактическим обстоятельствам дела являются основаниями, из-за которых приговор может быть и отменен, и изменен, значит, закон исходит из того, что эти два нарушения в большинстве случаев связаны друг с другом. При этом либо: а) неполнота исследования приводит к тому, что выводы суда в приговоре не соответствуют добытым фактическим данным, т. е. содержат необоснованные утверждения, либо б) несоответствие выводов суда обстоятельствам дела связано с невосполнимой неполнотой исследования, из-за которой суд первой инстанции должен был сделать другие выводы. Невосполнимая неполнота вместе с тем выражается в тех же формах, которые зафиксированы в ст. 343 УПК, когда остаются невыясненными существенные обстоятельства или не исследованы важные доказательства. Восполнить пробелы исследования по объективным причинам уже невозможно и необходимо поэтому принять решение либо об отмене, либо об изменении приговора.

Исправляя допущенные нарушения, кассационные и надзорные инстанции и при восполнимой, и при невосполнимой неполноте должны указывать на конкретные недостатки в деятельности органов судопроизводства, предусмотренные как п. 1—3 ст. 343, так и п. 1—4 ст. 344 УПК РСФСР. В таком подходе отражалась бы та «познавательная функция», которая отводится в механизме проверки законности и обоснованности приговоров формулировкам кассационных оснований⁴⁶. Однако эти формулировки играют роль не

⁴⁶ См.: Хотенец В. М. Указ. соч. С. 9.

только инструмента выявления нарушений, но и содержат признаки для классификации последних. Поэтому должны быть выделены случаи несоответствия выводов суда обстоятельствам дела как результат ошибок, допускаемых при оценке полно собранных доказательств и формулировании выводов. Они полностью охватываются признаками ст. 344 УПК, так как не связаны с неполнотой исследования.

Изучение судебной практики, судебной статистики и результаты социологических исследований, предметом которых был анализ отмены приговоров, показывают важную роль разграничения и правильной (полной и точной) «квалификации» фактических процессуальных оснований отмены и изменения приговоров. Можно сослаться на следующее обобщение. Из 1223 дел с отмененными приговорами, в которых вышестоящие суды отметили наличие фактических процессуальных оснований отмены (ст. 343 и 344 УПК), в 856 случаях констатировалась неполнота исследования и в 723 — несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам⁴⁷. Следовательно, в 69% дел были отмечены признаки ст. 343 УПК и в 59% — признаки ст. 344 УПК.

В связи с этим надо подчеркнуть распространенность такого нарушения, как несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Изучались только случаи отмены приговора, а признаки нарушений, фиксируемые в ст. 344 УПК, чаще связаны с таким процессуальным последствием, как изменение решений, вынесенных первой инстанцией. И все же более чем по половине изученных дел вышестоящие суды в обоснование своего решения об отмене приговора сослались на ст. 344 УПК. Это дает основание полагать, что уже теперь в судебной практике ст. 344 применяется по совокупности со ст. 343 УПК. (Количество таких случаев составило 28%.) В пользу этого довода свидетельствует и сопоставление приведенных данных с судебной статистикой. По результатам кассационного пересмотра дел в статистике учитываются основные случаи отмены приговоров из-за несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Фикси-

⁴⁷ Приводятся результаты обчета 1595 карточек на отмененный приговор, распространенных Министерством юстиции СССР и Институтом государства и права АН СССР в нескольких регионах ряда союзных республик.

руется отмена приговора с прекращением дела ввиду отсутствия события или состава преступления и ввиду недоказанности обвинения, а также отмена оправдательного приговора. Эти решения судов кассационной инстанции составляют очень незначительную долю среди всех отмененных приговоров, во много раз меньшую, чем та часть отмены, которая приходится на долю несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела по приведенным данным выборочного исследования.

В связи с задачей точной оценки процессуальных нарушений, приводящих к отмене или изменению приговоров, обращает на себя внимание следующий пробел в законодательстве. Вышестоящие суды, анализируя законность и обоснованность решения по делу, должны вскрыть и подробно указать все обнаруженные нарушения и даже нарушенные нормы (ст. 351 УПК). Но по точному тексту закона на них не возложена обязанность точно назвать основание отмены и сослаться на ту статью процессуального закона, в которой оно предусмотрено. Поэтому и в тех случаях, когда в определении суда указывается, что выводы суда не подтверждаются доказательствами, что суд не принял во внимание какие-либо обстоятельства либо не устранил противоречия между доказательствами (признаки ст. 344 УПК), фактически речь может идти о составе нарушения, предусмотренного ст. 343 УПК, т. е. о неполноте проведенного исследования. Отсутствие четкости в разграничении этих составов нарушений процессуального закона может влиять на правильность определения процессуальных последствий обнаруженных недостатков.

Суды кассационной и надзорной инстанций не ориентированы на то, чтобы каждый раз выявлять характер обнаруженной неполноты и отвечать на вопрос, восполнима ли она. Это способствует принятию неправильного решения о необходимости повторного рассмотрения дела и в тех ситуациях, когда в связи с характером обнаруженных в приговоре ошибок окончательное решение по делу должно быть принято в вышестоящем суде, т. е. необходимо отменить приговор с прекращением дела или изменить прежнее решение. Ясно, что это не вскрывает подлинного значения нарушений, допущенных судами первой инстанции, препятствует правильной оценке их работы с помощью

статистической информации, не позволяет вести целенаправленную работу по устранению причин судебных ошибок и воспитанию кадров. Отсутствие в законе требования точно указывать основания при отмене (изменении) приговоров особенно отрицательно сказывается на применении норм, предусматривающих фактические процессуальные основания. Здесь вообще нет единообразия. Доктринальное толкование процессуального закона не может непосредственно влиять на практику его применения. Поэтому необходима выработка общих правовых положений по данному вопросу в руководящей судебной практике.

3. Существенные процессуальные нарушения

Не только фактические процессуальные основания отмены приговора, но и существенные процессуальные нарушения в узком смысле⁴⁸, которые являются третьим из процессуальных оснований отмены решений судов первой инстанции, связаны с неправильным разрешением дела по существу. Это вытекает из того, что соблюдение предусмотренных законом процессуальных требований, относящихся к условиям процессуальной деятельности, — необходимая предпосылка достоверного установления фактических обстоятельств дела, а существенное нарушение уголовно-процессуального закона в узком смысле всегда ставит под сомнение правильность приговора по существу⁴⁹.

Представляется, что специфика существенных процессуальных нарушений в узком смысле не определяется способом и последствиями нарушений, названными в ч. 1 ст. 345. В данной норме указано, что существенными признаются нарушения, которые «путем лишения или стеснения гарантированных законом прав

⁴⁸ Такая терминология представляется условно допустимой в целях отличия неполноты исследования и несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам, которые тоже являются существенными процессуальными нарушениями, от нарушений, предусмотренных в ст. 345 УПК РСФСР. См.: *Галкин В. М.* Уголовно-правовые основания отмены (изменения) процессуальных решений. С. 151.

⁴⁹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973. С. 324; *Мотовиловкер Я. О.* Вопросы теории... С. 249. Я. О. Мотовиловкер употребляет термин «форма процессуального действия», считая, что отступления от нее указаны в ст. 345 УПК. См.: *Мотовиловкер Я. О.* Некоторые вопросы теории... С. 268.

участников процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора».

Из этой формулировки вытекает только один вывод: способы нарушения могут быть самыми разными. А последствия, на которые указано в ч. 1 ст. 345 УПК, также не специфичны. Такие же последствия, как уже говорилось, имеют нарушения, подпадающие под признаки ст. 343 и 344 УПК. В то же время основания отмены (изменения) приговоров, перечисленные в ст. 343, 344 и ч. 1 ст. 345 УПК РСФСР, отличаются от нарушений, указанных в ч. 2 ст. 345 УПК, тем значением, которое закон придает установлению последствий указанных нарушений.

Практически между двумя названными группами оснований существует различие, аналогичное различию между «материальными» и формальными составами преступлений. В ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР специально выделена группа таких существенных нарушений, которые являются безусловными основаниями для отмены приговора, так как они «во всяком случае» влекут применение данной процессуальной санкции.

Основная посылка уголовно-процессуальной теории при определении безусловных оснований отмены приговоров в смысле ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР заключается в следующем: указанные нарушения всегда, по любому делу могут быть связаны с неправильным его разрешением по существу. Именно поэтому самый факт такого нарушения означает, что вынесенный приговор подлежит отмене, а вышестоящие суды, обнаружив это нарушение, не должны в ходе кассационного (надзорного) производства «взвешивать» существенность его возможного отрицательного влияния на приговор, поскольку она уже заранее утверждается в самом законе⁵⁰.

При установлении в деле нарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 345 УПК, вышестоящие судебные инстанции освобождены самим законодателем от необходимости устанавливать и указывать последствия обнаруженных отступлений от требований закона (формальный состав процессуального нарушения). Напро-

⁵⁰ См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1970. Т. 2. С. 384.

тив, при неполноте исследования (ст. 343), несоответствии выводов суда обстоятельствам дела (ст. 344) или других существенных нарушениях закона (ч. 1 ст. 345) необходимо установить, что указанные отступления от требований закона «помешали суду всесторонне разобрать дело», повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора» (материальные составы процессуального нарушения).

Без установления таких последствий процессуальное нарушение в узком смысле слова не может быть признано существенным. Наличие указанных в ч. 1 ст. 345 последствий всегда связано с основаниями отмены (изменения) приговоров, которые сформулированы в ст. 343 и 344 УПК РСФСР. Для существенных процессуальных нарушений в узком смысле слова, подпадающих под признаки ч. 1 ст. 345 УПК, практически исключены ситуации, в которых одновременно не устанавливались бы какие-либо признаки нарушений, предусмотренных ст. 343 и 344 УПК.

Действительно, если допущенные процессуальные нарушения помешали суду всесторонне разобрать дело, повлияли на выводы суда в приговоре (признаки существенности нарушения, сформулированные в ч. 1 ст. 345) и приговор поэтому признается незаконным и необоснованным, то налицо реальные последствия, предусмотренные в ст. 343 и 344 УПК. Из-за допущенных нарушений не выяснены или не учтены судом существенные обстоятельства, не исследованы существенные доказательства, и сами выводы суда в приговоре недостаточно подтверждены. Эти реальные последствия нарушения обязывают для его правильной квалификации при отмене приговора ссылаться наряду с ч. 1 ст. 345 и на ст. 343 и 344 УПК. Иначе не будут выявлены полностью все недостатки судебного разбирательства и судебного приговора. Конкретное процессуальное нарушение в узком смысле (ч. 1 ст. 345 УПК), которое привело к вынесению приговора, неправильно по существу, выступает в данном случае как причина ошибки. Говорить в таких ситуациях о наличии нарушения, подпадающего только под признаки ч. 1 ст. 345 УПК, нельзя уже потому, что закон обязывает вышестоящие суды оценить в каждом конкретном деле, привело ли это нарушение к неправосудности приговора. В зависимости от этого оно и признается существенным.

Существенными процессуальными нарушениями в узком смысле слова, подпадающими под признаки ч. 1 ст. 345, являются и такие нарушения норм УПК, о которых в момент отмены приговора еще нельзя сказать, что они помешали суду правильно рассмотреть дело. Однако это должны быть такие нарушения, которые, по мнению вышестоящей судебной инстанции, могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора.

Таким образом, все случаи процессуальных нарушений в узком смысле, предусмотренных ч. 1 ст. 345 УПК, можно разделить по их объективной стороне на две группы. Первая группа нарушений всегда связана с реальными отрицательными последствиями для судебного исследования и судебного приговора. Эти последствия предусмотрены в качестве фактических процессуальных оснований отмены в ст. 343 и 344 УПК РСФСР. При нарушениях, которые могут быть отнесены ко второй группе, не исключено их потенциальное вредное влияние на качество судебного исследования и правильность решения. В связи с этим вполне реально ставится под сомнение правосудность приговора.

Это вытекает из текста ст. 343, 344 и ч. 1 ст. 345 УПК. В момент отмены приговора наличие у вышестоящего суда сомнений в его правильности из-за допущенных при рассмотрении дела нарушений является достаточным, чтобы признать нарушение существенным. А сомнительность выводов суда в приговоре представляет собой реальное последствие, находящееся в причинной связи с обнаруженными отступлениями от закона. Не имеет значения для оценки нарушения как существенного, что, несмотря на его исправление, при повторном рассмотрении дела суд может прийти к выводам, аналогичным первому приговору. Важно лишь, что в момент отмены обоснованность приговора представлялась сомнительной из-за допущенного нарушения. Сомнительность выводов суда как последствие процессуальных нарушений, подпадающих под признаки ч. 1 ст. 345 УПК, внешне всегда связана с тем, что какие-либо обстоятельства, существенные для дела, остались невыясненными или не учтены, т. е. и не признаны и не отвергнуты. Правильная оценка процессуальных нарушений в узком смысле как существенных (ч. 1, ст. 345) возможна поэтому во всех случаях лишь путем указания на то, что они повлекли

или могли повлечь такие ошибки в рассмотрении и разрешении дел, какие предусмотрены в ст. 344 УПК РСФСР.

При этом метод оценки существенности нарушений, предусмотренных ст. 343 и 344, с одной стороны, и ч. 1 ст. 345 — с другой, является одинаковым: вышестоящий суд определяет, связаны ли обнаруженные им нарушения с реальным отрицательным влиянием или опасностью такого влияния на решение суда.

Итак, существенными нарушениями уголовно-процессуального закона в узком смысле (ч. 1 ст. 345) могут быть признаны только такие, которые послужили причиной реальных или вероятных последствий, указанных в качестве оснований отмены приговора в ст. 343 и 344 УПК. При этом само нарушение с объективной стороны не охватывается признаками, указанными в этих двух нормах. Процессуальное нарушение в узком смысле слова (ч. 1 ст. 345) как действие, причинившее вредный результат, а реальные или возможные его последствия, как вызванные этим действием или вероятные явления (ст. 343 или 344 УПК), входят в объективную сторону правонарушения, когда оно не исчерпывается ошибками в собирании, проверке и оценке доказательств.

Для полной и правильной правовой оценки процессуальных нарушений в узком смысле слова их квалификация всегда должна производиться по совокупности ч. 1 ст. 345 со ст. 343 или 344 УПК (идеальная совокупность), поскольку существенными процессуальными нарушениями в узком смысле признаются лишь те, которые могли явиться причиной неправомерности (в том числе и сомнительности) приговора. Эти нарушения потому и рассматриваются как условные основания отмены (в отличие от безусловных в смысле ч. 2 ст. 345 УПК), что они ведут к аннулированию приговора лишь при условии, что вышестоящей судебной инстанцией установлена в конкретном деле их реальная или возможная связь с неправильностью решения по существу⁵¹.

⁵¹ Здесь не рассматривается вопрос о несущественных процессуальных нарушениях в узком смысле, хотя устранение таких нарушений имеет немаловажное значение для повышения культуры судебных процессов, совершенствования профессионального правосознания судей и их правоприменительной практики. Вопрос о несущественных процессуаль-

Квалификация существенных процессуальных нарушений, предусмотренных в ч. 1 ст. 345, с учетом их последствий еще и по ст. 343 и 344 УПК необходима для их отграничения от безусловных оснований отмены приговоров (ч. 2 ст. 345 УПК). Конечно, это не самоцель, а продиктовано задачей облегчить выявление и правильную оценку характера и тяжести допускаемых судами отступлений от требований закона.

В уголовно-процессуальной литературе предлагается считать признаком безусловных оснований отмены то, что они перечислены в ч. 2 ст. 345 и всегда влекут такое процессуальное последствие, как отмена приговора⁵².

Данное утверждение представляет собой логическую ошибку круга. Перечень, приведенный в ч. 2 ст. 345 УПК, — не причина признания нарушений безусловными основаниями отмены, а результат этого. Следствие процессуально-правовой оценки не может быть ее основанием.

Вместе с тем неоднократно указывалось, что сформулированный в ч. 2 ст. 345 УПК перечень нарушений не исчерпывает всех безусловных оснований отмены приговоров⁵³. Внесено немало предложений по совершенствованию данной нормы. Такая потребность объективно обосновывается судебной практикой. Подтверждается она и разным решением указанного вопроса в УПК союзных республик⁵⁴. Поэтому необходим

ных правонарушений должен исследоваться в целях обеспечения полной и объективной оценки деятельности судов. Необходимо максимально использовать механизм вынесения частных определений и внепроцессуальные способы привлечения судей к дисциплинарной ответственности в связи с выявлением в их практике несущественных процессуальных нарушений.

⁵² См., напр.: *Воскобитова Л. А.* Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основания к отмене приговоров. С. 144—174; *Калинкина Л. Д.* Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и их отграничение от несущественных: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1982. С. 14.

⁵³ См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2. С. 373; *Перлов И. Д.* Надзорное производство в уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1974. С. 161; *Потеружа И. И.* Роль суда второй инстанции в укреплении законности. Минск, 1980. С. 115 и след.; *Шпилев В. Н.* Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. С. 118 и след.

⁵⁴ В качестве таких нарушений в УПК РСФСР перечислены: прекращение дела судом при наличии установленных для

поиск путей наиболее эффективного правового регулирования, т. е. такого, которое обеспечивало бы лучшее достижение целей норм, формулирующих основания отмены (изменения) приговоров. К этим целям относится и адекватная оценка качества судебного разбирательства. Действующее регулирование недостаточно обеспечивает оценку тяжести различных процессуальных нарушений, относящихся к безусловным основаниям отмены приговоров.

Выше указывалось, что нарушения, перечисленные в качестве безусловных оснований отмены приговоров, представляют собой формальные составы правонарушений, поскольку вышестоящий суд не должен анализировать их связь с правильностью разрешения дела по существу.

Применение правосстановительных санкций на основе указанной нормы (в отличие от норм, регулирующих другие основания отмены приговоров) облегчается, так как перечисление в самом законе конкретных процессуальных нарушений, влекущих отмену приговоров, исключает возможность неправильной

этого оснований; незаконный состав суда; рассмотрение дела в отсутствие подсудимого или без участия защитника, когда по закону их участие обязательно; нарушение тайны совещания судей; неподписание приговора кем-либо из судей; отсутствие в деле протокола судебного заседания.

В уголовно-процессуальном законодательстве большинства союзных республик дан более широкий перечень безусловных оснований отмены приговора. УПК Украинской, Киргизской, Азербайджанской, Армянской, Литовской, Эстонской, Молдавской, Таджикской, Грузинской ССР к безусловным основаниям отмены приговоров относят, кроме того, отсутствие переводчика, если по закону его участие обязательно. Так же оценивается в ряде республик нарушение правил о языке, на котором ведется судопроизводство (Узбекская, Туркменская, Казахская ССР). В некоторых республиках в качестве безусловных оснований отмены приговора перечислены несоблюдение правил: об открытом судебном рассмотрении дела; непрерывности судебного разбирательства и неизменности состава суда; о предъявлении обвиняемому материалов законченного расследования; о предоставлении подсудимому как права на защитительную речь в случае отсутствия у него защитника, так и последнего слова (Украинская и Молдавская ССР); о вручении подсудимому копии обвинительного заключения (Киргизская и Эстонская ССР); о необходимости предъявления обвинения (Украинская ССР) и судебном разбирательстве дела лишь в отношении лиц, преданных суду (Узбекская ССР).

оценки этих нарушений вышестоящими судами как несущественных.

Особенностью правового регулирования безусловных оснований отмены является то, что законодатель формулирует общий запрет нарушать указанные в ч. 2 ст. 345 УПК правила судопроизводства, хотя такой запрет можно было бы вывести из других норм процессуального права, в том числе и из норм-принципов⁵⁵.

При анализе роли запретов в механизме правового регулирования подчеркивается, что подавляющее большинство запретов включено в содержание позитивно регулируемых обязанностей. Вместе с тем в теории права анализируется особая роль запретов: общие запреты и особенно конкретизирующие их запрещающие предписания важны для того, чтобы акцентировать внимание на недопустимости определенного поведения⁵⁶.

При наличии общего запрета суд должен «признать недозволенным все, что совершено без специального дозволения». Исключения из общего запрета возможны лишь при условии, что они специально указаны в законе. Расширительному толкованию эти исключения не подлежат⁵⁷. В уголовном судопроизводстве согласно действующему закону возможные отступления от запретов, сформулированных в ч. 2 ст. 345 УПК, также специально оговариваются (например, перечислены все случаи, когда дело может быть рассмотрено в отсутствие подсудимого). В большинстве же случаев вообще нет никаких исключений из тех требований, нарушения которых закон рассматривает как безусловные основания отмены приговора. Поэтому при обнаружении таких нарушений вышестоящие суды обязаны отменить приговор во всех без исключения случаях.

Анализ законодательства и судебной практики позволяет утверждать, что не только нарушения, перечисленные в ч. 2 ст. 345 УПК и соответствующих

⁵⁵ См.: *Лейст О. Э.* Санкции и ответственность по советскому праву: (Теоретические проблемы). М., 1981. С. 36, 38.

⁵⁶ См.: *Алексеев С. С.* Правовые запреты в структуре советского права // Правоведение. 1973. № 5. С. 46.

⁵⁷ *Юков М. К.* Дозволения и запреты в системе гражданского процессуального права // Сов. государство и право. 1982. № 2. С. 120.

статьях УПК других союзных республик, носят характер формальных составов правонарушений и фактически являются безусловными основаниями отмены приговоров. Вышестоящие суды при обнаружении ряда других нарушений также не связывают отмену приговоров с установлением последствий нарушения при рассмотрении конкретного дела и всегда признают эти нарушения существенными.

Таким образом, противозаконные приговоры, отменяемые ввиду существенных процессуальных нарушений «во всяком случае» вне связи с какими бы то ни было особенностями конкретного дела, распадаются на две группы в зависимости от того, указано ли приведшее к их отмене нарушение в ч. 2 ст. 345 УПК, или оно признается безусловным основанием отмены приговора исходя из содержания и толкования других норм и общих принципов уголовного процесса.

Вместе с тем изучение судебной практики свидетельствует о явных преимуществах закрепления безусловных оснований отмены приговоров в форме конкретизации содержащихся в различных нормах УПК РСФСР общих запретов через предписания ч. 2 ст. 345. Изучение уголовных дел, по которым приговоры были отменены из-за существенных процессуальных нарушений, всегда признаваемых основаниями для отмены приговоров, показало, что в судебной практике почти не встречаются: нарушение тайны совещания судей; рассмотрение дела в отсутствие подсудимого; неподписание приговора судьей или народными заседателями; отсутствие в деле протокола судебного заседания. Редко нарушается запрет вынесения приговора незаконным составом суда. Практически очень незначительны по количеству и такие случаи, когда дело рассматривается без защитника, если по закону его участие обязательно. Нарушения указанных выше запретов, перечисленных в ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР, единичны. Значительно чаще вышестоящие суды обнаруживают такие безусловные основания отмены приговоров, которые прямо не перечислены в ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР: например, нарушение принципа национального языка судопроизводства; непроведение по делу экспертизы, когда она в силу закона была обязательна; несвоевременное вручение обвиняемому копии обвинительного заключения (менее чем за три дня до начала судебного заседания); осуществление одним ад-

вокатом защиты двух либо более подсудимых, между интересами которых имелись противоречия. По данным наблюдений, в отдельных регионах на такие существенные процессуальные нарушения приходится до 40% всех случаев нарушений (включая и те, которые влекут отмену приговора, лишь если они, по мнению вышестоящего суда, помешали суду или могли помешать всесторонне разобраться дело и вынести законный и обоснованный приговор).

Приведенные данные судебной практики подтверждают следующее: при наличии в ч. 2 ст. 345 УПК, предусматривающей безусловные основания отмены приговоров, прямого указания на какой-либо запрет он соблюдается более тщательно, чем в тех случаях, когда запрет может быть выведен из обязывающих предписаний, внешне не имеющих запретительного характера, или сформулирован хотя бы и в форме прямого запрета, но в других нормах УПК, не посвященных специально основаниям отмены приговоров.

Выявление общих и конкретных запретов, не сформулированных прямо в предписаниях закона, связано с достаточно сложными процессами толкования права и потому хуже удается как судам, выносящим приговор, так и судам, проверяющим его законность и обоснованность. Запреты, сформулированные недостаточно четко, приводят к разному в судебной практике, требуют дополнительных разъяснений Пленума Верховного Суда Союза ССР и Пленумов Верховных судов союзных республик. Это следствие недостатков в форме правового регулирования.

Перечень безусловных оснований отмены приговоров положительно влияет на правосознание лиц, осуществляющих судопроизводство, поскольку они заранее знают, что отрицательная реакция вышестоящих судов на указанные в перечне нарушения (а именно отмена приговора при наличии оснований, названных в ч. 2 ст. 345 УПК) неизбежна. Это помогает судьям осознать ценность правовых норм, соблюдение которых столь строго охраняется.

Поэтому вряд ли можно согласиться с позицией тех авторов, которые отрицают необходимость выделения в законе специального перечня безусловных оснований отмены приговоров, полагая, что при наличии таких нарушений вопрос о необходимости отмены приговора должен каждый раз решаться по усмотрению выше-

стоящего суда⁵⁸. Отрицательно следует отнестись и к предложениям сократить перечень указанных нарушений в УПК всех союзных республик⁵⁹. Последнее тоже неизбежно расширяло бы сферу усмотрения судов при решении вопроса о том, являются ли допущенные нарушения процессуального регламента существенными и должны ли они повлечь отмену приговора. Это, как уже указано, создает дополнительные трудности в работе вышестоящих судебных инстанций, может быть связано с нарушением равенства прав граждан перед законом и судом, неизбежно повлекло бы разноречивые толкования уголовно-процессуальных норм.

Предложения о сокращении или даже полном устранении данного в законе перечня безусловных оснований отмены приговоров свидетельствуют о явной недооценке их максимально полной законодательной регламентации и противоречат тенденциям совершенствования советского законодательства. По мере его развития, как обоснованно отмечает М. С. Студеникина, должно происходить и происходит «известное сужение пределов усмотрения правоприменительных органов за счет замены оценочных категорий исчерпывающим регулированием», и, кроме того, «нужно стремиться избегать усмотрения», которое вызвано к жизни «такой негативной причиной, как несовершенство законодательства»⁶⁰. Это в полной мере относится к уголовно-процессуальному регулированию.

Высшие судебные органы СССР и союзных республик неоднократно указывали в своих руководящих разъяснениях на конкретные существенные процессуальные нарушения, прямо не обозначенные в законе в качестве безусловных оснований отмены приговоров,

⁵⁸ См.: *Мотовиловкер Я. О.* Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962. С. 258—261.

⁵⁹ См.: *Пашкевич П. Ф.* О существенных процессуальных нарушениях, влекущих отмену приговора // Проблемы совершенствования советского законодательства. Тр. ВНИИСЗ. М., 1981. Т. 20. С. 173—174. Критику такой точки зрения см.: *Грун А. Я.* Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора. М.: Юрид. лит., 1969. С. 50; *Перлов И. Д.* Надзорное производство в уголовном процессе. С. 159—162; *Богословская Л. А.* Основания к отмене или изменению приговоров. Харьков, 1981. С. 49—51.

⁶⁰ *Правоприменение в советском государстве.* М.: Юрид. лит., 1985. С. 46, 47.

хотя они должны во всех случаях приводить к такому последствию. Пока они не включены в перечень, данный в ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28 ноября 1980 г. «О практике применения судами законодательства при предании обвиняемого суду» указано, что «существенным нарушением закона следует считать проведение предварительного расследования по материалам, выделенным из другого дела в отдельное производство в отношении иного лица, по новому обвинению, без возбуждения уголовного дела»⁶¹. В тексте этого постановления необходимость направления уголовных дел на дополнительное расследование и, значит, отмены вынесенного по делу приговора не связывается с требованием проверять, повлияло или могло повлиять данное нарушение на качество исследования по делу и выводы органов судопроизводства. Таким образом, сформулирован запрет, который по существу подпадает под признаки ч. 2, а не ч. 1 ст. 345 УПК РСФСР, т. е. нарушение которого является безусловным основанием отмены приговора.

В постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 16 июня 1981 г. «О выполнении областными и соответствующими им судами законодательства, регламентирующего рассмотрение уголовных дел в кассационном порядке...» разъясняется, что, «поскольку в соответствии с ч. 4 ст. 237 УПК РСФСР рассмотрение дела в судебном заседании не может быть начато ранее трех суток с момента вручения подсудимому копии обвинительного заключения, несоблюдение судом требований этой нормы ... является существенным нарушением уголовно-процессуального закона»⁶². Таким образом, существенность данного нарушения также признана заранее, и оно не может быть оценено иначе вышестоящим судом, проверяющим законность и обоснованность приговора. Правда, в названном Постановлении Пленума Верховного суда РСФСР содержится противоречие, поскольку указывается, что несоблюдение правил о вручении обвиняемому копии обвинительного заключения за трое суток до начала судебного заседания является существенным нарушением

⁶¹ Бюл. Верхов. Суда СССР. 1981. № 1. С. 9.

⁶² Бюл. Верхов. Суда РСФСР. 1981. № 9. С. 5.

«в силу ч. 1 ст. 345 УПК»⁶³. Но если существенность этого нарушения не зависит от обстоятельств конкретного дела и определена заранее, значит, оно противоречит общему запрету. А такие нарушения предусмотрены ч. 2, а не ч. 1 ст. 345 УПК РСФСР.

В 1983 г. Пленумом Верховного Суда СССР было дополнено постановление от 17 декабря 1971 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке»⁶⁴. При этом Пленум Верховного Суда СССР указал, какие нарушения, кроме перечисленных в ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР, заранее признаются существенными по всем делам. К ним отнесены: непредъявление обвинения; невручение подсудимому копии обвинительного заключения; непроведение экспертизы, когда она по закону обязательна; отсутствие в деле постановления (определения) о предании суду; непредоставление подсудимому последнего слова и др.

Верховный суд РСФСР в постановлении от 17 апреля 1984 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением судами уголовно-процессуальных норм, регулирующих возвращение дел для дополнительного расследования»⁶⁵, также обращает внимание судов на то, что дело «во всех случаях» подлежит возвращению для производства дополнительного расследования (в том числе и из вышестоящих судов в связи с отменой приговоров) при наличии определенных существенных процессуальных нарушений. Названные Пленумом нарушения не указаны в ч. 2 ст. 345 УПК и представляют собой весьма серьезное дополнение к приведенному в этой норме перечню.

Важно, что в данном постановлении Пленума Верховного суда РСФСР признается, что и другие нарушения, помимо перечисленных, могут являться безусловно существенными, требующими возвращения дела на дополнительное расследование во всех случаях. Таким образом, постановление Пленума, исходя из смысла закона, дополняет перечень существенных процессуальных нарушений, влекущих безусловную отмену приговоров, и, более того, не исчерпывает всех запретов, нарушение которых в соответствии с другими уголовно-

⁶³ Там же.

⁶⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 декабря 1983 г. // Бюл. Верхов. Суда СССР. 1983. № 6. С. 14.

⁶⁵ Бюл. Верхов. суда РСФСР. 1984. № 7. С. 8—11.

процессуальными нормами должно признаваться такими.

Толкование безусловных оснований отмены приговоров, которое дается в приведенных постановлениях, явно созвучно с регламентацией указанных оснований в УПК тех союзных республик, где имеется их наиболее широкий перечень.

История развития уголовного судопроизводства в СССР также характеризуется тенденцией к расширению перечня существенных процессуальных нарушений, являющихся безусловными основаниями отмены приговора. Это связано с постоянным повышением требований к законности уголовно-процессуальной деятельности. Объективная закономерность такой тенденции и выражается в сложившейся судебной практике.

Внутренняя логичность, согласованность нормативных предписаний и их юридическая гарантированность являются признанными условиями эффективности правовых норм. В области регулирования оснований отмены приговоров обеспечение юридической гарантированности предписаний связано с максимально полным перечислением в законе всех безусловных оснований отмены. Это целесообразно также в целях экономии сил и средств в судопроизводстве.

Однако для решения данной задачи хотя бы в первом приближении должен быть определен критерий, позволяющий отличить существенные нарушения, представляющие собой безусловные основания отмены приговора, от всех других существенных нарушений.

В качестве содержательного признака, который мог бы служить таким критерием, в литературе предлагалось рассматривать то обстоятельство, что выявление безусловных оснований отмены всегда возможно без оценки собранной совокупности доказательств по существу⁶⁶. Однако это положение противоречит уголовно-процессуальному законодательству. Для его опровержения достаточно привести несколько конкретных примеров.

⁶⁶ См.: *Бажанов М. И.* Законность и обоснованность судебных актов в советском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. С. 10; *Моговиловкер Я. О.* Некоторые вопросы теории... С. 264; *Тавровский Б. М.* Указ. соч. С. 17; *Заболоцкий В. Г.* Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. С. 14.

УПК РСФСР содержит следующие правила: согласно ст. 77 одно только признание обвиняемым своей вины, без подтверждения его другими доказательствами, не может быть положено в основу обвинения; ч. 3 ст. 20 запрещает домогаться показаний обвиняемого и других лиц путем насилия, угроз и иных незаконных мер; ст. 79 определяет, какие факты должны устанавливаться на основании обязательного проведения экспертизы; ст. 301 предписывает суду основывать приговор лишь на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании, и мотивировать в приговоре свои решения. Все эти нормы относятся к области доказывания. Причем если нарушение ст. 79 об обязательном проведении экспертизы в ряде случаев может быть установлено без анализа других собранных по делу доказательств⁶⁷, то нарушения ст. 77, ч. 3 ст. 20, а также ст. 301 УПК, напротив, могут быть выявлены лишь на основе оценки доказательств по существу.

Между тем сформулированные в приведенных выше статьях УПК правила прямо запрещают определенные действия. Несоблюдение этих правил, действительно, во всех случаях влечет отмену приговоров. Признание процессуальной противоправности действий, нарушающих указанные нормы, изначально закреплено в УПК. Выполнение сформулированных требований не зависит от внутреннего убеждения лиц, применяющих процессуальный закон. Эти требования обязательны всегда, при рассмотрении любого дела. Причем не подлежит оценке, как повлияло их несоблюдение на результаты рассмотрения дела по существу. Именно это отличает приведенные нарушения от неполноты исследования и несоответствия выводов суда в приговоре фактическим обстоятельствам дела, предусмотренным в качестве оснований отмены в ст. 343 и 344, и от существенных нарушений в смысле ч. 1 ст. 345 УПК РСФСР.

Нарушение указанных правил доказывания всегда должно расцениваться как безусловное основание отмены приговора в смысле ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР, не-

⁶⁷ Нужно отметить, что непроведение экспертизы в случаях, когда это обязательно, по УПК Эстонской ССР (ст. 310) и УПК Литовской ССР (ст. 386) расценивается как существенное нарушение процессуального закона, относящееся к безусловным основаниям отмены.

зависимо от того, что установление таких нарушений связано с оценкой доказательств по существу⁶⁸.

Изложенное приводит к выводу, что признаки, позволяющие отграничить существенные процессуальные нарушения, которые выступают в качестве безусловных оснований отмены, от других процессуальных оснований отмены (ст. 343, 344 и ч. 1 ст. 345 УПК РСФСР), следует искать в различиях методов и форм процессуально-правового регулирования. Начать решение проблемы можно с выделения в механизме уголовно-процессуального регулирования предписаний запретительного характера. Кроме того, должен быть определен круг процессуальных норм, применение которых не связано с усмотрением органов судопроизводства и возможностью выбора различных вариантов решений, с оценкой целесообразности той или иной формы поведения в рамках предоставленных законом полномочий. Нарушения таких норм, как представляется, подпадают под признаки ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР при условии, что нарушение не может быть исправлено на том этапе производства, на котором оно обнаружено. Причем возможности по исправлению (компенсации) указанных нарушений связаны, безусловно, с особенностями задач отдельных стадий судопроизводства и существующим в силу закона разделением компетенции между его органами. Так, суд не может привлечь лицо в качестве обвиняемого или утвердить обвинительное заключение. Ничем, кроме повторного,

⁶⁸ Такое нарушение может касаться не всех обвиняемых, а лишь некоторых из предъявленных обвинений или эпизодов обвинения. При этом может отсутствовать возможность устранить последствия нарушения, поскольку утрачен доказательственный материал (уже нельзя собрать доказательства, подтверждающие признание обвиняемого, нельзя провести экспертизу, уничтожены вещественные доказательства). При таких условиях указанные нарушения могут повлечь изменение, а не отмену приговора. Однако подобное изменение в известном смысле может интерпретироваться как частичная отмена, так как полностью аннулируется признание ряда фактов. Такое же положение может сложиться при обнаружении некоторых других нарушений, которые рассматриваются сейчас как безусловные основания применения правосстановительных санкций. Имея в виду именно данные ситуации, законодатель формулирует единые основания как для отмены, так и для изменения приговоров. Поэтому и тяжесть нарушения может быть определена не по характеру правосстановительной санкции, а по основанию ее применения.

нового расследования, не может быть компенсировано проведение расследования лицом, подлежащим отводу, или вообще некомпетентным органом и т. д.

Исходя из особенностей механизма уголовно-процессуального регулирования, можно обозначить общую систему норм, нарушение которых должно расцениваться как безусловное основание отмены приговора в смысле ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР. Во-первых, к ним относятся все существующие в уголовно-процессуальном праве прямые запреты, адресованные органам судопроизводства. Таких предписаний в уголовно-процессуальном законодательстве немного. Но если правило сформулировано как запрет, уже этим признается его существенный характер и необходимость реагировать на его несоблюдение с помощью такой санкции, как отмена приговора. В дополнение к приведенным выше можно назвать в качестве примеров нормы, не допускающие рассмотрение судом дел в отношении лиц, не привлеченных в качестве обвиняемых, либо по обвинению, по которому лицо не было предано суду (ст. 254 УПК РСФСР), или запрещающие одному лицу быть защитником двух обвиняемых, если их интересы противоречивы (ст. 47 УПК РСФСР). В виде запретов фактически сформулированы некоторые общие положения уголовного судопроизводства, например положение об осуществлении правосудия только судом, правило о возбуждении дел частного обвинения только по жалобе потерпевшего и т. д.

Во-вторых, к безусловным основаниям отмены приговора необходимо относить нарушение обязывающих предписаний, которые не знают никаких исключений. Установление нарушений таких общеобязательных правил не связано с проверкой существа решения по делу. А выполнение возлагаемой законом юридической обязанности не зависит при этом от мнения, внутреннего убеждения правоприменителей, которые должны совершить соответствующие действия. Говоря о характере таких норм, нужно подчеркнуть два взаимосвязанных между собой момента: субъект, на которого возложено исполнение обязанности, не имеет права выбрать другой вариант поведения, кроме указанного в норме, а при проверке законности процессуальных действий установление нарушения в силу этой же причины приводит к аннулированию результатов деятельности. Требуется устранение этого нарушения и повто-

рение уголовного процесса с того этапа, на котором оно было допущено.

В виде таких предписаний сформулированы: а) некоторые общие принципы (неизменность состава суда, непрерывность рассмотрения дела, использование в судопроизводстве национального языка, коллегиальность и участие народных заседателей, публичное провозглашение приговора, обеспечение обязательного участия защитника и подсудимого и т. д.); б) правила о компетенции органов судопроизводства — подследственности и подсудности; в) нормы, которые определяют развитие уголовно-процессуальной деятельности по стадиям, формулируют требования к процессуальным актам, завершающим определенный обособленный этап судопроизводства и влекущим возникновение или изменение уголовно-процессуальных отношений (к таким нормам относятся правила об обязательности предварительного следствия, о предъявлении обвинения, о составлении и утверждении обвинительного заключения, о предоставлении обвиняемому для ознакомления всех материалов оконченого расследования, об обязательности предания суду и проведения распорядительного заседания, о вручении обвиняемому копии обвинительного заключения, о праве подсудимого на последнее слово, о вынесении приговора в условиях, обеспечивающих тайну совещания судей и исключающих постороннее воздействие на них, об оформлении и подписании приговора); г) нормы, обеспечивающие возможность проверки законности и обоснованности судебного приговора⁶⁹.

Перечисленные уголовно-процессуальные предписания отличаются от уполномочивающих правил, а также от обязывающих норм, применение которых связано с возможностью выбрать различные варианты решений и нарушения которых не могут быть призна-

⁶⁹ Кроме требования об обязательном наличии в деле протокола судебного заседания, к этому комплексу правил относятся и ряд положений, которые служат организации проверки приговоров в вышестоящих судах. Нарушения этих норм также должны рассматриваться как влекущие безусловную отмену вынесенного вопреки этим нарушениям судебного решения. Однако это уже безусловные основания отмены кассационных определений. См.: Морщакова Т. Г. Основания отмены кассационного определения: Комментарий судебной практики за 1979 год. М.: Юрид. лит., 1980. С. 110—115.

ны поэтому безусловными основаниями отмены приговора.

Таким образом, перечень безусловных оснований отмены приговоров в специальной норме закона, закрепляющей их, должен быть расширен с учетом такого критерия, как особенности механизма уголовно-процессуального регулирования. Практически на уровне логического и систематического толкования закона необходимо и возможно вычлениить из действующего уголовно-процессуального законодательства все нормы, нарушения которых должны войти в этот перечень.

Такой метод совершенствования законодательства основан на том, что в законе, как подчеркивает О. А. Гаврилов, всегда закреплены основополагающие для данной отрасли права общие нормы и принципы (аксиоматические положения), «с которыми должны быть согласованы все конкретные нормы». Последнее требует, чтобы были сформулированы «все нормативные предписания, которые следуют из данной системы аксиом и общих положений, однако прямо еще не выражены в тексте» закона⁷⁰. Если данное предложение и выглядит пока как характеризующее лишь будущие тенденции развития законодательства, то в судебной практике при определении круга безусловных оснований отмены приговоров оно уже теперь реализуется: вышестоящие суды последовательно и, значит, «безусловно» отменяют приговоры при обнаружении существенных процессуальных нарушений, не перечисленных в ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР и в соответствующих статьях УПК других союзных республик, но подпадающих под указанные выше признаки безусловных оснований отмены. Такая единая судебная практика не может не учитываться в процессе совершенствования законодательства. Во всяком случае, эта практика подтверждает и общую необходимость, и главные направления совершенствования законодательства о безусловных основаниях отмены приговоров⁷¹.

⁷⁰ См.: Правовая система социализма. Т. 1. Понятие, структура, социальные связи. М.: Юрид. лит., 1986. С. 353—354.

⁷¹ В целях совершенствования законодательства и уточнения процессуальных оснований отмены приговоров необходимо также рассмотреть давно высказанные в юридической литературе предложения по улучшению редакции и уточнению содержания ч. 2 ст. 345 (и соответствующих статей УПК других союзных республик), а именно: унифицировать перечень безусловных оснований отмены в законода-

Изложенное толкование безусловных оснований отмены (изменения) приговоров обеспечивает правильность оценки допускаемых судами ошибок. На основе такого толкования возможно последовательное разграничение различных видов существенных процессуальных нарушений в узком смысле.

При ином подходе остается лишь ограничиться утверждением, что по действующему закону в ч. 1 ст. 345 УПК не закреплен какой-либо определенный вид нарушений. Тогда эта норма имеет в виду любые нарушения (независимо от их особенностей), которые не подпадают под перечень, данный в ч. 2 указанной статьи, и под основания, предусмотренные в ст. 343 и 344 УПК РСФСР. Практически правило, сформулированное в ч. 1 ст. 345 УПК, при таком толковании сводится к утверждению, что вышестоящие судебные инстанции могут признать основанием отмены любое другое нарушение закона, которое могло повлиять на рассмотрение дела по существу. Однако это не позволяет сформулировать понятие нарушений, подпадающих под признаки ч. 1 ст. 345.

Последнее серьезно затрудняет оценку качества рассмотрения дел. При изучении судебной практики разными исследователями также вкладывается далеко не одинаковый смысл в понятие «существенные процессуальные нарушения». Поэтому данные о характере и удельном весе существенных процессуальных нарушений в узком смысле не поддаются единообразной интерпретации.

По материалам анализа, проведенного Г. А. Ерофеевым на основе обобщения опубликованной практи-

тельстве всех союзных республик (см.: *Потеружа И. И.* Указ. соч.; *Богословская Л. А.* Указ. соч.; и др.); исключить из п. 1 ч. 2 ст. 345 УПК уголовно-правовые основания отмены приговоров и изменить редакцию этого пункта (см.: *Галкин В. М.* Уголовно-правовые основания отмены (изменения) процессуальных решений. С. 151—152); включить нарушение правил об обязательном производстве экспертизы в безусловные основания отмены приговоров (см.: *Моршин В. А.* Односторонность или неполнота предварительного или судебного следствия как кассационное основание // Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1977. Вып. 57. С. 131—132); включить в УПК отдельные нормы, регулирующие безусловные основания отмены, связанные с нарушениями, допущенными в ходе расследования, с одной стороны, и в ходе судебного разбирательства — с другой. См.: *Перлов И. Д.* Указ. соч. С. 161.

ки Верховного Суда СССР и Верховного суда РСФСР, среди всех случаев существенных процессуальных нарушений в узком смысле, выявленных этими судами, квалифицированы как нарушения норм-принципов соответственно 54,9 и 36% и как нарушения общих положений — 29,3 и 18,6%. Анализируя практику Челябинского областного суда и исходя из деления существенных нарушений на условные и безусловные основания отмены, этот же автор указывает, что первые составляют от 75 до 84%, а вторые — от 16 до 24% среди всех дел с отменой приговоров на основании ст. 345 УПК РСФСР. Л. А. Воскобитова в процессе изучения дел с отменой приговоров ввиду существенных процессуальных нарушений приходит к выводу, что по ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР (безусловные основания отмены приговоров) отменяется 92,6% из них, причем отмечается, что 57,4% выявленных безусловных оснований отмены приговоров не перечислены в законе как таковые⁷². Противоречия между приведенными сведениями очевидны и объясняются различной позицией авторов по поводу того, можно ли считать безусловными основаниями отмены нарушения, не входящие в перечень, приведенный в ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР. Но, кроме того, в указанных цифрах вообще не находят отражения все нарушения, допущенные по одному делу. Учитывается только число дел, приговоры по которым были отменены на основании ст. 345 УПК РСФСР. Между тем процессуальные нарушения, на которые указано в данной статье, проявляют отношение судей к требованиям закона. Их причины, как правило, не связаны с незнанием уголовно-процессуального закона (незнание закона в большей степени может быть причиной неправильного применения уголовного закона). Уголовно-процессуальные нарушения в узком смысле чаще всего обусловлены неправильными представлениями судей относительно обязательности уголовно-процессуальных предписаний. Полный учет подобных нарушений необходим в целях объективной характеристики правосознания судей, отражающегося в качестве рассмотрения дела.

В заключение, исходя из всех приведенных выше

⁷² Ерофеев Г. А. Нарушения уголовно-процессуального закона как основания пересмотра приговоров; Воскобитова Л. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основания к отмене приговоров. С. 144 и след.

доводов, предлагается дать новую редакцию ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР, указав, что «приговор подлежит отмене во всяком случае, если: 1) судом при наличии оснований, предусмотренных п. 6—10 ст. 5 УПК, уголовное дело не было прекращено; 2) дело, подсудное вышестоящему суду, рассмотрено нижестоящим судом; 3) по делу проведено закрытое судебное разбирательство при отсутствии к тому законных оснований; 4) приговор вынесен незаконным составом суда; 5) при постановлении приговора нарушена тайна совещания судей; 6) приговор не подписан кем-либо из судей; 7) не проведена экспертиза, когда ее проведение по закону обязательно; 8) в деле отсутствует протокол судебного заседания». Необходимо также дополнить ст. 345 УПК РСФСР ч. 3 следующего содержания: «Кроме того, обвинительный приговор подлежит также отмене во всяком случае, если: 1) в ходе расследования были допущены нарушения, при обнаружении которых дело во всех случаях должно быть направлено для производства дополнительного расследования; 2) обвиняемому не вручена или несвоевременно вручена копия обвинительного заключения; 3) в деле отсутствует постановление или определение о предании суду либо лицо осуждено по обвинению, по которому оно не предано суду; 4) дело рассмотрено в отсутствие подсудимого, когда по закону его присутствие обязательно; 5) дело рассмотрено без участия защитника, когда по закону его участие обязательно; 6) подсудимому, не владеющему языком, на котором ведется судопроизводство, не было обеспечено право пользоваться услугами переводчика; 7) суд изменил обвинение на более тяжкое или на существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении; 8) подсудимому при отсутствии у него защитника не предоставлено слово для защитительной речи; 9) подсудимому не предоставлено последнее слово; 10) приговор судом не провозглашен».

* * *

Нечеткое разграничение оснований отмены приговоров мешает выявлению всех допущенных по делу нарушений. К сожалению, прямо в законе такая задача не сформулирована, хотя она и вытекает из целого

ряда общих положений. Полная и точная квалификация всех отступлений от требований закона обеспечивает действительную проверку дела в полном объеме, которая согласно ст. 332 УПК РСФСР обязательна для вышестоящих судебных инстанций. Без этого невозможна и правильная оценка качества рассмотрения дел.

В Постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 16 июня 1981 г. прямо сформулировано следующее правило: «Отменяя приговор по основаниям ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР, кассационная инстанция обязана указать в определении и на другие выявленные по делу нарушения ... поскольку в соответствии с требованиями ст. 332 УПК РСФСР дело проверяется в полном объеме»⁷³.

Практически речь идет, конечно, не только об обязанности указать на все обнаруженные существенные процессуальные нарушения в узком смысле. Это требование, безусловно, относится и к случаям, когда в деле обнаружены любые процессуальные нарушения, включая и фактические процессуальные основания отмены или изменения приговоров, т. е. неправильность выводов суда по существу.

Изучение судебной практики показывает, что по одному делу нередко обнаруживается одновременно несколько различных недостатков. Данные исследования оснований отмены приговоров в отношении 1595 лиц подтвердили это. Почти по каждому второму делу, где имели место существенные процессуальные нарушения в узком смысле слова, такие нарушения сочетались с фактическими процессуальными основаниями отмены. В среднем на один случай отмены приговора вышестоящими судами в отношении одного лица приходилось 1,7 процессуальных нарушений (включая неправильное применение и уголовно-процессуального, и уголовного закона). Вместе с тем вышестоящими судами в процессе проверки законности и обоснованности судебных приговоров далеко не всегда дается полная процессуальная квалификация всех допущенных судом по данному делу нарушений закона.

В определениях (постановлениях) вышестоящих судов должно указываться не одно, пусть само по себе и достаточное для отмены приговора, существенное на-

⁷³ Бюл. Верхов. суда РСФСР. 1981. № 9. С. 5.

рушение процессуального закона, а все обнаруженные отступления от него. Такое требование должно быть обязательным для всех случаев. Даже когда обнаружено несколько однотипных нарушений, относящихся к одному основанию отмены приговора, ссылка на общее основание отмены будет недостаточной, потому что не позволяет учесть все допущенные и обнаруженные отступления от требований закона. Должны быть указаны все нарушения, подпадающие под признаки одного основания отмены (изменения) приговора, и все основания отмены, даже когда они являются результатом одного нарушения и представляют собой идеальную совокупность.

Ни у кого не вызывает сомнений, что при отмене (изменении) приговоров ввиду неправильного применения уголовного закона, необходимо точно указывать, какой закон был неправильно применен, а какой не применен и какие нормы уголовного законодательства были истолкованы неверно. В отношении же точной характеристики отступлений от уголовно-процессуальных норм, приводящих к отмене судебных решений, это пока, к сожалению, не воспринимается с такой же несомненностью. Поэтому необходимо указать еще раз на негативные в процессуальном и организационном отношении последствия такой позиции.

Если вышестоящая судебная инстанция, выявив нарушение процессуального закона, достаточное для отмены приговора и требующее нового рассмотрения дела, отменяет приговор только по данному основанию, не обращая внимания на другие нарушения, то это противоречит ревизионному началу, действующему при пересмотре дел в кассационном и надзорном порядке. При таком положении не могут быть выполнены задачи, на достижение которых направлено требование закона о проверке всех материалов дела в полном объеме, а именно задача выявления всех недостатков расследования и судебного разбирательства. Между тем это необходимо, чтобы в дальнейшем не приходилось многократно возвращаться к рассмотрению одного и того же дела, чтобы после пересмотра дела вышестоящим судом могли быть устранены все ошибки, допущенные на предыдущих стадиях процесса. Надо учитывать возможность, например, такой ситуации. Допущенное в стадии судебного разбирательства существенное нарушение уголовно-процессуального закона

может быть достаточным для отмены приговора. Однако отмена по этому основанию с направлением дела на новое судебное рассмотрение будет неправильной, если в стадии расследования или предания суду имели место нарушения, которые требуют повторного возвращения дела на соответствующие более ранние этапы производства.

Если бы вышестоящие суды ограничились выявлением какого-либо одного существенного нарушения процессуального закона, достаточного для отмены приговора, и не анализировали бы все материалы дела, то невозможно было бы и выполнение требования об обязательном рассмотрении всех доводов, приведенных в жалобах и протестах на приговор. А это — обязанность вышестоящих судов⁷⁴.

Задача охраны прав граждан также не решается оптимально, если в ходе пересмотра приговора не выявляются все нарушения, допущенные по делу, если приходится обращаться к рассмотрению одного и того же дела в различных судебных инстанциях, обнаруживающих все новые основания для изменения состоявшихся по нему решений. Это подрывает и престиж органов правосудия.

Требование всесторонности, полноты и объективности исследования и соответствия выводов суда всем имеющимся материалам дела относится к судам любых судебных инстанций (конечно, с учетом установленных законом специфических форм их деятельности). Только всесторонний и полный анализ нарушений, допущенных при рассмотрении дела, может способствовать четкому процессуальному руководству, обеспечивающему единство судебной практики, правильную ориентацию судей и воспитательное воздействие на них касационной и надзорной практики. Нельзя забывать, что отмена и изменение приговоров выступают не только как способ исправления отдельной ошибки, но и как определенная процессуальная санкция по отношению к органам судопроизводства, допустившим какие-либо отступления от требований закона.

Из правосстановительного характера процессуальных санкций также вытекает необходимость выявления всех нарушений — в целях полного восстановления

⁷⁴ См. п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 17 декабря 1971 г. (Бюл. Верхов. Суда СССР. 1972. № 1. С. 7).

законного порядка и прав. После отмены приговора дело поступает на рассмотрение в другой состав суда или другой суд, который должен устранить все ранее допущенные по делу нарушения. А судьям, участвовавшим в вынесении первого, ошибочного приговора, необходимо указать на все их упущения, чтобы предупредить подобное в дальнейшем.

При этом результаты пересмотра приговоров являются процессуальной формой оценки качества работы судов, что находит отражение и в статистической отчетности, и в обобщениях судебной практики. Истинное представление о качестве правосудия в суде первой инстанции может быть получено, лишь если в ходе первого же пересмотра дела тщательно выявляются все отклонения от установленных законом требований к судопроизводству по уголовным делам. Иначе возможна неоднократная отмена (изменение) приговоров по одному и тому же делу, «постепенное» выявление различных недостатков судопроизводства и выводов суда в приговоре. Это может искусственно увеличивать число выявленных вышестоящим судом ошибок относительно всего количества дел, рассмотренных судами первой инстанции.

Наконец, такое положение существенно противоречило бы стремлению к быстрому разрешению дела по существу, без какой-либо волокиты, стремлению, характерному для процессуального законодательства и определяющему господствующий стиль работы в органах судопроизводства.

Требования к оценке качества судебного разбирательства, в том числе и к процессуально-правовой оценке допущенных нарушений, должны формировать правильное понимание закона и стимулировать достижение всех его целей.

Раздел второй

Статистические и социологические аспекты оценки качества судебного разбирательства

Глава третья

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКИ ДЛЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

1. Общие статистические показатели

Одна из целей судебной статистики по уголовным делам — статистическая характеристика качества работы судов первой инстанции, в том числе и качества судебного разбирательства. Однако существующая система судебной статистики ориентирована в большей степени на собирание в судах и обобщение по материалам уголовных дел информации, касающейся криминологических и уголовно-правовых вопросов. В теории судебной статистики указывается, что определенное отставание в ее развитии связано с недостаточно четкой разработкой признаков правовых явлений, которые относятся или должны относиться к объектам статистических наблюдений. Это, в свою очередь, производно от того, что «в судебной статистике нет четкого водораздела между задачами собственно статистики и задачами юридических наук»¹.

Теоретическую основу уголовно-правовой судебной статистики составляют уголовное право, криминология, уголовный процесс. Однако в уголовно-процессуальной науке почти нет специальных разработок, которые имели бы непосредственный выход на формирование и совершенствование статистических показателей. Последние в том виде, как они существуют, используются в теоретических исследованиях для анализа и иллюстра-

¹ *Баталина Т. С.* Некоторые методологические вопросы судебной статистики. Л., 1975. С. 5.

ции. Но это, конечно, не главная функция статистических обобщений. В области уголовного процесса они должны быть более приспособлены также для выявления на статистическом уровне качественных характеристик судебного разбирательства в судах первой инстанции, в том числе и для оценки наиболее существенных отклонений в этой деятельности².

Судебная статистика постоянно развивается. Это обусловлено развитием и совершенствованием законодательства, в том числе законодательства, определяющего функции и процедуру деятельности судов. Кроме того, совершенствуются правила фиксации статистических данных, расширяются возможности их обработки и анализа на основе внедрения вычислительной техники. В связи с этим закономерно постановка вопроса о совершенствовании статистического анализа в целях обеспечения всесторонней, глубокой и адекватной оценки работы судов. Однако было бы неправильно связывать возможности решения этой проблемы лишь с развитием официальной судебной статистики, с расширением статистической отчетности судов. Она, конечно, не может и не должна расширяться безгранично. Но и в рамках существующей статистической отчетности имеются еще достаточные резервы для того, чтобы сделать статистические измерения более содержательными. Реализация этих задач может быть обеспечена углублением статистического анализа, перегруппировкой имеющихся статистических данных с целью усиления интегративности обобщенных статистических показателей, применением методов статистического наблюдения при проведении обобщений судебной практики и т. д.

В качестве основных направлений совершенствования статистических наблюдений следует назвать: а) развитие системы статистических показателей; б) модификацию правил заполнения статистических документов; в) более полное использование документов первичного статистического учета; г) углубление анализа собираемых статистических сведений; д) сочетание, сопоставление статистической информации с результатами других форм изучения судебной практики.

² О значении судебной статистики для выявления количественной определенности качественного своеобразия правовых явлений. См.: Правовая статистика. М.: Юрид. лит., 1980. С. 14—17.

Чтобы совершенствовать оценку качества судебного разбирательства, необходимо решить, по каким параметрам должна оцениваться деятельность судов, как эти параметры представлены в имеющейся судебной статистике и какие из наиболее существенных моментов, характеризующих качество осуществления правосудия, представлены недостаточно полно и дифференцированно.

Ответ на указанные вопросы связан, во-первых, с необходимостью учитывать качественные признаки процессуальной деятельности и процессуальных решений и, во-вторых, с основными задачами статистических исследований. Последние, как справедливо отмечает Н. Н. Кондрашков, имеют всегда описательно-сравнительную, познавательную и практическую направленность. Связь всех названных задач статистических наблюдений вытекает из общего указания В. И. Ленина о том, что «надо сначала изучить наш собственный практический опыт и только на основании детального изучения соответственных фактов рекомендовать исправление ошибок, улучшение работы»³. Практическая направленность статистического анализа качества судебного разбирательства реализуется не только в том, что на его основе разрабатываются практические мероприятия по улучшению работы судов. Прикладное значение статистических показателей связано с их стимулирующим воздействием: те параметры судебного разбирательства, которые фиксируются в статистике, вызывают особое внимание судей.

Имея в виду задачи достаточно полного описания и содержательного анализа качества судебного разбирательства, а также повышения практической значимости показателей статистической отчетности, обратимся к характеристике существующей судебной статистики, к ее наиболее общим показателям и их дифференциации.

Система статистических показателей должна быть проанализирована с точки зрения того, насколько она обеспечивает оценку качества судебного разбирательства. Обычно такая задача решается на этапе составления программы статистического наблюдения. Естественно, она может быть поставлена и в целях его совершенствования.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 346.

Система показателей должна строиться таким образом, чтобы обеспечивалась возможность выведения общего показателя (или комплекса общих показателей) и его конкретизация через ряд частных показателей. Должны учитываться при этом внешние и внутренние статистические связи, от которых зависит величина и изменчивость общих показателей. Специально необходимо выделить факторы, которые влияют не на содержательную сторону явления, отражаемого в общих показателях, а на сами показатели непосредственно. Такое влияние влечет искажение показателей, не соответствующее реальному изменению изучаемых объектов наблюдения. В отношении качества судебного разбирательства наряду с факторами, от которых оно реально зависит, должны быть выделены моменты, оказывающие искажающее влияние на правильность отражения процессуальной деятельности судов первой инстанции в показателях, по которым она оценивается.

Общим статистическим показателем, характеризующим правильность разрешения дел по существу, соблюдение в судопроизводстве необходимой процессуальной формы и обеспечение прав граждан, является количество законных и обоснованных (и поэтому стабильных) приговоров или, напротив, количество незаконных и необоснованных приговоров. В судебной статистике имеются сведения об общем количестве приговоров, которые были незаконными и необоснованными. Последнее выявляется через статистические данные об отмене и изменении приговоров. В связи с задачей более полной и объективной оценки качества работы судов должна быть подвергнута изучению степень достаточности и необходимость дополнения имеющихся статистических данных и их анализа.

Рассмотрим сначала внешние статистические связи, объективно обуславливающие качество судебного разбирательства и поэтому влияющие на число отмененных и измененных приговоров. В отношении указанного показателя безусловно значима его статистическая зависимость от количества всех уголовных дел, рассмотренных судами первой инстанции, и количества работающих в этих судах судей. Поэтому необходимо определять степень распространенности случаев отмены и изменения приговоров по отношению ко всем делам, рассмотренным судами первой инстанции и закончившимся вынесением приговоров.

Существующие формы статистической отчетности фиксируют число лиц, дела которых были рассмотрены судами первой инстанции за определенный календарный период (квартал, полугодие, год). И также по лицам учитываются итоги кассационного и надзорного пересмотра дел: число лиц, в отношении которых принесены и рассмотрены кассационные жалобы и протесты (при этом выделяется число отмененных и измененных приговоров), и число лиц, в отношении которых удовлетворены надзорные протесты. Статистическая оценка судебного разбирательства не может основываться только на данных кассационной практики. Должны быть учтены также результаты надзорного производства. При этом для того, чтобы выявить всю совокупность незаконных и необоснованных приговоров судов первой инстанции, нужно учитывать, естественно, число отмененных и измененных решений в сумме.

Использование только данных о кассационном исправлении ошибок или только сведений об отмене приговоров не учитывает внутренние статистические связи при характеристике незаконных и необоснованных приговоров. Эти связи, значимые для такого показателя, как число незаконных и необоснованных приговоров, определяются существованием различных инстанций, выявляющих ошибочные решения судов.

Судебная статистика позволяет определить общее число лиц, в отношении которых приговоры были отменены и изменены в кассационном и надзорном порядке. Но чтобы выявить долю правильных и неправильных решений, необходимо сопоставить эти данные со сведениями о всех лицах, дела которых за тот же период рассмотрены судами первой инстанции.

Однако часть дел, рассмотренных в определенном календарном периоде надзорными инстанциями, прошла через суды первой инстанции в более ранние периоды. Поэтому, чтобы сопоставить все число отмененных и измененных приговоров с числом вынесенных, необходимо принять допущение, согласно которому можно все дела с удовлетворенными надзорными протестами считать делами, прошедшими в том же отчетном периоде и через суды первой инстанции⁴. Для выявления общих тенденций судебной практики такой анализ

⁴ См. новую Инструкцию по статистической отчетности органов, учреждений юстиции и судов, утвержденную 30 октября 1986 г. и введенную в действие с 1 января 1987 г. М.: МЮ

ошибок, исправленных вышестоящими судами, возможен и вполне пригоден. Однако он требует сопоставления статистических данных, фиксируемых, с одной стороны, в статистических отчетах судов первой инстанции и, с другой стороны, в статистических отчетах кассационных и надзорных инстанций. Кроме того, применение указанного анализа требует преодоления ряда отрицательных тенденций в методике анализа данных уголовно-правовой статистики. В методических рекомендациях, ориентированных на статистический анализ, проводимый в судах и органах юстиции до 1 января 1987 г., предлагалось отдельно изучать данные об отмене и изменении приговоров и не указывалось на необходимость использования общего показателя отмены и изменения. Также отдельно изучались результаты кассационного и надзорного пересмотра дел, причем в соотношении не со всеми вынесенными приговорами, а только в соотношении с теми, которые были обжалованы и опротестованы.

Практически при анализе указанных сведений определяют только процент отмены и изменения приговоров в кассационном порядке. Причем вычисляют его не от общего числа лиц, дела которых рассмотрены в судах первой инстанции, а лишь от числа тех, в отношении которых поданы кассационные жалобы и протесты.

Указанный показатель имеет значение, но не для определения качества судебного разбирательства, а для оценки обоснованности обжалования и опротестования.

Вместе с тем нужно иметь в виду, что в настоящее время статистика не позволяет сопоставить все количество лиц, по делам которых выявлены ошибки, допущенные судами первой инстанции, с количеством лиц, в отношении которых приговоры были обжалованы и опротестованы как в кассационном, так и в надзорном порядке. В статистических формах не фиксируется общее количество лиц, в отношении которых принесены надзорные протесты. Такие данные имеются лишь в отношении кассационного производства. А в статистических документах о пересмотре дел в порядке надзора учитывается только количество дел, по-

СССР, 1986. Практическая целесообразность такого подхода вызвана тем, что, по данным судебной статистики и по результатам социологических исследований, большая часть дел рассматривается надзорными инстанциями в срок до одного года с момента вынесения по ним приговоров.

ступивших с надзорными протестами, и количество лиц, в отношении которых протесты удовлетворены.

Таким образом, полный учет лиц, дела которых были рассмотрены в кассационном и надзорном порядке, отсутствует. Поэтому нельзя получить достаточные данные и о доле отмененных и измененных приговоров по отношению к числу лиц, дела которых пересматривались во всех инстанциях (кассационных и надзорных). Вследствие указанных трудностей чаще всего и используется такой показатель, как отмена и изменение приговоров в кассационном порядке (по лицам) от общего числа лиц, в отношении которых имело место кассационное опротестование и обжалование.

Неполнота этого показателя очевидна. Но, кроме того, при его использовании не учитывается число рассмотренных в судах дел.

Согласно этим статистическим данным работа судьи, который рассмотрел незначительное число дел и не имел обжалованных и опротестованных приговоров, может получить лучшую оценку, чем работа того судьи, который, рассмотрев большое количество дел, имел, например, один обжалованный приговор, который был отменен или изменен. Ясно, что реальная мера полезности работы судьи, как и качество судебного разбирательства под его председательством, не может быть измерена процентом отмены и изменения, выводимым от количества обжалованных и опротестованных приговоров. Кроме того, для анализа количественных данных об отмене и изменении приговоров у отдельных судей вообще некорректно выведение процентов от обжалованных и опротестованных приговоров: число таких приговоров в абсолютных цифрах измеряется единицами или десятками. Например, доля отмененных и измененных приговоров, равная 50%, может относиться к случаям отмены одного приговора из двух у судьи, рассмотревшего несколько десятков дел. Ясно, что относительные данные лишены информативного значения, но, кроме того, указанные статистические показатели оказывают отрицательное влияние на судебную деятельность.

Количественно высокий процент отмены и изменения при таком подходе не дает никакой содержательной характеристики качеству работы судьи, не отражает и большого объема его служебной нагрузки. Когда такой показатель используется, он может лишь ориен-

тировать судей на то, чтобы стремиться получить меньшее число дел для рассмотрения: меньше работать и, следовательно, меньше «рисковать». Использование указанного показателя приобретает особенно отрицательный смысл на фоне того, что реальная нагрузка судей по рассмотрению уголовных дел очень различна. Неравномерность имеет место и в распределении нагрузки у судей внутри одного суда, и в нагрузке судей различных регионов⁵. Поэтому при анализе качества работы по рассмотрению уголовных дел у отдельных судей или в отдельных судах необходимо определять долю незаконных и необоснованных приговоров от всех вынесенных, т. е. от всех рассмотренных ими дел.

Изложенные замечания касаются статистической обработки данных об отмененных и измененных приговорах, которая влияет на характеристику масштабов неправильного разрешения уголовных дел судами первой инстанции. Указанные сведения составляют как бы общий статистический фон для дальнейшего анализа качества оценки судебного разбирательства. Все остальные статистические показатели, которые могут быть использованы в этих целях, непосредственно зависят от общих данных, характеризующих отмену и изменение приговоров. Давая содержательную интерпретацию, обеспечивая фиксацию причин, видов и способов исправления всей суммы незаконных и необоснованных решений судов по уголовным делам, все другие показатели привязаны к общему. В связи с этим должны быть рассмотрены и максимально учтены (наряду со статистическими связями, влияющими на указанный общий показатель) факторы, относящиеся к сфере судебной политики и организации работы по оценке судебной деятельности. Они могут существенно влиять на общую совокупность выявленных незаконных и необоснованных приговоров и, следовательно, на объективную значимость показателя их отмены и изменения.

В практике оценки работы судов бытует мнение, согласно которому отмена приговора — основной по-

⁵ Дополнительный анализ данных об отмене и изменении приговоров в соотношении с реальной нагрузкой судей по рассмотрению уголовных дел уже предложен ранее. См.: *Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1980. С. 359.

казатель качества работы судьи. Однако это не отвечает реальному значению и соотношению отмены и изменения приговоров как способов исправления ошибок судов и не учитывает характера ошибочных решений, приводящих, с одной стороны, к их отмене, а с другой — к их изменению. Действительно, масштабы изменения приговоров значительно больше, чем масштабы их отмены. Но согласно уголовно-процессуальному закону основания отмены и изменения приговоров и, значит, существо ошибок, исправляемых с помощью таких способов, едины. Исследование относительной тяжести нарушений, исправляемых с помощью отмены и изменения приговоров, показало, что разница между ними незначительна. Если тяжесть ошибок при отмене приговоров принять за 1, то тяжесть ошибок при изменении приговоров составляет 0,77⁶. Но, кроме того, ошибки, выражающиеся в неполноте судебного исследования, несоответствии выводов суда обстоятельствам дела, нарушениях уголовно-процессуального закона, в неправильном применении уголовного закона и уголовного наказания и исправляемые путем изменения обвинительного приговора, всегда носят обвинительный характер, т. е. связаны с необоснованной суровостью приговоров. Отмена же приговора по уголовно-правовым основаниям, а в ряде случаев и по уголовно-процессуальным основаниям может свидетельствовать и о мягкости принятых судом решений. Эти ошибки не связаны с нарушением охраняемых законом прав граждан, привлекаемых к уголовной ответственности.

Из изложенного следует необходимость применять для оценки качества рассмотрения дел данные как об отмене, так и об изменении приговоров. Иное приводит к неправильной оценке качества судебного разбирательства, а также влечет за собой ряд отрицательных последствий в самой судебной деятельности.

Если для оценки работы используются данные об отмене приговоров, а изменение не учитывается, то это ведет к следующим аномалиям. Выше оценивается работа судом, который, несмотря на имеющиеся сомнения, не исключит, а оставит в обвинительном приговоре такие из эпизодов или отдельных составов пре-

⁶ Данные коэффициенты выведены на основе балльной оценки качества рассмотрения дел. Методика и результаты этого исследования изложены в четвертой главе.

ступных действий, предъявленных обвиняемому, которые недостаточно доказаны и не могут быть исследованы дополнительно. Ведь сужение обвинения может быть произведено судом вышестоящей инстанции и не потребует отмены приговора. Назначение чрезмерно сурового наказания также может быть исправлено в вышестоящем суде. Мягкость же наказания в приговоре должна повлечь его отмену, что всегда учитывается как отрицательный показатель работы суда первой инстанции.

Поэтому судья, ориентируясь на то, что отмена приговора будет рассматриваться как показатель низкого качества его работы, не заинтересован своевременно исключить из обвинения отдельные недоказанные факты, размер ущерба или необоснованное обвинение в совершении одного из вменяемых обвиняемому преступлений.

Судье, как ни парадоксально это звучит, «удобнее» также назначить более суровое наказание, чем принципиально и справедливо решать вопрос о выборе соразмерной и, может быть, поэтому более мягкой в конкретном случае меры наказания, чем по другим аналогичным делам.

В юридической литературе подчеркивается справедливость критики «таких явлений, как: вменение не вполне доказанных эпизодов обвинения, «квалификация с запасом», назначение излишне сурового наказания из-за опасения ... отмены приговора, что ухудшает показатели работы следователей и судов...»⁷.

Все это может обеспечить снижение процента отмены приговоров, хотя по существу оказывает отрицательное влияние на качество рассмотрения и разрешения дел в судах первой инстанции.

Далее очевидно, что процент отмены и изменения приговоров зависит не только от качества работы судов первой инстанции, но и от требовательности вышестоящих судов⁸ и правильности принимаемых ими решений. В определенной мере учет указанного обстоятельства на статистическом уровне возможен, если будут в ходе анализа статистики вноситься поправки в про-

⁷ См.: Темушкин О. П. Рец. на кн.: Стецовский Ю. И. Уголовно-процессуальная деятельность защитника. М.: Юрид. лит., 1982 // Сов. государство и право. 1983. № 2. С. 149.

⁸ См.: Стецовский Ю. И. Уголовно-процессуальная деятельность защитника. С. 111.

центы отмены и изменения на основе результатов надзорного пересмотра приговоров. По крайней мере, может быть выявлено число отмененных кассационных определений об отмене приговоров, и число отмененных надзорных определений и постановлений с оставлением в силе приговора.

Однако существует и другой аспект «влияния» кассационной и надзорной практики на показатели отмены и изменения приговоров. Работа судей вышестоящих судов оценивается тоже по показателю отмены и изменения ими приговоров народных судов. На судей вышестоящих инстанций по закону возложена обязанность оказывать помощь нижестоящим судам в правильном применении законодательства⁹. Результативность указанной помощи и оценивается по показателю отмены и изменения приговоров народных судов. Таким образом, на вышестоящие инстанции как бы возлагается ответственность за качество работы нижестоящих судов. Отсюда парадоксальное положение: если вышестоящая инстанция выявила много ошибок, которые повлекли отмену и изменение приговоров, значит, она в то же время плохо руководила нижестоящими судами. Чтобы можно было отчитаться о хороших результатах собственной работы, вышестоящие суды должны пореже отменять и изменять ошибочные приговоры, замалчивать судебные ошибки.

По материалам опроса судей вышестоящих судов и адвокатов, участвующих в рассмотрении дел в кассационных инстанциях (всего 527 опрошенных), о практике рассмотрения уголовных дел в кассационном порядке 57% опрошенных указали, что кассационные инстанции иногда не отменяют и не изменяют ошибочные приговоры, чтобы не испортить показатели качества работы судов. Такое мнение выразили 45% (из 267) опрошенных судей вышестоящих судов. Оно свидетельствует о том, что существующая система показателей оценки работы судов кассационной инстанции воспринимается многими членами этих судов как тормоз в деле исправления нарушений, обнаруженных при проверке законности и обоснованности приговоров¹⁰.

⁹ Ст. 33 и 45 Закона РСФСР о судостроительстве РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1981. № 28. С. 976.

¹⁰ В теоретических исследованиях, посвященных эффективности правоприменительной деятельности, справедливо подчеркивается, что качество правоприменительных решений

Между тем полное выявление судами кассационной инстанции всех незаконных и необоснованных приговоров объективно не свидетельствует о плохом руководстве нижестоящими судами, а является как раз процессуальной формой руководства судебной практикой. Оценка работы судов кассационной инстанции по показателям отмены и изменения приговоров нижестоящих судов не порождает у судов второй инстанции стремления к максимальному, своевременному, бескомпромиссному устранению ошибок.

Для правильной организации работы по выявлению и устранению нарушений закона при рассмотрении уголовных дел и для адекватного отражения качества судебного разбирательства в показателях отмены и изменения приговоров объективно необходимо, как указывает И. И. Мартинович, такое положение, при котором «члены кассационного суда не несут никакой ответственности за качество работы нижестоящих судов, и процент отмены приговоров не имеет для них ... никакого значения»¹¹. Тогда исключается «оставление кассационных жалоб и протестов без удовлетворения в целях сохранения высоких показателей стабильности приговоров»¹². Процессуальные способы реагирования на ошибки судов не будут заменяться внепроцессуальной критикой — направлением в народные суды писем с указанием на обнаруженные недостатки вместо отмены и изменения приговоров и вынесения в адрес народных судей частных определений. Число последних также фиксируется в статистике и может быть учтено при определении общего количества нарушений, допущенных судами первой инстанции.

зависит от заинтересованности правоприменителя в вынесении объективных решений. При этом В. В. Глазырин и В. И. Никитинский специально отмечают, что «нежелание ухудшения показателей, по которым оценивается деятельность... порождает порой стремление либо уклониться от применения права, либо принять заведомо неправильное решение» (Правоприменение в Советском государстве. М.: Юрид. лит., 1985. С. 100). С этих же позиций в литературе уже подвергалась критике оценка работы вышестоящих судов по показателю отмены и изменения приговоров, указывалось, что такой подход противоречит принципу независимости судей вышестоящих судов. См.: Бюл. Верхов. Суда СССР. 1969. № 4. С. 39; Сов. государство и право. 1982. № 2. С. 91.

¹¹ См.: Вестн. БГУ. Сер. III. 1983. № 1. С. 73.

¹² *Темушкин О. П.* Указ. соч. С. 149.

Такие формы реагирования на нарушения, как направление в суды писем с указанием в них допущенных ошибок, не способствуют строгому соблюдению закона в процессуальной деятельности. Искажаются и статистические показатели качества судебного разбирательства.

Поэтому странно, что в теоретических работах по уголовному процессу иногда высказывается одобрение внепроцессуальной реакции вышестоящих судов на ошибки и нарушения судов первой инстанции. Так, И. И. Потеружа отмечает, что тот заряд критики, который должен адресоваться народному суду по результатам кассационного рассмотрения дела, нередко содержится в особых письмах и что эти письма — хорошее средство воздействия на судей, по своей сути ничем не отличающееся, например, от частных определений¹³. Между тем указанные письма — внепроцессуальный документ, отсутствующий в материалах дела, не учитываемый ни в народных судах, ни в статистике. При таком подходе нельзя гарантировать объективность и принципиальность в оценке допускаемых нарушений, а также их полное отражение в статистических сведениях.

Изложенное свидетельствует о том, что без содержательного анализа условий, в которых протекает процессуальная деятельность, нельзя получить ее объективные статистические характеристики и правильно их интерпретировать. На эти условия активно воздействуют органы юстиции, в компетенцию которых входит среди других вопросов организационное руководство судами, включающее также организацию судебной статистики.

Формирование показателей, по которым должна оцениваться работа судов, — задача, подлежащая решению в ходе организационного руководства судами путем правильной ориентации органов юстиции, ведущих судебную статистику, и судей. В частности, органы юстиции должны реализовать принципиально важное для оценки работы судов положение о том, что качество деятельности судов различных инстанций необходимо оценивать по разным показателям¹⁴.

Для того чтобы показатели отмены и изменения

¹³ См.: Роль суда второй инстанции в укреплении законности. Минск, 1980. С. 189.

¹⁴ См.: Баталина Т. С. Указ. соч. С. 47.

приговоров полностью отражали общее количество нарушений, допускаемых в судах первой инстанции и обнаруженных вышестоящими судами, необходимо, в частности, чтобы указанные показатели использовались для оценки только качества судебного разбирательства. Оценка же работы вышестоящих судов должна производиться иначе: чем больше ошибок выявили и исправили они при рассмотрении дел, тем выше должна оцениваться их деятельность (хотя проценты отмены и изменения приговоров народных судов на какой-то период могут при этом увеличиться, а процент стабильности приговоров уменьшится)¹⁵.

Потребность в разном подходе к оценке работы судов первой и кассационной инстанций осознается судьями вышестоящих судов: 36% членов указанных судов (из 267 опрошенных по этому вопросу) одобряют изложенное выше предложение. Его реализация способствовала бы повышению оперативности в выявлении и исправлении ошибочных приговоров и уменьшению количества дел, по которым после кассационного рассмотрения приносятся надзорные протесты¹⁶.

Между тем теоретические разработки, касающиеся вопросов надзорного производства, подчас неверно ориентированы на достижение той же цели, а именно на уменьшение числа дел, проходящих через надзорные инстанции, совсем другими средствами.

В свое время предлагалось отменять и изменять приговоры в надзорном порядке лишь в том случае, если «допущены наиболее грубые ошибки»¹⁷, вопреки

¹⁵ О возможности и закономерности таких парадоксов при оценке качества работы правоохранительных органов см.: *Ларин А. М.* Повышение эффективности расследования // Сов. государство и право. 1972. № 3. С. 109—110; *Алексеев А. М., Доша А. Н.* Латентная преступность и эффективность правоохранительных органов // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1973. Вып. 19. С. 42; *Петрухин И. Л.* Правосудие и преступность // Проблемы государства и права на современном этапе (ИГПАН). М., 1974. Вып. 8. С. 153—160; и др.

¹⁶ На Пленуме Верховного Суда СССР 26—29 августа 1980 г. указывалось, что надзорные инстанции рассматривают большое число дел, прошедших кассационную проверку, так как в ходе этой проверки в ряде случаев не вскрываются недостатки, имевшие место в рассмотрении дел судами первой инстанции. См.: Бюл. Верхов. Суда СССР. 1980. № 5. С. 5—6; Соц. законность. 1980. № 12. С. 3.

¹⁷ *Маслов В. П.* Пересмотр уголовных дел в порядке судебного

тому, что закон предусматривает одинаковые основания отмены и изменения приговоров в кассационной и надзорной инстанциях. Было высказано мнение о необходимости предусмотреть в законе различные основания для кассационного и надзорного производства¹⁸. Указанные формы «борьбы» за уменьшение числа отменяемых и изменяемых приговоров справедливо подвергнуты критике, отвергнуты как направленные на искусственное оставление без изменения заведомо неправосудных приговоров¹⁹.

Однако такой подход к обеспечению стабильности приговоров, несмотря на его обоснованную критику и в теории, и в решениях Верховного Суда СССР по уголовным делам, иногда по-прежнему защищается и развивается отдельными авторами. Так, П. Ф. Пашкевич обратился с призывом к судебной надзорным инстанциям «не ломать» приговоры, вступившие в законную силу²⁰. Желанием искусственно уменьшить число исправляемых незаконных и необоснованных приговоров продиктованы предложения П. Ф. Пашкевича о том, чтобы сократить число судебных надзорных инстанций, в частности ликвидировать президиумы областных (и равных им) судов, исправляющие в порядке надзора до половины судебных ошибок; лишить председателей вышестоящих судов (и их заместителей) права на принесение протестов в порядке надзора (это примерно половина надзорных протестов); допускать рассмотрение дела в надзорном порядке только один раз²¹.

Вместо поиска путей максимального выявления ошибок автор размышляет над тем, «как защитить

го надзора в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1965. С. 47.

¹⁸ См.: *Басков В. И.* Деятельность прокурора по рассмотрению уголовных дел в порядке надзора. М.: Юрид. лит., 1975. С. 103 и след.; *Пашкевич П. Ф.* Проблемы процессуального обеспечения оперативности и быстроты судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1971. Вып. 14. С. 93.

¹⁹ См.: *Грун А. Я.* Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора. М.: Юрид. лит., 1969. С. 50; *Перлов И. Д.* Надзорное производство в уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1974. С. 146; *Темушкин О. П.* Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров. М.: Наука, 1978. С. 44.

²⁰ См.: *Пашкевич П. Ф.* Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1984. С. 151.

²¹ См.: Там же. С. 154.

приговор, вступивший в законную силу, от необоснованных жалоб». С этой целью предлагается: ограничить круг лиц, имеющих право подавать надзорные жалобы; установить лимиты жалоб, с которыми осужденный (оправданный) может обращаться в надзорные инстанции, ввести пошлину или залог, которые вносились бы жалобщиками в казну и обращались бы в доход государства в случае отклонения жалобы²².

Все эти предложения объединены одной общей идеей: искусственно затруднить рассмотрение жалоб в порядке надзора, уменьшить число надзорных протестов, добиться видимости сокращения судебных ошибок. Не говоря о том, что указанные предложения находятся в глубоком противоречии с демократическим, гуманистическим направлением развития советского правосудия, они с ног на голову ставят и решение вопроса о значении показателей его качества. Более важной, чем исправление незаконных решений судов, оказывается задача «не испортить» цифры в судебной статистике. Между тем последние теряют всякое значение, если не отражают подлинного состояния качества судебной работы.

Конечно, реальное влияние такого теоретического подхода на судебную практику измерить довольно трудно. Однако члены судов надзорных инстанций, опрошенные по поводу обоснованности отказов в истребовании дел в порядке надзора и принесении надзорных протестов (всего 267 опрошенных), отметили, что встречаются случаи, когда эти отказы не мотивированы: 41% опрошенных указали на недостаточную мотивированность отказов в истребовании дел и 25,8% признали, что встречаются необоснованные отказы в принесении протестов. Надо иметь в виду, что такие ответы требовали высокой самокритичности членов судов по отношению к собственной работе. В то же время, по мнению адвокатов, перед которыми были поставлены те же вопросы, необоснованность решений об отказе в истребовании дел и принесении надзорных протестов — явление отнюдь не редкое. На часто встречающуюся немотивированность отказов в истребовании дел в порядке надзора указали 89%, а на немотивированность отказов в принесении протестов — 80% из 250 опрошенных адвокатов. Кроме того, 66,8% адвока-

²² См.: Там же. С. 157.

тов, основываясь на своей практике, утверждали что в определениях (постановлениях) судов надзорной инстанции часто не анализируются или плохо анализируются приведенные в надзорных жалобах доводы.

Очевидно, решить проблему и сократить число надзорных жалоб и обращений граждан в надзорные инстанции можно только при более тщательном подходе к рассмотрению надзорных жалоб и протестов (не говоря, конечно, об улучшении качества работы судов первой и кассационной инстанций).

Каждая кассационная и надзорная инстанция должна стремиться к полному выявлению всех случаев вынесения незаконных и необоснованных приговоров. Поэтому положительным показателем работы кассационных инстанций должно быть минимальное количество не замеченных ею ошибок, попавших из-за этого в поле зрения надзорной инстанции. А деятельность каждой надзорной инстанции должна оцениваться, напротив, тем выше, чем больше незаконных и необоснованных решений она обнаружит. Тогда уменьшение случаев обращения с жалобами на приговор и другие решения судов в вышестоящие надзорные инстанции будет свидетельствовать о положительном развитии, об укреплении законности в судебной деятельности. Путем указанного изменения в подходе к оценке качества работы судов был бы создан стимул для действительного улучшения качества рассмотрения уголовных дел во всех судебных инстанциях. При этом существенно повысилось бы содержательное значение данных об отмене и изменении приговоров как показателей качества судебного разбирательства.

Необходимо рассмотреть еще один вопрос, связанный с оценкой качества судебного разбирательства и максимальным выявлением ошибочных решений по делам, которые не рассматривались в кассационном порядке. Как уже указывалось, доля приговоров, опротестованных и обжалованных в таком порядке, относительно невелика. Однако возложенные на вышестоящие суды задачи по изучению практики применения законодательства в нижестоящих судах и по оказанию последним практической помощи в его применении, как правило, требуют изучения членами вышестоящих судов и тех дел, которые не были объектом проверки кассационных инстанций.

В связи с этим следует подчеркнуть, что материалы

такого внепроцессуального изучения дел не могут быть непосредственно использованы для оценки качества работы судов первой инстанции. Это противоречило бы принципам законности и независимости судей, а также презумпции законной силы приговора. Изучение дел с необжалованными и неопротестованными в кассационном порядке приговорами в системе средств руководства судебной практикой должно быть способом, выявляющим основания для обращения членов вышестоящих судов с представлениями на предмет принесения надзорных протестов.

Строгое соблюдение такого подхода представляется особенно важным в связи с большими масштабами проводимой членами вышестоящих судов работы по изучению дел в народных судах. Опрос судей вышестоящих судов в отдельных регионах показал, что более 70% членов этих судов изучают в народных судах свыше половины дел с необжалованными и неопротестованными приговорами, а свыше 30% судей вышестоящих судов регулярно изучают от 80 до 100% таких дел.

Это обстоятельство должно быть учтено в ряду тех, которые могут способствовать максимальному выявлению и исправлению незаконных и необоснованных приговоров в предусмотренных законом процессуальных формах и, следовательно, полному отражению ошибочных решений в статистической отчетности.

Между тем нередко внепроцессуальное изучение дел, не прошедших через кассационные инстанции, завершается критикой качества процессуальной деятельности и решений судов первой инстанции в такой же внепроцессуальной форме. Применительно к случаям, когда при изучении дел обнаруживаются нарушения, требующие отмены и изменения приговоров, это недопустимо и снижает реальные размеры исправления незаконных и необоснованных приговоров.

Полное выявление ошибочных решений составляет исходную базу не только для определения доли незаконных и необжалованных приговоров среди всех вынесенных и среди всех пересматриваемых в вышестоящих судах. На них основываются и другие показатели, дающие общую характеристику качества работы судов первой инстанции.

Для выявления причин низкого качества судебного разбирательства безусловный интерес представляют

сведения о том, сколько судей среди всех председательствовавших по уголовным делам не имели отмененных и измененных приговоров. Данный показатель позволяет связать качество судебного разбирательства и причины ошибок в нем с профессиональной пригодностью, подготовленностью судьи и конкретными условиями работы. Например, возможна такая интерпретация указанного показателя. Если число судей, допустивших ошибки при сходных условиях работы, прежде всего при равной нагрузке, значительно меньше общего числа председательствовавших по уголовным делам, то, вероятнее всего, причины вынесения незаконных и необоснованных приговоров следует искать в характеристиках контингента судебных кадров. Если же работавших без отмены и изменения немного, то на качество рассмотрения дел, очевидно, существенно влияют общие условия деятельности судов. Особенный интерес представляет такой анализ за длительный период или в сравнении по различным регионам.

В судебной статистике, однако, учитывается только число судей, председательствовавших в первой инстанции по тем делам, которые поступили в кассационные инстанции, а также указывается, сколько среди них не имели отмены приговоров. К этому показателю относятся все критические замечания, которые изложены выше применительно к проценту отмены приговоров по результатам рассмотрения дел в кассационном порядке. Действительно, важно знать, сколько судей не имели ни отмены, ни изменения приговоров, притом по результатам как кассационной, так и надзорной проверки. Существенно также, какую часть составляют такие судьи среди судей первой инстанции.

Практически несложно расширить в этом направлении показатели судебной статистики, поскольку указанные сведения включены не в статистические таблицы, а лишь в примечания к статистическому отчету. Неполнота имеющихся данных по указанному вопросу лишает их смысла. Они теряют и такое качество, как содержательность, и такое качество, как достоверность. Нельзя оперировать сведениями, характеризующими лишь часть изучаемого явления.

Выше говорилось о том, что на статистические показатели могут отрицательно влиять внешние и внутренние статистические связи, если они специально не

учтены. Отсутствие статистической характеристики всех существенных признаков правового явления, которое подлежит статистическому изучению, не позволяет учитывать внутренние статистические связи и поэтому искажает содержание статистической информации.

Недостатки, выражающиеся в неполной фиксации необходимых признаков, не могут быть исправлены в ходе статистического анализа. Их можно восполнить, только корректируя программу статистического наблюдения. Такие дополнения должны быть внесены как минимум в документы первичного статистического учета. Тогда даже при отсутствии какого-либо показателя в обобщенной статистической отчетности необходимые сведения не утрачиваются и могут быть проанализированы на основе дополнительной обработки первичной статистической информации.

Имеющиеся документы первичного статистического учета по уголовным делам содержат больше показателей, чем формы обобщенных статистических отчетов. Это относится к первичным статистическим документам во всех судебных инстанциях: в первой, кассационной и надзорной. Такое положение вполне оправдано. В работах по правовой статистике указывается, что значение документов первичного учета не сводится к тому, что они служат основой для составления обобщенных статистических отчетов²³. Они, кроме того, играют важную роль в текущей работе справочно-информационного характера. Эту функцию документов первичного статистического учета необходимо максимально реализовать и в ходе статистических исследований. Любое обобщение судебной практики должно начинаться со сплошного статистического изучения показателей, содержащихся в этих документах и относящихся к теме обобщения. Таким способом мо-

²³ См.: Правовая статистика. С. 39. Здесь же рассматриваются все существующие формы первичных документов. Для оценки качества судебного разбирательства значение имеют следующие из них: статистическая карточка на подсудимого, фиксирующая среди других данных существо приговора и решения по делу, принятого в кассационной инстанции; учетно-статистическая карточка на уголовное дело в суде первой инстанции и учетно-статистические карточки на уголовное дело, рассмотренное в кассационном и надзорном порядке (С. 41—46, 54—56).

гут быть существенно дополнены статистические исследования, проводимые на базе официальной судебной статистики.

Функции по разработке типовых документов первичного статистического учета в судах выполняет Министерство юстиции СССР. И в этих документах могут быть учтены (и притом без ломки и перестройки государственной статистической отчетности) потребности более глубокой оценки качества работы судей по рассмотрению уголовных дел.

В работах по правовой статистике не рассматривается указанный способ совершенствования статистических наблюдений, хотя он может способствовать наиболее экономному устранению многих пробелов судебной статистики. Последнее особенно важно в части характеристики процессуальной деятельности судов, ибо, как уже отмечено выше, она находит наименее полное отражение в обобщенных данных уголовно-правовой статистики в отличие от уголовно-правовых и криминологических программ статистического наблюдения.

Чтобы было ясно, насколько использование документов первичного учета при отсутствии всех необходимых показателей в обобщенных статистических данных облегчает статистический анализ, достаточно указать следующее. Практически заполненный документ первичного учета аналогичен заполненной по материалам уголовного дела анкете, что сокращает самый трудоемкий этап в наблюдении — этап изучения дел. Поэтому при наличии таких документов они могут быть дополнительно обработаны в целях статистического анализа не выборочно, а в полном объеме. Для статистического анализа внутри отдельных регионов такая задача представляется достаточно просто выполнимой. Тогда сплошное статистическое наблюдение будет менее трудоемким, чем выборочное изучение судебной практики по тем же вопросам, проводимое на основе анализа материалов конкретных дел. Проведение статистического наблюдения на основе документов первичного учета в пределах деятельности одной кассационной или надзорной инстанции практически возможно и необходимо в ходе статистического анализа за каждый календарный период.

Прежде всего, указанный способ расширения статистических исследований должен быть применен в отношении комплекса общих показателей, связанных с вы-

явлением незаконности и необоснованности судебных приговоров.

Так, явный недостаток сведений о различных аспектах отмены и изменения приговоров в надзорном порядке может быть восполнен на основе такого документа первичного учета, как учетно-статистическая карточка на уголовное надзорное дело. Карточка заполняется отдельно в отношении каждого из осужденных или оправданных. Поэтому из нее можно, например, почерпнуть отсутствующие в обобщенных статистических отчетах сведения о количестве лиц, в отношении которых надзорные протесты были и отклонены, и удовлетворены, что позволяет выявить долю удовлетворенных протестов среди всех принесенных. Кроме того, в этом же документе содержатся сведения о конкретной статье Уголовного кодекса, по которой лицо привлечено к ответственности. Между тем в обобщенном виде эти данные имеются только в отношении кассационного производства и отсутствуют в статистических отчетах о работе надзорных инстанций. Поэтому из обобщенных статистических материалов невозможно вывести суммарные сведения о качестве судебного разбирательства относительно отдельных категорий дел по результатам их кассационного и надзорного пересмотра. Использование заполняемых в надзорной инстанции документов первичного учета может восполнить эти существенные пробелы. Обработка таких сведений позволяет выявлять на статистическом уровне, какие категории дел чаще выступают как объект одной лишь надзорной проверки без предварительного кассационного обжалования и, значит, по каким категориям уголовных дел ошибки судов первой инстанции не вызывают немедленного обжалования со стороны заинтересованных участников процесса. В то же время учет результатов рассмотрения надзорных протестов по делам об отдельных видах преступлений дает основание судить о том, какие дела вызывают у судов первой инстанции наибольшие трудности и поэтому требуют большего внимания при разбирательстве как в первой, так и во второй инстанции.

Надо иметь в виду, что сведения, содержащиеся в документах первичного учета, заполняемых в надзорных инстанциях, гораздо более доступны, чем материалы уголовных дел, хранящиеся в архивах судов первой инстанции. Из надзорных инстанций проще полу-

читать необходимые данные для статистического анализа относительно надзорного пересмотра приговоров по всему региону.

Для того чтобы получить необходимое дополнение такого общего показателя, как число судей, не имевших отмены и изменения приговоров в кассационном и надзорном порядке, также необходимо обратиться к документам первичного учета. Во-первых, потребуется обработать уже имеющиеся в статистической карточке на уголовное дело в кассационной инстанции сведения о судьбе, председательствовавшем по делу в первой инстанции, для случаев, когда в приговор по кассационным жалобам и протестам внесены изменения, поскольку обобщаются сейчас только данные об отмене. И во-вторых, надо дополнить аналогичными сведениями карточку на уголовное дело в надзорной инстанции.

Для дальнейшего углубления сведений о судьях, имевших и не имевших отмененные и измененные приговоры, необходимо выделить группы судей, у которых были отменены или изменены решения по одному, двум, трем и более делам. Это также было бы возможно путем указанной дополнительной обработки статистических карточек на уголовное дело в кассационной инстанции и путем расширения сведений, фиксируемых в аналогичном документе при рассмотрении уголовных дел в надзорном порядке. Такой подход позволил бы провести статистическое наблюдение для выявления группы судей, в работе которых ошибочные приговоры встречаются наиболее часто. На этой основе можно перейти к анализу причин и форм ошибочных решений судов.

Таким образом, комплекс общеориентирующих показателей, начиная с которых необходимо строить систему статистических оценок качества рассмотрения и разрешения уголовных дел, должен включать: а) сведения об общем количестве нарушений, выявленных всеми вышестоящими судами и повлекших отмену и изменение приговоров, а также вынесение частных определений; б) соотношение указанных данных с числом всех рассмотренных дел (по числу лиц, привлеченных к уголовной ответственности); в) долю отмененных и измененных приговоров от всех вынесенных по отдельным категориям дел; г) соотношение числа отмененных и измененных приговоров с числом обжалованных и опротестованных в кассационном и надзор-

ном порядке; д) относительное число судей, не имевших отмены и изменения приговоров, среди всех председательствовавших по уголовным делам; е) относительное число судей, имевших отмену и изменение по одному, двум, трем и более делам.

Такой анализ применительно к деятельности конкретных судей или конкретных судов должен дополняться сведениями о коэффициенте отмены и изменения приговоров в зависимости от реального объема работы по рассмотрению дел²⁴.

Конечно, статистика характеризует только массовые явления и не может обеспечить полный качественный анализ рассмотрения конкретного дела. Но статистическая информация в то же время поднимает знания об изучаемых явлениях на более высокий уровень в сравнении с тем, который дает исследование отдельных объектов. Поэтому представляется важным анализ всех показателей судебной статистики, отражающих качество судебного разбирательства.

2. Развитие общих статистических показателей

Развитие общих статистических показателей качества судебного разбирательства связано с выделением в существующей статистике конкретизирующих их данных и с потребностями дополнения статистических документов.

Проанализируем с этих позиций все моменты программы статистического наблюдения, содержащейся в судебной статистике по рассматриваемому вопросу.

1. Судебная статистика, безусловно, правильно ориентирована на учет необоснованных решений суда в отношении каждого лица, осужденного или оправданного по приговору. Однако при наличии нескольких обвинений в отношении одного лица в статистической отчетности фиксируются результаты рассмотрения судами лишь основного из предъявленных обвинений. Между тем важно иметь сведения и о качестве судебных решений, которые были приняты судом при рассмотрении каждого из нескольких обвинений, предъявленных одному лицу. Рассмотрение судом не одного, а нескольких обвинений в отношении какого-либо лица

²⁴ См.: Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Указ. соч.

свидетельствует о большей трудоемкости дела, тем более что различные в правовом смысле обвинения также могут существенно отличаться и с фактической стороны. Это должно учитываться при оценке работы судов на всех стадиях процесса. Если суд вынес незаконный и необоснованный приговор только по одному из предъявлявшихся и рассмотренных обвинений, то это меняет оценку работы суда, так как в определенной части приговор может быть оставлен в силе и аннулируется не полностью, значит, и ошибка суда имела меньший диапазон, была менее существенна, чем при отмене приговора в целом. Однако неверно вообще не учитывать объем и специфику этих частично ошибочных выводов суда по делу, тем более что случаи предъявления не одного, а нескольких обвинений встречаются нередко, и необоснованное осуждение по совокупности обвинений является иногда, как указывалось выше, результатом известной перестраховки со стороны органов судопроизводства с целью избежать в дальнейшем отмены приговора. Отсутствие полного учета рассматриваемых судом обвинений не позволяет оценить выполнение контрольных функций судов по отношению к органам расследования и установить все количество ошибочных решений суда.

В связи с задачей совершенствования оценки работы судов представляется необходимой дальнейшая дифференциация и конкретизация статистической информации, с тем чтобы качество работы суда учитывалось в отношении каждого обвинения.

Это будет отвечать реальному содержанию процессуальной деятельности, уголовно-правовому и уголовно-процессуальному значению рассмотрения совокупности обвинений. На фоне четких и строгих правил квалификации и рассмотрения обвинений по совокупности различных статей УК не обоснован, слишком условен, не полон статистический учет дел, если он проводится только по основному из имеющихся в деле различных обвинений.

Практически статистическая отчетность органов юстиции и судов предусматривает отдельный учет нескольких обвинений, рассмотренных в одном деле, но только для ситуаций соединения дел в суде: в случае соединения в одно производство нескольких дел результаты их рассмотрения указываются по каждому делу отдельно, так же как если бы соединения дел не

было. Между тем по смыслу процессуального закона соединение дел может иметь место при поступлении двух или более дел по разным обвинениям в отношении одного обвиняемого (ст. 26 УПК РСФСР). А это значит, что несколько обвинений в отношении одного лица могут учитываться и раздельно (по соединенным делам), и как одно дело в отношении одного обвиняемого (в случаях, когда в одном деле расследовались и были предъявлены обвиняемому несколько обвинений, а материалы расследования переданы в суд в едином производстве). Такой подход к учету в статистике нескольких обвинений, предъявленных одному лицу, представляется непоследовательным. Тем более что случаи рассмотрения нескольких обвинений изначально в одном деле встречаются гораздо чаще, чем случаи соединения дел уже после передачи их в суд. Кроме того, документы первичного статистического учета дают возможность фиксировать и анализировать всю сумму обвинений, предъявленных обвиняемому и составивших в дальнейшем предмет различных решений суда.

Во-первых, необходимо, чтобы фиксировались все случаи прекращения дела в стадии предания суду относительно любого из предъявленных обвинений. При этом должны быть выделены реабилитирующие и не-реабилитирующие основания прекращения дел. В существующих формах статистической отчетности учитываются вместе прекращение дел в распорядительных и в судебных заседаниях и вообще не выделена реабилитация обвиняемых. Кроме того, учитывается лишь полное прекращение дела, а прекращение дела по одному из обвинений (т. е. изменение обвинения в суде путем частичного прекращения дела) вообще не фиксируется. Вместе с тем важно установить число случаев, когда суд в стадии предания суду нашел обвинение необоснованным, хотя бы в его части.

Во-вторых, должны учитываться все ситуации, когда суд в приговоре отвергает любое из предъявленных обвинений, как более тяжкое, так и менее тяжкое.

Учет указанных моментов позволит определить все случаи реабилитации в судах первой инстанции по любому из предъявленных обвинений, т. е. не только тогда, когда суд выносит оправдательный приговор в целом. Кстати, это выявит реальные масштабы оправдания. Оправдание по одной из статей УК, по которым

предъявлено обвинение, — явление отнюдь не редкое. И фиксация этих данных позволит сохранить важную информацию о выполнении судом его контрольных функций путем реабилитации преданных суду лиц по части предъявленных обвинений.

В-третьих, важно обеспечить учет отмены приговоров с прекращением дела как в отношении основного, более тяжкого обвинения, так и в отношении менее тяжкого обвинения. Прекращение дела вышестоящим судом по одному из обвинений, в особенности по реабилитирующим основаниям, выявляет довольно серьезную ошибку в деятельности судов первой инстанции. Случаи реабилитации граждан по любому из предъявленных обвинений, ошибочно подтвержденных в приговоре, должны учитываться в полном объеме. В то же время ситуации частичной отмены и частичного прекращения дела необходимо отличать от полной отмены приговора с прекращением дела, даже если отмена касается основного из предъявленных обвинений.

В-четвертых, отмена приговоров с направлением дела на новое расследование или новое судебное рассмотрение лишь по одному из предъявленных обвинений тоже должна учитываться дифференцированно — в отношении основного и в отношении второстепенного обвинения. Существующая статистическая отчетность не отражает в этом плане реальную судебную практику. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О практике рассмотрения уголовных дел в кассационном порядке» от 17 декабря 1971 г. специально разъяснено, что «суд вправе отменить приговор с направлением дела на новое расследование или судебное рассмотрение в части одного или нескольких преступлений, получивших самостоятельную квалификацию по различным статьям закона, и оставить приговор в остальной части в отношении того же осужденного без изменения»²⁵. Отсутствие учета этих ситуаций, как и смешение их со случаями отмены всего приговора в целом с возвращением дела на новое рассмотрение, делает оценку работы судов неполной и неточной.

В-пятых, точно так же относительно всей совокупности обвинений должно учитываться и изменение приговоров.

Пока эти данные не включены в обобщенные пока-

²⁵ Бюл. Верхов. Суда СССР. 1972. № 1. С. 9.

затели судебной статистики, их анализ необходимо проводить с помощью обработки документов первичного учета.

В связи с этим рекомендации по ведению статистической отчетности не должны устанавливать одинаковые правила для заполнения обобщенных и первичных документов судебной статистики. Так, не должно относиться к ведению документов первичного статистического учета положение Инструкции по статистической отчетности органов юстиции и судов, согласно которому в отчете судов уголовные дела учитываются только по результатам рассмотрения более тяжкого из предъявленных обвинений. Поскольку первичные статистические документы заполняются на каждого подсудимого (осужденного, оправданного), то в них без каких-либо трудностей могут быть указаны все статьи УК, по которым лицо привлекается к уголовной ответственности. Это специально предусмотрено в статистической карточке на подсудимого, заполняемой в судах первой инстанции. Фиксация указанной информации не должна исключаться и в первичных документах, заполняемых вышестоящими судами. Форма указанных документов вполне позволяет сохранить полные сведения о всех обвинениях в отношении одного лица. Это необходимо на всех стадиях рассмотрения уголовного дела. Заполнение указанных документов при этом не затрудняется, а облегчается. Проще привести перечень всех статей УК, определяющих содержание обвинения, чем «взвешивать» его тяжесть, чтобы выбрать более тяжкое и фиксировать только его. Тем более что правила определения тяжести преступлений при наличии их совокупности, установленные в целях учета дел в статистических формах, не являются строго определенными: дело должно учитываться по статье, предусматривающей более строгое наказание, при равенстве предусмотренных законом санкций — по наиболее распространенному преступлению, а если одно из них относится к тяжким, то по этому последнему.

Ясно, что гораздо легче указать в первичном статистическом документе все статьи УК, по которым предъявлено обвинение. А выбор статьи, по которой учитывается уголовное дело в обобщенных статистических отчетах, должен осуществляться при составлении последних. Тогда важная для оценки работы судов информация не утрачивается, а сохраняется в докумен-

тах первичного учета. И сами эти документы будут по своему содержанию соответствовать материалам дела, иначе они не дают полную характеристику обвинения, а выполняют роль документа, условно кодирующего информацию, т. е. не фиксируют первичные сведения о деле в их чистом виде. Значение документов, используемых для сбора первичной фактической информации, заключается именно в том, что они адекватно отражают каждый конкретный объект изучения — в данном случае уголовное дело. А обобщение, кодирование, дополнительная обработка фиксируемых в первичных документах сведений являются уже следующей операцией при проведении наблюдения. Указанное разделение особенно важно в отношении документов, которые используются постоянно, для накопления текущей информации, а не для решения единовременных задач. Именно такой характер постоянно действующих форм носят документы первичного статистического учета.

2. Существенны для оценки качества судебного разбирательства сведения о характере процессуальных ошибок, допущенных судом первой инстанции при вынесении приговора и повлекших его отмену при пересмотре дела в вышестоящих судебных инстанциях. Ясно, что неполно, односторонне, необъективно проведенное судебное следствие, существенное нарушение процессуального закона или несоответствие выводов суда в приговоре установленным фактическим обстоятельствам дела имеют разные причины, отличаются по степени тяжести допущенной ошибки, могут требовать принятия различных мер для их исправления и для исключения таких промахов в будущем.

Между тем статистика содержит весьма ограниченные характеристики вынесенных вышестоящими судами решений об отмене приговоров, не вскрывает ее причины. Применительно к случаям отмены приговоров с направлением дела на дополнительное расследование не выделяются основания такого решения. В силу этого отсутствует возможность выявлять на статистическом уровне различные недостатки в судебной деятельности и изъяны в выполнении контрольной функции судов первой инстанции по отношению к органам расследования. Дело может быть направлено после отмены приговора на дополнительное расследование в силу существенного нарушения процессуального закона, допущенного органами расследования, например если

следствие было проведено при наличии неотмененного постановления о прекращении дела. Суд же первой инстанции не выполнил лишь свои контрольные задачи, не выявил нарушение, а в остальном предпринял все необходимое для вынесения обоснованного приговора, не допустив никаких ошибок в самом рассмотрении и разрешении дела. Вместе с тем отмена приговора и направление дела для дополнительного расследования могут иметь место, например, при наличии явной необоснованности самого приговора. Такое же последствие может повлечь и ошибочная правовая оценка деяния. Тогда дело направляется для дополнительного расследования ввиду необходимости применения закона о более тяжком преступлении. Это особые случаи необоснованной «мягкости» квалификации, которые могут представлять собой не только уголовно-правовые, но и уголовно-процессуальные ошибки, если выводы органов расследования и суда в отмененном приговоре относительно уголовно-правовой оценки деяния не соответствовали фактическим обстоятельствам дела, а последние требовали дополнительного уточнения. Ясно, что выявление степени тяжести ошибок в случаях направления дел на дополнительное расследование невозможно без учета оснований отмены приговоров.

В сведениях об отмене приговоров с прекращением производства выделена общая группа дел, по которым вышестоящий суд пришел к выводу об отсутствии события и состава преступления или о недоказанности совершения деяния подсудимым. Это, хотя бы в общих чертах, суммарно характеризует уголовно-процессуальные основания отмены приговоров, связанные с реабилитацией подсудимого. Но отмена приговора может повлечь и направление дела на новое рассмотрение. Статистика фиксирует некоторые основания такого решения, а именно: неправильное оправдание или прекращение дела, мягкость наказания и затем в одной графе — все другие основания. Указанная дифференциация оснований отмены дает лишь возможность вычленить некоторые из ситуаций, когда суд первой инстанции вынес неправильное решение, необоснованно улучшающее положение подсудимого. Некоторые, но далеко не все. Например, в графе об отмене приговора в связи с мягкостью наказания не учитываются факты отмены приговора ввиду непризнания осужденного осо-

бо опасным рецидивистом или ввиду назначения незаконно мягкого режима исправительно-трудовой колонии. Хотя однородность этих ситуаций по направленности ошибок в карательной практике с фактами отмены приговора из-за мягкости наказания не вызывает сомнений, они учитываются в графе об отмене приговоров «по другим основаниям».

В этой же дополнительной группе фиксируется отмена обвинительных приговоров ввиду неполноты судебного следствия, несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам и существенных нарушений уголовно-процессуального закона (в узком смысле).

Основания отмены приговоров, объединенные в статистической отчетности в указанную группу, очень разнородны. Кроме того, они гораздо чаще встречаются в судебной практике, чем мягкость наказания, неправильное прекращение дела и необоснованное оправдание. Группировка оснований отмены, данная в статистике, не учитывает объективно существующие внутренние статистические связи, характерные для причин неправильных решений судов первой инстанции. Вместе с тем специальный учет ошибочных приговоров, отражающих необоснованно мягкую позицию суда, как бы подчеркивает особую тяжесть, нетерпимость таких ошибок. Ошибки же обвинительного свойства, в действительности часто более тяжкие по своему существу, поскольку речь может идти о необоснованном осуждении невиновных, как бы «не интересуют» статистику. Последнее может порождать и у судей первой инстанции аналогичное отношение, не адекватное отрицательному социальному и процессуальному влиянию обвинительного уклона в судебном разбирательстве.

Таким образом, с помощью группировок, имеющих в судебной статистике, не могут быть выявлены на статистическом уровне ни характер, ни причины, ни соотношение различных видов ошибок даже в их делении на уголовно-правовые и процессуальные.

Поскольку требования, которым должна соответствовать уголовно-процессуальная деятельность судов, закреплены уголовно-процессуальным законодательством, то и оценку выполнения судами этих требований необходимо производить, как указывалось выше, по тем же критериям, указанным в самом законе. Группировка в статистической отчетности оснований отмены приговоров должна соответствовать закрепленной в за-

коне системе этих оснований. Следует дополнить имеющийся учет как в отношении ситуаций прекращения дела, так и в отношении направления дел для проведения дополнительного расследования либо нового судебного рассмотрения в суде первой инстанции.

3. В судебной статистике фиксируется ряд ошибок судов, исправляемых при пересмотре дел в кассационном и надзорном порядке путем внесения в приговоры различных изменений. Практически в существующих формах статистической отчетности изменение приговора рассматривается как способ исправления уголовно-правовых ошибок судов, выражающихся в неправильной квалификации и неправильном назначении наказания. В статистике учитываются исправляемые путем изменения приговора ошибки в квалификации преступления, влияющие на меру наказания, и фиксируется изменение меры наказания, ее снижение ввиду необоснованной суровости или незаконности.

Такая интерпретация изменения приговора не соответствует основаниям изменения, закрепленным в уголовно-процессуальном законе. Изменение так же, как и отмена приговора, может иметь место при обнаружении любого вида нарушений, входящих в систему оснований правосоставительных уголовно-процессуальных санкций.

Для того чтобы объем и характер неправильных решений судов, исправляемых путем внесения в приговоры изменений, был точно отражен в статистическом учете, требуется его модификация.

Во-первых, необходимо выделять такие изменения в квалификации деяния, которые связаны с изменением в вышестоящем суде фактической основы приговора. Практически в этих случаях ошибки, обнаруженные в приговоре, не являются неправильным применением уголовного закона. Здесь налицо признаки такого основания отмены, как несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела или невозможная неполнота исследования.

Во-вторых, сведения об изменении приговора должны отражать и фактическое изменение содержания обвинения без изменения квалификации, исключение отдельных эпизодов, получивших общую правовую оценку с остальными. Таким образом могут быть аннулированы довольно важные элементы обвинения, эпизоды, связанные с большим ущербом, причиненным пре-

ступлением, существенно меняющие, например, сумму гражданского иска, и т. д.

В-третьих, в статистике пока не фиксируется исключение отдельных пунктов статей УК, по которым преступление квалифицировано в приговоре. Ясно, что такое изменение может быть обусловлено и недостатками в установлении фактических обстоятельств, и ошибочной правовой оценкой фактов.

В-четвертых, для обозначения изменений, вносимых в наказание, в статистике используется понятие «снижение меры наказания». Однако снижением наказания не исчерпываются все виды вносимых в него изменений. Например, отмена или изменение дополнительных мер наказания, изменение обязанностей, возлагаемых на осужденных несовершеннолетних при отсрочке исполнения приговора, да и применение отсрочки вышестоящим судом не являются снижением наказания и не учитываются.

Чтобы иметь характеристику всей совокупности неправильных судебных решений в части наказания, необходимо вообще более широкий и дифференцированный подход к интерпретации того, что понимается под изменением наказания.

Должно быть учтено, что корректировка приговора в части наказания может вызываться и уголовно-правовыми, и уголовно-процессуальными ошибками.

Обоснование избираемой в пределах уголовно-правовой санкции меры наказания является одним из наиболее сложных вопросов. Поэтому важен полный статистический учет ошибок, допускаемых при выборе меры наказания. Необходимо ориентировать судей на то, что любая ошибка при назначении наказания учитывается при оценке работы, отражается на ее показателях. Это стимулировало бы еще более внимательное исследование в суде всех данных, влияющих на степень ответственности и характеризующих личность подсудимого, т. е. полноту и всесторонность судебного следствия в отношении обстоятельств, обосновывающих правильное назначение наказания. Статистические формы, фиксирующие ошибки, допущенные при вынесении приговоров судами первой инстанции, не позволяют установить, являлись ли ошибки в назначении наказания результатом неправильного или неполного установления фактических обстоятельств дела.

Статистика должна обеспечивать возможность очер-

тить весь круг уголовно-правовых ошибок при назначении наказания, влекущих изменение приговора, и ограничить их от уголовно-процессуальных нарушений, связанных с неправильным назначением наказания. Поэтому должны выделяться ситуации изменения наказания, вытекающие, с одной стороны, из неправильного установления фактических обстоятельств дела и, с другой — из неправильной правовой оценки деяния.

Первые представляют собой уголовно-процессуальные ошибки, заключающиеся в невозможности в ходе исследования обстоятельств, влияющих на назначение наказания, или несоответствии им выводов суда в приговоре.

В полном объеме необходимо учитывать все формы смягчения назначенного наказания, включая отсрочку его исполнения, замену реального лишения свободы условным осуждением, исключение дополнительных мер наказания и т. д.

В общем количестве измененных приговоров необходимо учитывать исключение из приговоров признания лица особо опасным рецидивистом и изменение осужденному вида исправительно-трудовой колонии — с более мягким режимом. Ошибки при признании лица особо опасным рецидивистом фактически являются однородными с ошибками в квалификации деяния, влекущими неправильное избрание меры наказания, а назначение неправильного вида режима может рассматриваться как элемент выбора меры наказания, не соответствующей закону, поскольку предпосылки для назначения вида режима довольно точно определены в законе²⁶.

Указанные сведения имеются и в документах первичного статистического учета, и в статистическом отчете о результатах рассмотрения дел в кассационной инстанции. Но они не включаются в ходе статистического анализа в общее число ошибочных решений судов о наказании.

Далее, необходим более глубокий анализ статистических сведений, характеризующих карательную практику. Первичные статистические документы, в частности статистическая карточка на подсудимого, фиксируют абсолютную величину снижения сроков лише-

²⁶ Ст. 23 Основ уголовного законодательства и ст. 14 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик.

ния свободы при кассационном пересмотре приговоров. Без анализа этого снижения нельзя судить о реальной тяжести ошибок при определении размера наказания в виде лишения свободы.

Изменение вида наказания, назначенного осужденному, часто происходит и без отмены или изменения приговора. В тех случаях, когда изменения в наказании влекут его смягчение в процессе исполнения назначенной судом меры, это может рассматриваться как адекватная реакция на происходящий процесс перевоспитания осужденного, основанная на определенных доказательствах его исправления и намерения не совершать других правонарушений. Однако после назначения наказания в процессе его исполнения может обнаружиться несоответствие назначенной меры поведению осужденного, на которое суд первой инстанции реагирует изменением вида наказания, ухудшающим положение осужденного. Такие случаи имеют место при рассмотрении судами представлений о замене исправительных работ лишением свободы, о замене отбывания наказания в исправительно-трудовой колонии тюремным заключением, о возвращении осужденного из исправительно-трудовой колонии-поселения в исправительно-трудовую колонию, о возвращении в места лишения свободы за нарушение режима лиц, осужденных условно с обязательным привлечением к труду. Практически такое же значение имеет отмена отсрочки исполнения приговора, которая может быть приравнена к замене условной меры наказания ее реальным исполнением.

Эти сведения учитываются в статистических отчетах судов первой инстанции, но не анализируются в целях оценки качества приговоров в части назначения наказания. Для характеристики всех случаев, когда суды назначают необоснованное наказание, эти данные необходимы. Они свидетельствуют, по крайней мере, о неудачах в карательной практике и в прогнозировании судом превентивной роли отдельных мер наказания²⁷. В связи с этим предложением можно со-

²⁷ Конечно, в таких ситуациях могут проявляться и недостатки в организации исполнения наказания, которые не могли быть учтены судом и не могут быть поставлены ему в вину как ошибки в назначении наказания. Поэтому, кроме общих данных об изменении наказания в процессе его исполнения и на их основе, необходимо дальнейшее, более глубокое изу-

слаться на опыт ряда судов, специально изучавших практику отсрочки исполнения наказания несовершеннолетним и ее отмены для оценки качества и совершенствования работы судов по применению этой меры. Надо отметить, что большая часть ошибочных решений судов, связанная с неправильным и корректируемым в процессе исполнения назначением наказания, вытекает из недостаточно глубокого судебного исследования фактических обстоятельств дела и личности подсудимого.

Анализируя данные судебной статистики об отмене и изменении приговоров, следует отметить, что они почти не отражают характер нарушений, допущенных судами первой инстанции и повлекших вынесение ошибочных приговоров. При существующем положении не может быть учтено и все количество нарушений, допущенных судами первой инстанции в ходе судебного разбирательства, даже по тем делам, которые рассматриваются вышестоящими судами.

Поэтому статистическое изучение качества судебного разбирательства, которое всегда должно начинаться с анализа обобщенной статистической информации, не может ограничиться этим.

Дополнение сведений о качестве судебного разбирательства должно обеспечиваться, во-первых, как уже указывалось, извлечением статистической информации из всех первичных статистических документов. Во-вторых, в документы первичного статистического учета, заполняемые в вышестоящих судах, должны вноситься сведения о всех основаниях отмены и изменения приговоров, обнаруженных в одном деле, т. е. о полной совокупности обнаруженных нарушений. Основой такого учета должна быть точная оценка («процессуальная квалификация») вышестоящими судами обнаруженных в деятельности судов первой инстанции отступлений от требований закона. При этом должны быть отмечены все допущенные в одном деле уголовно-процессуальные и уголовно-правовые ошибки. Конечно, при таком учете количество выявленных вышестоящими судами

чение факторов, влияющих на поведение лиц в процессе отбывания наказания. Это в свою очередь позволит выявить, с одной стороны, недостатки в деятельности судов, а с другой — укажет на упущения в организации исполнения наказаний.

нарушений будет превышать число отмененных и измененных приговоров. Однако существенно возрастет содержательность показателей, характеризующих качество судебного разбирательства. Можно будет сопоставить число отмененных и измененных приговоров со всей массой вскрытых при этом нарушений и их характером.

В-третьих, оценка качества судебного разбирательства связана с задачей максимального выявления ошибочных решений и по делам, которые не рассматривались в кассационных инстанциях. Как уже указывалось, доля приговоров, опротестованных и обжалованных в кассационном порядке, относительно невелика. Однако возложенные на вышестоящие суды задачи по изучению практики применения законодательства в нижестоящих судах и по оказанию последним практической помощи в его применении, как правило, требуют изучения членами вышестоящих судов тех дел, которые не были объектом проверки в кассационном порядке.

В связи с этим следует подчеркнуть, что материалы такого внепроцессуального изучения дел не могут быть непосредственно использованы для оценки качества судебного разбирательства.

4. Качество выполнения судами контрольных задач по отношению к деятельности органов судопроизводства на предыдущих стадиях процесса в значительной мере определяется на основе показателей отмены и изменения приговоров.

В частности, о качестве выполнения судами контрольных функций свидетельствуют данные, характеризующие отмену приговоров с направлением дел на дополнительное расследование, прекращение дел в вышестоящих судах по реабилитирующим основаниям, изменение приговоров в части квалификации преступления.

В то же время для наиболее полной оценки качества рассмотрения уголовных дел в статистической отчетности предусмотрены некоторые специальные характеристики выполнения судами первой инстанции контрольных задач.

К таким показателям относятся: а) число лиц, в отношении которых вынесены оправдательные приговоры, вступившие в законную силу; б) число лиц, дела которых переданы для производства дополнитель-

ного расследования из судов первой инстанции; в) число лиц, в отношении которых отменены определения судов первой инстанции о дополнительном расследовании; г) сведения о делах, прекращенных в распорядительных и судебных заседаниях судов первой инстанции; д) данные о количестве частных определений, вынесенных судами первой инстанции в связи с обнаруженными нарушениями законности в деятельности органов расследования; е) количество частных определений судов кассационной инстанции, адресованных органам расследования в связи с нарушениями законности в их деятельности; ж) число лиц, освобожденных из-под стражи в связи с прекращением дела в кассационной и надзорной инстанциях.

Однако необходимо дополнение и этих сведений.

В статистическом отчете о работе судов первой инстанции вообще не находят отражения случаи изменения обвинения в ходе судебного разбирательства. В различных исследованиях приводятся довольно разные данные об объеме указанной формы корректировки ошибок, допущенных органами расследования, по различным регионам и за разные отрезки времени. Между тем такие сведения на основе сплошного наблюдения, т. е. на статистическом уровне, можно получить из карточки на уголовное дело в суде первой инстанции и частично из карточки на подсудимого. Тогда возможен анализ всех случаев изменения обвинения по стадиям уголовного процесса: выявление соотношения между корректировкой обвинения в стадии предания суду и при вынесении приговора, а также при пересмотре дел в вышестоящих судах.

Сведения о возвращении дел для проведения дополнительного расследования также дифференцированы недостаточно: не выделяется принятие таких решений в стадии предания суду и в судебном разбирательстве, отсутствуют данные об основаниях возвращения дел для производства дополнительного расследования. Только на основе указанных сведений можно выделить случаи, в которых возвращение дела на доследование уже после начала судебного разбирательства было фактически запоздалым, например, если дело направляется на доследование из судебного разбирательства в связи с необходимостью устранения допущенного в период расследования существенного процессуального нарушения, а стадия предания суду была проведена

формально, что препятствовало своевременному выявлению нарушений.

Не выделяются основания возвращения дел для дополнительного расследования и из вышестоящих судов. Это также ограничивает статистические характеристики качества судебного разбирательства и недостатков в осуществлении судами контроля за деятельностью органов расследования.

Конечно, оценка качества судебного разбирательства не может строиться только на статистическом анализе. Окончательные выводы о качестве рассмотрения дел нельзя делать, руководствуясь одними статистическими данными²⁸. Но возможность использования статистических измерений создает в то же время значительные преимущества для изучения правовой действительности в области уголовного судопроизводства в отличие от большинства других сфер правоприменения²⁹. Эти преимущества необходимо максимально использовать. Поэтому статистический анализ должен быть ориентирован на то, чтобы давать достаточный абрис основных параметров качества судебного разбирательства. Исходя из этого, можно проводить дальнейшую работу по оценке судебной деятельности в ходе обобщений судебной практики и выборочных наблюдений с применением социологических методик измерения.

Глава четвертая

Использование данных социологических исследований для оценки качества судебного разбирательства

Социологические исследования в правовой науке переживают период становления и укрепления своих методологических позиций. Уже признана их ценность, осознана сложность и трудоемкость их использования. Центр тяжести переместился с освоения юристами общей методологии и методики социологических иссле-

²⁸ См.: Чувилев А. Нужна методика анализа статистических данных о следственной работе // Соц. законность. 1979. № 11. С. 43—44.

²⁹ См.: Гаврилов О. А. Математические методы и модели в социально-правовом исследовании. М.: Наука, 1980. С. 33.

дований на их конкретное приспособление к правовой науке. Изучение правовой сферы на основе социологических методов сбора и анализа эмпирической информации служит более глубокому обоснованию правовых взглядов и вместе с тем вносит свой вклад в развитие методик социологического анализа.

В области изучения судебной деятельности проведен целый ряд социологических исследований, которые ставили перед собой в качестве одной из целей измерение качества судебного разбирательства. В том числе с участием авторов данной работы изучались причины судебных ошибок (1967—1968 гг.), эффективность правосудия (1973—1974 гг.), условия работы судов (1973—1974 гг.), возможности измерения качества судебного разбирательства на основе шкалирования (1974—1975 гг.), общая и дополнительная потребность органов юстиции и судов в кадрах (1977 г.), пути совершенствования судопроизводства в свете Конституции СССР (1978 г.), система оценки качества работы судей в связи с подготовкой к очередным выборам в суды (1979 г.), практика обжалования судебных актов (1981 г.), оперативность судебного разбирательства по уголовным делам (в аспекте совершенствования института процессуальных сроков — 1982 г.), потребности и пути нормирования труда судей (1985 г.), причины односторонности и неполноты судебного следствия по уголовным делам (1986 г.).

Благодаря указанной серии исследований создан определенный банк эмпирической информации о деятельности судов, в том числе о качестве судебного разбирательства.

Следует выделить две особенности эмпирических исследований судебной деятельности. Во-первых, они проводятся на фоне судебной статистики. Отсюда особые требования к социологическому наблюдению, в ходе которого необходимо учитывать существующие статистические сведения. Последние позволяют получить ряд характеристик деятельности судов, которые могут быть исходной базой для определения объема выборочного изучения судебной деятельности и дают обоснование его достаточности. В то же время статистика содержит лишь самые общие сведения, которые должны быть конкретизированы в ходе социологического изучения судебной практики, чтобы результаты

сплошного статистического наблюдения можно было увязать с данными эмпирических исследований.

Во-вторых, информация о деятельности судов постоянно собирается и анализируется в судах и органах юстиции в ходе выполнения возложенных на них законом задач по изучению и обобщению судебной практики. Вряд ли можно назвать какую-либо другую сферу общественной жизни, где изучение практики, и в частности практики правоприменения, имело бы такую продолжительную историю, носило бы такой постоянный и планируемый характер, как в судах. Поэтому социологические исследования судебной деятельности имеют особую прикладную задачу — они должны способствовать отработке методик наблюдения, которые могли бы помочь совершенствованию работы по обобщению судебной практики, в частности составлению программ для обобщений и выявлению возможностей применения общих социологических методик. Организуя обобщения судебной практики с соблюдением требований, предъявляемых к социологическим исследованиям, можно было бы обеспечить и суды и органы юстиции постоянно собираемой достаточной информацией, необходимой для совершенствования деятельности судов. Практически при этом не потребовались бы какие-либо особые дополнительные усилия, тем более что обобщения судебной практики часто проводятся на основе единых программ и заданий, составляемых органами юстиции, и на эти органы, согласно Положению о Министерстве юстиции СССР, возложено проведение социологических исследований в области судебной деятельности.

Со своей стороны социологические исследования судебной практики, проводимые в научных целях, также имеют прикладное значение, поскольку они расширяют информационную базу для осуществления руководства в судебной системе.

1. Анкетный метод¹⁻²

Изучение качества судебного разбирательства на основе анкетирования — довольно распространенный способ. Он используется, с одной стороны, для фикса-

¹⁻² В данной работе не ставится цель проанализировать методические аспекты различных приемов сбора эмпирического материала, а имеется в виду лишь показать некоторые ре-

ции объективных данных, содержащихся в материалах уголовных дел, а с другой стороны, обеспечивает выявление субъективных позиций опрашиваемых по изучаемым вопросам. Анкетирование позволяет и соединить объективные сведения с оценочными данными.

При изучении судебной практики в отличие от других сфер деятельности нельзя ограничить анкетирование только целью получения оценок, т. е. субъективной информации. Обширная объективная информация содержится в материалах уголовных дел, сохраняется и доступна для изучения. Такое изучение позволяет получить сведения о качестве судебного разбирательства, не фиксируемые в статистической отчетности (ни в ее обобщенных формах, ни в документах первичного учета).

Рассмотрим некоторые результаты анкетирования по материалам уголовных дел и анкетных опросов, относящиеся к тем параметрам судебного разбирательства, которые, как указывалось выше, следует учитывать для оценки его качества.

1. *Осуществление судами контрольных функций по отношению к процессуальной деятельности на предыдущих этапах судопроизводства.* Недостатки в контрольной деятельности судов первой инстанции не могут быть в полной мере выявлены с помощью судебной статистики. Последняя позволяет определить объем и соотношение: правильного и неправильного направления дел для производства дополнительного расследования из судов первой инстанции; вынесения и отмены определений о прекращении дел и оправдательных приговоров; изменения обвинения на менее тяжкое в судах первой и вышестоящих инстанций; прекращения дел и направления их на дополнительное расследование в результате кассационного и надзорного пересмотра. Это еще не дает достаточного представления о том, какие именно недостатки расследования не выявляются и не исправляются судами первой инстанции. Характеристику таких недостатков и их масштабов дополнительно к статистике позволяет получить исследование оснований отмены и изменения приговоров.

По 1595 делам с отмененными приговорами были изучены случаи, когда основанием отмены послужила

зультаты их конкретного применения и значение для оценки качества судебного разбирательства.

неполнота предварительного и судебного следствия. Всего среди всех изученных дел по данному основанию было отменено 890 приговоров, что составляет 55%³. В сущности по всем этим делам неполнота исследования являлась прежде всего недостатком расследования, который не был исправлен в суде первой инстанции. Однако в ряде случаев неполнота исследования и не может быть восполнена в суде (из этого исходит закон, регламентируя основания возвращения дел для дополнительного расследования).

В связи с этим представлялось необходимым выделить дела, по которым суд не увидел и не сумел восполнить пробелы расследования, хотя это было возможно, и дела, по которым, напротив, устранение в суде неполноты расследования было невозможно. Последние составили 49,4%. Значит, практически по половине дел, в которых вышестоящие суды обнаружили пробелы в исследовании, суды первой инстанции должны были вместо вынесения обвинительного приговора принять решение о возвращении дела для производства дополнительного расследования. Однако они не обнаружили имевшиеся серьезные пробелы в исследовании и не оценили их как препятствующие вынесению приговора. Такое явное невыполнение судом первой инстанции его контрольных функций имело место в 27,5% всех изученных дел, т. е. более чем по каждому четвертому делу с отменой приговора.

В связи с этим представляет интерес сопоставление данных анкетного опроса судей о качестве предварительного расследования и о том, как часто убеждение в виновности обвиняемого складывается у судей после предания суду, но до судебного разбирательства. Рассмотрим прежде всего ответы тех народных судей, которые дают невысокую оценку качеству расследования и считают его плохим или посредственным. Такая критическая позиция по отношению к деятельности органов расследования по логике вещей должна была бы исключить присоединение судей к выводам расследования без их проверки в судебном заседании (не го-

³ По материалам ранее проведенного изучения отмененных приговоров отмена по этому основанию составляла 50,3%. Некоторое увеличение доли указанного основания отмены в последующие годы потребовало выявления причин этого явления по крайней мере на уровне процессуальной деятельности.

воря уже о том, что иное противоречит требованиям закона). Между тем, по данным опроса около 700 народных судей, 499 из них давали довольно низкую оценку качеству расследования, и в то же время почти 57% этих критически настроенных по отношению к уровню расследования судей ответили, что у них часто убеждение в виновности складывается на основе представленных следствием материалов, до их рассмотрения в суде, одновременно с признанием их достаточными для передачи дела в суд. Это, естественно, влияет на неполноту судебного следствия. Вместе с тем критическая оценка судьями уровня расследования позволяет предположить, что в судебном заседании нередко не устраняются и те недостатки расследования, которые очевидны для суда.

Неполнота судебного исследования на фоне полно проведенного расследования, собравшего достаточные данные для передачи дела в суд, практически может иметь место только в случае, когда приговор основывается на материалах расследования, не проверенных в судебном разбирательстве. Если же суд восполняет неполноту расследования или проходит мимо нее, в результате чего приговор отменяется с направлением дела для повторного рассмотрения в суде, то ему в большинстве случаев приходится, кроме собственных функций, брать на себя работу, которую должны были выполнить органы расследования. В принципе сама идея восполнения в суде пробелов расследования вытекает вовсе не из признания допустимости недостаточно активной деятельности следственных органов. Проверка и дополнение судом материалов расследования оправданы особыми условиями судебной деятельности. Последние обеспечивают суду возможность увидеть, вскрыть, правильно оценить то, что было недоступно, а не просто упущено в ходе расследования. Поэтому и необоснованное возвращение судами первой инстанции дел на дополнительное расследование нельзя однозначно интерпретировать как отрицательный показатель работы судов, во всяком случае, если необходимо дополнение материалов расследования. Выполняя эту последнюю задачу, суды реализуют заложенный в судопроизводстве запас надежности. Однако он рассчитан на выявление того, что не могло быть замечено ранее, а не на переложение функций органов расследования на суды. Не только пропущенные, не

замеченные судом, но и восполняемые им явные пробелы расследования могут отрицательно влиять на качество судебного разбирательства: необходимый доказательственный материал может оказаться утраченным, суд должен затратить на восстановление явных пробелов расследования не только свое время, но и время других участников процесса, вероятность правильного решения повышается, шансы полного раскрытия преступлений и адекватного наказания виновных падают, не говоря уже о воспитательном воздействии судопроизводства.

Изучение конкретных проявлений неполноты предварительного и судебного следствия убеждает в том, что отмена приговора по этому основанию часто была результатом явной неполноты расследования, дело направлялось на новое судебное рассмотрение. Из 890 случаев отмены приговора ввиду неполноты предварительного и судебного следствия 826 связано, кроме прочих недостатков, с неустановлением каких-либо элементов предмета доказывания.

В ходе расследования во всяком случае должны быть установлены такие элементы предмета доказывания, как время, место, способ, вина и мотивы совершения преступления. В то же время можно допустить, что полная характеристика личности обвиняемого, а также причин и условий, способствовавших совершению преступления, может отсутствовать при передаче дела в суд. Но и при указанном допущении до передачи материалов в суд по делам с неполнотой предварительного и судебного следствия в 668 случаях не были установлены элементы предмета доказывания, которые по закону должны быть указаны уже при предъявлении обвинения. Такие ситуации составляют 75%. Если принять их за 100%, то минимум 35% явных упущений органов расследования после отмены приговоров исправляли суды. На доследование было направлено только 65% (450) дел, в которых суды не выявили и не восполнили неполноту расследования. Остальные же возвращены на новое судебное рассмотрение, в ходе которого суд должен был исправить и свои, и «чужие» ошибки.

Для оценки выполнения судами первой инстанции их контрольных функций по отношению к органам расследования надо учитывать, что суды нередко не выявляют также существенные нарушения процессу-

ального закона, требующие начала нового рассмотрения дела после отмены приговора со стадии расследования. Доля таких случаев среди всех изученных дел с отменой приговора ввиду существенных процессуальных нарушений составила 36% (134 приговора из 372 отмененных по этому основанию), а среди отмененных по всем основаниям — 8,4%.

По результатам изучения приговоров, отмененных ввиду неполноты исследования и существенных нарушений процессуального закона, 36% ошибок было допущено только из-за того, что суды плохо проконтролировали качество и законность расследования, ибо должны были возвратить дело в досудебную стадию.

2. *Активность суда в ходе судебного разбирательства и оперативность судопроизводства.* Поскольку больше половины процессуальных оснований отмены составляет неполнота предварительного и судебного следствия, можно сделать вывод о недостаточной активности суда в судебном исследовании. Удельный вес данного основания отмены приговоров, как указывалось выше, не только не уменьшается, но, напротив, растет.

По данным исследований за ряд лет более чем в каждом втором уголовном деле из всех изученных дел с отмененными приговорами остается неустановленным что-либо из элементов предмета доказывания. В то же время сократилось примерно на 10% (с 37 до 27,6%) количество случаев неверной оценки собранных доказательств, приводящей к несоответствию выводов суда установленным фактическим обстоятельствам. Это свидетельствует о том, что активность суда в судебном исследовании не повышается (на фоне устойчивых данных, характеризующих долю дел, по которым не удается установить отдельные элементы предмета доказывания).

Отсутствие такой тенденции подтверждают и сведения об общем объеме действий по исследованию доказательств, от проведения которых суд неосновательно отказался в ходе судебного следствия. В случаях отмены приговоров ввиду неполноты и односторонности исследования в среднем на каждое дело (всего 613 дел) приходилось 1,4 не проведенного судом действия по исследованию доказательств. Как показывают результаты трех исследований, проведенных с интервалом в 10 лет, суды стали несколько чаще отказываться от необходимого допроса свидетелей (в 46% дел против

прежних 42), от проведения экспертизы (в 18% против 14), от истребования документов (в 9,4% против 8)⁴. По каждому двум делам отклоняются обоснованные ходатайства трех участников процесса. Таким образом, по делам с неполнотой исследования суды не используют самые распространенные виды доказательств. А случаи непривлечения доказательств, т. е. неправильного определения пределов исследования, в общей массе дел с приговорами, отмененными ввиду неполноты, составляют 69%. В большинстве случаев неполноту исследования нельзя объяснить ни сложным характером конкретного дела, ни неспособностью судей сделать правильные выводы о фактах.

Ошибки, выражающиеся в неполноте исследования, допускаемые при собирании доказательств, зависят от общих условий, в которых проходит судебное разбирательство. Это подтверждается некоторыми исследованиями, характеризующими организационные меры по собиранию доказательств в судах. Наряду со спецификой доказывания в каждом деле существуют общие проблемы и общие трудности в собирании судом доказательств, вытекающие из условий работы судов. Последние влияют на качество судебного разбирательства по всем делам, а не только по делам, где были обнаружены недостатки судебного исследования, приведшие к отмене приговоров.

Вот некоторые сведения, характеризующие организацию и проведение судебного исследования, полученные в ходе анкетного обобщения материалов уголовных дел (1982, 1983 гг.). Среднее число лиц, вызванных в суд по изученным делам, рассмотренным народными судами (всего 300 дел), составило 7 человек. Однако допрошена была в судебном заседании только половина вызванных лиц. Остальные не явились. При этом суды огласили показания почти половины неявившихся свидетелей и потерпевших. По каждому второму делу суд дополнительно вызвал свидетеля, не включенного в список подлежащих вызову согласно обвинительному заключению, или затребовал новые документы. Вместе с тем по списку, приложенному к обвинительному заключению, предлагалось вызвать в среднем на одного свидетеля больше, чем реально было

⁴ За 100% принимались дела с неполнотой предварительного и судебного следствия, вызванной недостаточно полным привлечением доказательств.

вызвано в судебное заседание. Свыше 90% дел в народных судах было рассмотрено менее чем за один рабочий день. Среднее время на рассмотрение одного дела в народном суде по результатам изучения материалов уголовных дел в 1982 г. и по данным опроса народных судей в 1985 г. (опрошено 260 народных судей по РСФСР) составило 1,6 рабочего дня. Причем в затраты на рассмотрение одного уголовного дела в 1985 г. включалось и то время, которое необходимо для предварительного изучения материалов дела, а также для проверки протокола судебного заседания. Само судебное разбирательство, по данным 1985 г., занимает в среднем в расчете на одно уголовное дело 7 ч. Даже при таком довольно быстром рассмотрении уголовных дел судьи, имеющие большой объем и других функций, могут справиться со своей нагрузкой, работая в среднем не менее 10,4 ч. в день.

Приведенные данные показывают, как невелики в большинстве случаев реальные возможности судов по активному самостоятельному собиранию доказательств и восполнению в судебном заседании неполноты предварительного расследования. Вместе с тем не может успокаивать и видимая быстрота в рассмотрении уголовных дел.

Во-первых, оперативность судебного разбирательства не может оцениваться вне связи с достижением всех задач судопроизводства. Поэтому должно быть обеспечено, чтобы его быстрота не была излишней и не превращалась в неоправданную поспешность, чтобы все участники процесса могли полностью реализовать свои права, а суд выполнил все поставленные перед ним задачи. С этой точки зрения одна только быстрота рассмотрения дела не может быть однозначно истолкована как показатель высокого качества судебного разбирательства.

Во-вторых, если оценивать оперативность в ее значении для охраны прав граждан, то важно, насколько быстро разрешено дело с момента передачи его в суд и до вступления в законную силу вынесенного судебного приговора. В материалах судебной статистики и результатах проверок организации работы судов, проводимых органами юстиции, отражаются сведения о том, какое количество дел рассмотрено судами в срок до одного и свыше одного месяца с момента поступления дела в суд, включая вынесение приговора. Но и

это далеко не определяет временные масштабы «обработки» дел в судах первой инстанции.

Анкетирование по материалам уголовных дел позволяет воспроизвести полную картину затрат времени на рассмотрение судами уголовных дел и сопоставить эти сведения с их оценкой судьями.

Сроки предания суду и начала судебного разбирательства, установленные в процессуальном законе, как правило, соблюдаются. По народным и областным судам РСФСР, где каждый из этих сроков равен 14 суткам, среднее время до предания суду составило 10,5 и до начала судебного разбирательства — 11 суток. Нарушение сроков предания суду и начала судебного разбирательства обнаружено соответственно по 20 и 11% изученных дел. Анкетный опрос судей народных и вышестоящих судов действительно подтвердил возможность для суда уложиться по ряду дел в меньшие, чем 14 суток, сроки предания суду и начала судебного разбирательства, а также целесообразность установления более длительных сроков для подготовки к судебному разбирательству наиболее сложных категорий дел (за это высказались 93,9% опрошенных).

Средний срок на рассмотрение одного уголовного дела в народных судах был указан выше (1,6 рабочего дня), а по областным судам РСФСР при рассмотрении ими дел по первой инстанции этот срок составил 4,2 рабочего дня.

Но основной массив времени в судебной деятельности по рассмотрению уголовных дел, который охватывает весь период от поступления дела в суд до вступления приговора в законную силу или направления дела в кассационную инстанцию, приходится, как ни парадоксально, не на судебное разбирательство и даже не на подготовку дела к слушанию. Большая часть времени тратится в судах на изготовление и вручение копий приговора, оформление протокола судебного заседания, рассмотрение замечаний на протокол, извещение участников процесса о принесенных на приговор жалобах и протестах и организацию направления дел в кассационную инстанцию.

Об этом следует говорить в связи с оценкой качества судебного разбирательства, в частности, по следующим причинам. Необходимо бороться с волокитой при рассмотрении дел в судах. Однако нередко такая борьба исходит из общего тезиса о том, что само су-

дебное разбирательство дел необоснованно и недопустимо затягивается. И выбираются неадекватные меры ускорения судебной процедуры. Утверждается, что в суде исследуются избыточные доказательства, и предлагается: вообще не проводить судебное следствие, если обвиняемый признает себя виновным; ограничить принцип непосредственности в судебном исследовании; как правило, не проводить экспертизу в суде; оглашать в суде показания неявившихся лиц; выборочно прослушивать сделанные в период расследования фонограммы показаний обвиняемых и т. д.⁵ Не говоря уже о явной антидемократической направленности таких предложений и их несоответствии тенденциям развития уголовно-процессуального законодательства, надо указать хотя бы на их полную практическую нецелесообразность.

В судебной деятельности не проявляется никаких тенденций к излишнему расширению судебного следствия. Напротив, вышестоящие суды требуют от судов первой инстанции все более активной работы по устранению пробелов расследования, истребованию и исследованию доказательств. А с точки зрения повышения оперативности судопроизводства по большей части дел реализация указанных предложений не могла бы дать и какой-либо значительной экономии во времени. На судебное разбирательство дел во всех судах первой инстанции в среднем уходит 2,9 рабочего дня. Много ли можно выиграть, «сэкономив» на судебном исследовании доказательств? Вместе с тем в судах есть резервы для подлинного, а не мнимого ускорения производства по уголовным делам и не ценою качества судебного разбирательства.

Как показывают материалы выборочного исследования, с момента провозглашения приговора до вручения копии приговора осужденному проходит 6,4 дня, хотя закон устанавливает для этого трехдневный срок; 14,6 суток (вместо трех дней) в среднем оформляется протокол судебного заседания; 14 дней уходит на рассмотрение замечаний, поданных участниками по

⁵ См.: Пашкевич П. Ф. Рациональное исследование и использование доказательств в уголовном судопроизводстве // Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1976. Вып. 5. С. 166 и след.; *Он же*. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1984. С. 78—79, 84, 87, 94—98, 102.

поводу содержания протокола судебного заседания; 11 дней составляет среднее время на извещение участников процесса о кассационных жалобах или протесте; почти 14 суток проходит после истечения срока кассационного обжалования до направления дела в кассационную инстанцию. Все это препятствует своевременному вступлению приговоров в законную силу в отношении виновных, не говоря уже об ущербе, который наносится /невиновным и вообще правам граждан⁶.

В среднем уголовное дело, по которому приносится кассационная жалоба или протест, находится в производстве суда первой инстанции почти 88 суток, а на изучение его материалов, предание обвиняемого суду, подготовку к судебному разбирательству и рассмотрение дела по существу с вынесением приговора уходит (в среднем по всем судам первой инстанции) только четвертая часть этого времени. Причем судебное разбирательство занимает лишь 3,2% всех временных затрат.

Нельзя утверждать, что время, в течение которого уголовное дело обрабатывается в суде после вынесения приговора, не влияет на оперативность судопроизводства. Даже по делам, где приговоры не были обжалованы и опротестованы, среднее время с момента вынесения приговора до обращения его к исполнению составляет более 24 суток, т. е. тоже больше, чем приходится на процессуальную деятельность до вынесения приговора. Не проще ли и, главное, не полезнее ли было бы решать вопросы экономии времени не за счет судебного исследования, а за счет организации работы в судах, причем организации процессуальной деятельности? Ведь в силу ряда организационных причин не соблюдаются установленные именно процессуальным законом сроки оформления протоколов судебных заседаний, вручения копий приговоров осужденным, обращения приговоров к исполнению. При осуществлении этих действий торопливость более уместна, чем в судебном разбирательстве⁷. Анализ активности суда в

⁶ Кстати, хождение по судам для получения копий судебных документов в результате отрывает граждан от производительного труда на большее время, чем их участие в судебном разбирательстве.

⁷ Конечно, и качество судебного разбирательства, и организация работы судов зависят от решения проблемы нормиро-

ходе судебного исследования и оперативности в судопроизводстве на основе анкетного наблюдения по материалам уголовных дел позволяет прийти к такому выводу.

3. *Основания отмены приговоров.* При рассмотрении оснований отмены приговоров подробно был аргументирован тезис о том, что в судебной практике к отмене приговора часто приводит не одно, а несколько оснований, обнаруженных одновременно в одном деле, и что различные основания отмены приговоров нередко причинно связаны между собой.

Последним обуславливается, что в решениях вышестоящих судов в качестве причины отмены приговоров также указывается несколько реально обнаруженных в деле оснований (хотя закон прямо не требует этого, и обязанность перечислять все основания отмены может быть выведена лишь из толкования ряда норм уголовно-процессуального законодательства).

Материалы анкетного изучения оснований отмены приговоров свидетельствуют в пользу такой практики, подтверждают распространенность указанных случаев. В среднем на каждый отмененный приговор в отношении одного лица по изученным делам приходилось 1,8 основания отмены. Причем нередко вместе обнаруживаются не только неполнота исследования и несоответствие выводов суда установленным обстоятельствам дела, но и сочетания указанных фактических процессуальных оснований с существенными процессуальными нарушениями в узком смысле и с уголовно-правовыми основаниями отмены и изменения приговоров. Более чем по каждому второму делу неполнота исследования сопутствует несоответствию выводов суда фактическим обстоятельствам. В 70% дел, по которым вышестоящие суды выявили существенные нарушения процессуального закона в узком смысле, приговор был в то же время основан на неполно проведенном исследовании. Практически в этом как раз отражается то, что по закону существенными процессуальными нару-

вания труда в судах. По данным ряда исследований, существующая нагрузка в судах превышает нормальную (в отдельных регионах по результатам опроса судей в 1985 г. более чем на 80%). См. об этом также: *Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1979. С. 357.

шениями (согласно ч. 1 ст. 345 УПК РСФСР) признаются такие, которые помешали суду всесторонне разобрать дело или повлияли на вынесение законного и обоснованного приговора. Анкетный материал показывает, что нарушения процессуального закона в суде почти в 90% дел связаны с таким последствием, как неполнота и односторонность исследования. Значит, указание вышестоящего суда на существенность допущенного нарушения в подавляющем большинстве случаев мотивируется тем, что оно реально повлекло неполноту судебного следствия.

С этим согласуется и вывод об относительной распространенности существенных процессуальных нарушений, являющихся безусловными основаниями отмены приговоров. Безусловные основания, влекущие отмену приговора независимо от установления их реальных последствий, значительно реже встречаются в судебной практике, чем условные (последние действительно сочетаются, как показывают приведенные выше данные, с неполнотой исследования). По результатам анализа 367 дел с отменой приговора ввиду существенных процессуальных нарушений более 80% нарушений относятся к тем, которые не перечислены в ч. 2 ст. 345 как безусловные основания отмены. Однако анализ существа этих нарушений обнаруживает в то же время, что больше половины из них реально влекут отмену приговора во всех случаях, независимо от установления их влияния на рассмотрение дела по существу, т. е. являются в действительности безусловными основаниями для отмены приговора.

Уже из приведенных данных видно, что анализ существа нарушений, послуживших основаниями к отмене и изменению приговоров, всегда необходим для правильной оценки качества судебного разбирательства.

4. *Отражение основных характеристик судебного разбирательства в документах первичного учета.* Проведенные исследования, построенные на анкетном наблюдении по материалам уголовных дел, и анкетирование судей приводят также к следующему выводу. Недостаточно оценивать качество судебного разбирательства только по нарушениям, приведшим к отмене приговора. Требуется более широкий спектр характеристик судебного разбирательства, который позволял бы оценить стиль работы суда, подлинное отношение су-

дей к соблюдению требований закона⁸, к обеспечению прав участников процесса, а также взаимоотношения суда и сторон. Это важно выяснять и по тем делам, где судебный приговор не был отменен или изменен⁹.

Такой анализ качества судебного разбирательства во всяком случае необходим по делам, прошедшим после вынесения по ним приговора через вышестоящие судебные инстанции. Их решение создает объективную основу для подобного изучения. Сейчас практически вообще не используется для оценки качества судебного разбирательства, да и не фиксируется какая-либо информация о качестве рассмотрения дел, по которым вышестоящие суды не нашли оснований для аннулирования или корректировки судебных решений. Между тем решению об оставлении приговора без изменений предшествует такая же серьезная и большая работа по изучению дел, как и при отмене или изменении приговоров. Для этих случаев также необходима специальная программа наблюдения. В принципе представляется необходимым иметь в вышестоящем суде и специальные формы документов (анкет) для фиксации результатов изучения материалов дела. Это облегчало бы как само изучение, так и обоснование решений вышестоящего суда по результатам рассмотрения дела, а также обеспечивало бы лучшую организацию аналитической работы в вышестоящих судах, осуществляемую в целях руководства судебной практикой. Выделение в таком документе всех моментов, по которым должно оцениваться качество судебного разбирательства, помогло бы преодолеть недостатки в указанной

⁸ Надо отметить, что в литературе по деловой оценке кадров также подчеркивается недостаточность анализа качества работы только по ошибочным результатам. См., напр.: Оценка работников аппарата управления/Под ред. Г. Х. Попова. М., 1976. С. 57—60.

⁹ По данным анкетного опроса известно, что судьи далеко не всегда правильно понимают и точно соблюдают даже некоторые общие требования процессуального закона, хотя это может и не привести к отмене приговора. Показательны в этом смысле, например, признания некоторых судей в том, что их убеждение по делу складывается иногда и до судебного разбирательства, что они не будут реагировать на утверждение защитника о виновности подсудимого, противоречащее отрицанию последним своей вины, или что не позволят присутствующим в судебном заседании лицам вести какие-либо записи. Такие позиции могут определять качество проведения судебного разбирательства.

аналитической работе, которая сейчас в очень незначительной степени и весьма формально нацелена на такую оценку. (При обобщениях судебной практики по уголовным делам пока в большей мере анализируются уголовно-правовые и криминологические вопросы.)

Далее приводятся основные содержательные параметры подобного документа на уголовное дело, рассмотренное в кассационном порядке. Практически они могли бы фиксироваться при любой форме изучения судебной практики¹⁰.

Для оценки качества судебного разбирательства по уголовному делу, во всяком случае, представляются необходимыми следующие сведения: число обвиняемых, преданных суду, и число тех из них, в отношении которых приговор (определение) отменен или изменен; статьи УК, по которым было составлено обвинительное заключение и по которым обвиняемый предан суду, осужден или оправдан, а также статьи УК, по которым дело прекращено; вынесение решения о направлении дела на дополнительное расследование из суда первой инстанции; отношение участников судебного разбирательства к обвинению, при этом должны быть выделены позиции подсудимого (признание или отрицание вины — полное либо частичное), государственного обвинителя (считал ли он по итогам судебного следствия обвинение доказанным, доказанным частично, требующим переквалификации, какое наказание просил назначить, не отказался ли от обвинения), защитника (считал ли он обвинение в суде полностью не доказанным, частично не доказанным, требующим квалификации по другой статье УК, указывал ли на смягчающие вину обстоятельства и какое наказание с учетом этих обстоятельств просил назначить), потерпевшего (также в отношении доказанности обвинения, квалификации, смягчающих или отягчающих вину обстоятельств). Далее должны фиксироваться те решения, которые вынесены по делу кассационной инстанцией. Уже эти сведения обнаружат, насколько суд первой инстанции смог обеспечить внимательное рас-

¹⁰ Роль такого же документа первичного учета качества судебного разбирательства может играть и опробованная в этих целях шкала для измерения качества рассмотрения дела на основе балльных оценок (см. об этом в § 2 данной главы).

смотрение дела и объективный анализ мнений участников судебного разбирательства.

Кроме того, необходима информация о самом судебном следствии. Поэтому должны быть указаны: сведения о числе перечисленных в обвинительном заключении свидетелей, подлежащих вызову в суд, а также о числе реально вызванных, явившихся и допрошенных; случаи оглашения показаний свидетелей, данных на предварительном следствии, а также число тех свидетелей, показания которых оглашались из-за того, что их явка в суд была исключена, не обеспечена, либо из-за того, что прежние показания свидетелей противоречили их показаниям в суде. Должно специально фиксироваться оглашение показаний подсудимого, изменившего их в суде, дающего менее полные показания либо отказавшегося от дачи показаний. Специально следует отмечать заявления подсудимого о незаконных методах следствия и меры, принятые судом для их проверки и привлечения к ответственности виновных в этом лиц.

Для оценки активности и самостоятельности суда в судебном следствии имеют значение данные о тех судебных действиях, которые проведены судом по дополнительному собиранию доказательств, а также содержание заявленных в суде ходатайств участников процесса и решения суда об их удовлетворении или отклонении. Указанные сведения можно будет соотнести с мнением суда кассационной инстанции о том, какие доказательства остались недостаточно исследованными. Помимо перечисленного, в документ, фиксирующий основные характеристики судебного разбирательства, надо вносить сведения о заявлениях участников процесса, которые они просят занести в протокол, включая замечания по поводу допущенных в суде нарушений, а также замечания, принесенные на протокол после окончания судебного разбирательства, и сведения об отношении к ним председательствовавшего в процессе судьи.

Должно отмечаться также наличие и содержание особого мнения судей по делу, вынесение судом частных определений и их основания.

Специально необходимо отмечать время судебного разбирательства по протоколу судебного заседания, количество перерывов, их продолжительность в рабочее время и причины.

Существенную информацию о качестве судебного разбирательства дают сведения о том, по чьей жалобе или протесту дело рассматривалось в кассационной инстанции, в сопоставлении с основаниями отмены или изменения приговора. При анализе последних должно быть выделено, в частности, была ли односторонность или неполнота исследования, выявленная кассационной инстанцией, дефектом как предварительного, так и судебного следствия, или только судебного следствия; какие существенные для дела обстоятельства не установлены; повлекло ли несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела отмену приговора или его изменение в части фактического содержания обвинения либо его квалификации. В отношении других оснований отмены или изменения приговоров должно быть, во всяком случае, отмечено, какие существенные процессуальные нарушения были допущены органами расследования и судом, имело ли место неправильное применение норм Общей или Особенной части УК и каких именно, какие ошибки допущены при назначении наказания.

Составленный таким образом документ, как видно, отражал бы не только существо решений, принятых судом первой инстанции, но и допущенные или не выявленные судом первой инстанции нарушения закона; изменения, внесенные судом первой инстанции в выводы органов расследования; существо нарушений, приведших к отмене или изменению приговора; данные, характеризующие объем судебного следствия, отношение суда к позициям основных участников процесса по поводу предъявленного обвинения; активность, оперативность и самостоятельность суда при проведении судебного разбирательства.

В ходе опроса членов вышестоящих судов ими было высказано мнение о том, что необходимо анализировать качество осуществления правосудия по всем делам, независимо от принесения по ним жалоб или протестов. Это в принципе возможно, так как во многих случаях члены вышестоящих судов изучают почти все дела, рассмотренные нижестоящими судами, в процессе оказания им помощи в правильном применении законодательства. Однако на первом этапе представляется целесообразным осуществить сначала задачу не столь большого масштаба. Поэтому предлагаемый документ рассчитан только на те дела, которые рассмат-

риваются кассационной инстанцией. Бланки указанного документа должны заполняться частично народным судьей после поступления кассационных жалоб или протеста на приговор и частично докладчиком в вышестоящем суде по данному делу после вынесения кассационного определения. Целесообразно хранить заполненные документы в вышестоящем суде, группируя их по народным судьям, председательствовавшим при рассмотрении дел с обжалованными или опротестованными приговорами.

Существующие первичные документы статистической отчетности судов первой и кассационной инстанций содержат не более одной восьмой из тех сведений, которые проектируется фиксировать в предлагаемом документе, заполняемом по материалам уголовного дела. Кроме того, первичные статистические документы хранятся в судах первой либо соответственно кассационной инстанции в одном экземпляре, что не позволяет их широко использовать в аналитической работе вышестоящих судов и органов юстиции.

Безусловно важным моментом является вопрос о трудоемкости заполнения такого документа. Имеется в виду, что его будут заполнять лица, детально изучавшие дело, а именно судья, председательствовавший по делу в первой инстанции, и докладчик в кассационной инстанции. Тогда практически заполнение документа не потребует дополнительного времени на выявление данных, которые должны быть в нем отмечены. Затраты времени ограничатся тем, которое необходимо для технического внесения в документ соответствующих сведений. Эта операция должна быть максимально облегчена формой документа, благодаря которой заполняющему почти по всем вопросам достаточно только подчеркнуть соответствующие, заранее перечисленные ответы. Такая форма составления документа увеличивает, конечно, ее внешний объем, но и самые маленькие формы статистических первичных документов содержат, несмотря на свой «скромный» внешний вид, почти такое же число показателей.

Следует подчеркнуть еще одно обстоятельство, которое представляется важным среди моментов, обосновывающих целесообразность заполнения такого документа. Имея его перед собой, судья, изучающий и рассматривающий дело в первой инстанции, а также член суда, докладывающий дело по жалобам или протесту

в кассационной инстанции, практически получают дополнительную ориентировку по всем вопросам, мимо которых они не должны пройти, анализируя материалы дела. Поэтому такая анкета может играть и превентивную роль в деле устранения недостатков судебного разбирательства в судах первой и второй инстанций. Таким образом была бы реализована и роль оценки работы как стимула к ее улучшению. Кроме того, сведения, которые предлагается отражать в указанном документе, значительно облегчая анализ судебной практики в судах и в органах юстиции, в известной мере могут служить единой программой обобщения при изучении качества судебного разбирательства уголовных дел¹¹. Накопление информации на основе такого первичного документа о качестве рассмотрения дел позволило бы перейти к его более точным количественным характеристикам.

Использование указанных документов учета не связано с созданием какой-либо новой системы контролирующих, оценивающих судебную деятельность инстанций. Оно построено на единственно оправданном для судов методе процессуальной оценки качества рассмотрения дел вышестоящими судебными инстанциями и в то же время существенно расширяет возможности этой оценки.

2. Метод шкалирования

Излагаемый ниже метод шкалирования впервые был применен одним из авторов данной работы в 1974 г. Публикации по результатам его использования¹² послужили дальнейшему внедрению предложенной методики оценки качества рассмотрения дел. В ча-

¹¹ Наличие, заполнение и хранение такого документа могли бы обеспечить проведение важных социологических наблюдений за качеством работы судей на основе выборочной процедуры. Это во многих случаях являлось бы достаточным и могло бы исключить необходимость статистической обработки информации, содержащейся в действующих первичных документах статистического учета, по дополнительным программам, что связано с большими затратами времени и материальных ресурсов.

¹² См.: *Морщакова Т. Г.* Оценка качества рассмотрения уголовных дел на основе шкалирования // Проблемы совершенствования советского законодательства. Тр. ВНИИСЗ. М., 1976. Вып. 6; С. 44—56. Организация судебной деятельности. М.: Юрид. лит., 1977. С. 69—82.

стности, она применялась при проведении учебных процессов для оценки работы лиц, проходящих стажировку перед выдвижением на судебские должности, для оценки деловых качеств работающих судей и в целях анализа судебной практики при проведении научных исследований¹³. Интерес, проявленный к методу шкалирования при оценке качества рассмотрения уголовных дел, побуждает к дальнейшему анализу возможностей использования шкал в ходе изучения судебной практики. Кроме того, закономерно стремление к усовершенствованию и ранее предложенной методики.

Ее разработка была подчинена идее дать количественную характеристику качества рассмотрения конкретного дела. На этой основе можно судить о том, насколько качество рассмотрения отдельного дела и всех дел, проходящих через суды первой и вышестоящей инстанций, еще далеко от оптимального, как может быть оценена работа различных судов и судей, какие сдвиги наблюдаются в качестве рассмотрения дел.

Методы количественной оценки качества различных видов деятельности, содержания документов и высказываний применяются в различных областях. В качестве примеров можно назвать: шкалирование для оценки уровня научной организации труда¹⁴, контент-анализ для характеристики содержания информации¹⁵, наконец, опыт балльной оценки труда научных работников научно-исследовательских институтов по основным критериям их деятельности¹⁶ и т. д.

¹³ См.: *Маликов М. Ф.* Эффективность приговора в советском уголовном процессе: Вопросы теории и практики. Саратов, 1982. С. 31—36. Автор данной работы обобщил с использованием метода шкалирования судебную практику двух районных народных судов г. Уфы. Кроме того, на основе этого же метода было проведено изучение деятельности народных судов г. Воронежа за год. См. об этом: *Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве.* Воронеж, 1984. С. 133.

¹⁴ См.: *Ремнев В. И.* Проблемы НОТ в аппарате управления: Организационно-правовые аспекты. М.: Наука, 1973. С. 177—178.

¹⁵ См.: *Мооль А.* Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. С. 74—78.

¹⁶ См.: *Орлов А. Г.* Новые формы материального стимулирования труда работников науки // *Сов. государство и право.* 1974. № 1. С. 29.

Само существо рассмотрения уголовного дела, как представляется, дает в сравнении с другими сферами деятельности даже большие возможности для оценки качества правосудия в количественной форме, так как закон точно определяет, что должно быть сделано судом. Кроме того, классифицированы и задачи, и возможные формы их невыполнения в виде оснований для пересмотра, изменения и отмены приговора.

Чисто логически количественная оценка качества рассмотрения уголовного дела возможна, если: а) выделена совокупность признаков, характеризующих качество судебного разбирательства и приговора; б) для каждого признака количественно условно определена его возможность влиять на общий результат судопроизводства по конкретному делу; в) кроме максимально достижимой для каждого признака оценки, выделены и количественно обозначены различные степени приближения к наилучшему результату; г) различные признаки соотнесены между собой количественно по значению и степени влияния на качество рассмотрения и разрешения дела, и, следовательно, определена та величина, на которую недостижение по каждому признаку максимально возможной для него оценки будет уменьшать общий результат.

С учетом этих условий и составлена шкала, на основе которой можно определить степень соответствия судопроизводства требованиям уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также уровень профессиональной грамотности и общей культуры судебных работников при составлении документов в суде.

В шкале в соответствии с требованиями закона выделены для оценки следующие стороны, характеризующие качество рассмотрения уголовного дела: доказанность обвинения, правильность квалификации преступления и назначения наказания, наличие или отсутствие процессуальных нарушений, характер мотивировки приговора и качество составления процессуальных документов — протокола судебного заседания и приговора. Это те признаки, которые подлежат оценке. Им соответствуют семь разделов шкалы.

Необходимо отметить, что метод шкалирования широко применяется в социологических исследованиях для собирания по определенной программе и последующего анализа статистического массового материала.

Применение методики шкалирования основывается

на определенных принципах, которые соблюдены и при составлении шкалы оценок качества рассмотрения уголовного дела. В частности, относительно указанных выше требований закона, выполнение которых характеризует качество рассмотрения дела, были выделены два теоретически возможных крайних состояния степени их выполнения — полное выполнение и полное невыполнение (например, обвинение полностью доказано или полностью не доказано, квалификация правильная или полностью неправильная и т. д.). Это первое условие, предъявляемое к составлению шкалы. Далее была произведена разбивка между этими двумя возможными крайними точками и были выделены часто встречающиеся на практике ситуации, соответствующие наиболее общим видам отступлений от требований закона при рассмотрении дела отдельно для доказанности, квалификации, назначения наказания и др. Это второе условие шкалирования.

Наконец, были выбраны количественные показатели (индексы), содержащие определенную количественную характеристику различных ошибок, которые суд, рассматривая дело, может допустить в решении указанных вопросов. Эти показатели (далее называемые баллами) имеют пределы колебаний, соответствующие полному выполнению или полному невыполнению требований закона по каждому признаку, и различны в зависимости от степени тяжести допущенного судом нарушения.

Количественные показатели позволяют обобщить различные качественные характеристики деятельности суда по рассмотрению уголовного дела, определить, какое отклонение от требований закона больше, существеннее и насколько больше в сравнении с другими. Естественно, что в данном случае, как и вообще при использовании метрического шкалирования с определенными единицами измерения, заранее допускается некоторая условность количественных показателей. Они не могут претендовать на то, чтобы в той или иной количественной форме передать всю информацию о качестве рассмотрения дела по всем выделенным признакам.

Однако они все же позволяют сохранить ее в большей степени, чем это удастся в судебной статистике. При этом условность предлагаемых количественных показателей при оценке качества рассмотрения

уголовных дел отнюдь не больше, чем в других областях деятельности. Можно даже утверждать, что количественные оценки имеют более определенную основу при характеристике правосудия по сравнению, например, с балльной оценкой знаний учащихся, поскольку построены по заранее определенным принципам (выделены и классифицированы упущения, снижающие максимальную оценку по каждому признаку).

Избираемые условно количественные показатели выполнения судом всех задач, характеризующих в совокупности качество рассмотрения дела, должны все же по возможности максимально отражать объективное значение тех или иных нарушений материального и процессуального законов. Поэтому для нахождения их исходных количественных характеристик был использован метод экспертных оценок.

Группе экспертов, состоящей из специалистов в области уголовного права, уголовного процесса, опытных судебных работников и работников Министерства юстиции (всего 15 человек), было предложено расположить избранные для оценки признаки — характеристики дела — по степени их значимости и возможные самые существенные недостатки при рассмотрении дела по каждому признаку — по степени их тяжести. При этом эксперты должны были учитывать: а) возможное влияние самой тяжелой ошибки в решении вопроса о доказанности обвинения, квалификации преступления, назначении наказания и соблюдения процессуальной формы на результаты судебного рассмотрения; б) степень нарушения прав подсудимого при таком упущении в работе суда; в) степень сложности процессуальных способов исправления данных недостатков. На основе полученных экспертных оценок была найдена сумма мест-рангов, данных экспертами каждому из рассматриваемых признаков, и, далее, среднее значение ранга каждого признака, его место (от наиболее до наименее значимого) в ряду всей совокупности признаков. Кроме того, эксперты высказывали свое мнение о количественном соотношении тяжести упущений при решении судом различных задач в соответствии с выделенными признаками.

Таким образом были получены баллы (см. ниже) — от самого высшего до самого низшего (нулевого) — по всем признакам шкалы. В них отражена и значимость различных признаков в соотношении друг с дру-

гом. При этом определяющим, наиболее весомым признаком на основе экспертных оценок считалась доказанность обвинения с максимальным баллом при безупречном выполнении судом задач по доказыванию обвинения, лежащего в основе обвинительного приговора,— 5. Значимость других выделенных характеристик рассмотрения дела выражена в коэффициентах соотношения их «веса» с «весом» доказанности. С помощью этих коэффициентов от высшего балла по признаку «доказанности» выводятся высшие баллы по всем другим признакам. Экспертные оценки позволили определить эти коэффициенты следующим образом: от оценок по признаку «доказанности» коэффициент для признака «наказание» составляет 0,5, для соблюдения процессуальной формы — 0,4, для признака «квалификация» — 0,3, для признака «мотивировка» — 0,2, для качества составления процессуальных документов — 0,1.

Итак, если доказанность оценивается максимальным баллом 5, то назначение наказания соответственно указанным выше коэффициентам — 2,5, соблюдение процессуальной формы — 2, правильность квалификации — 1,5, качество мотивировки — 1, качество составления приговора и протокола судебного заседания — 0,5 балла. Это высшие баллы. При каких-либо упущениях в доказанности, квалификации и т. д. высший для каждого признака балл соответственно понижается. Общая сумма баллов по предлагаемой шкале, максимально возможная для дела, где нет никаких отклонений от требований закона,— 13.

Для того чтобы провести сравнение по уровню оценок между отдельными признаками, а не по всей сумме баллов, характеризующих рассмотрение дела совокупно, каждый признак, кроме того, оценивается и одинаково исходя из максимальной оценки — 5 баллов. Это необходимо, например, чтобы определить сравнительно, каков средний балл и, значит, средний уровень, которого достиг суд при выполнении требований, предъявляемых к доказанности, квалификации, назначению наказания и т. д. Таким образом можно выявить, какие вопросы наиболее неблагоприятно решаются судами. Поэтому при введении в шкалу единиц измерения предусматриваются две оценки: одна — с максимальным баллом 5 и другая, полученная с помощью учета коэффициента значимости данного признака; на-

пример, для наказания: $5 \times 0,5$ ($0,5$ — коэффициент значимости признака «наказание») = $2,5$. Эта последняя оценка учитывается в сумме баллов, чтобы оценить качество рассмотрения дела в целом.

Итак, качество рассмотрения уголовного дела (оцененное вышестоящим судом при пересмотре приговора или при обобщении судебной практики на основе ее эталонов и требований закона) отражается, во-первых, в оценках по каждому признаку (всего семь оценок) из 5 баллов; во-вторых, в общей оценке дела, получаемой из суммы баллов по всем семи признакам, выведенных с помощью коэффициентов значимости признаков. Шкала рассчитана на оценку рассмотрения дела, закончившегося вынесением обвинительного приговора.

Далее приводятся все позиции шкалы с некоторыми пояснениями.

I. Доказанность

1. Полностью доказано	5
2. Не доказаны или не исследованы отдельные эпизоды или обстоятельства, не влияющие на квалификацию	4,5
3. Не доказано или не исследовалось второстепенное обвинение	4
4. Не доказано или не исследовалось одно из равноценных обвинений или обстоятельств, влияющие на квалификацию	3
5. Не доказано основное обвинение	2
6. Доказан другой состав преступления ¹⁷	1
7. Полностью не доказано ¹⁸	0

II. Квалификация

1. Правильная	$5 \times 0,3 = 1,5$
2. Неправильная квалификация признаков, существенно не повлиявших на квалификацию и меру наказания	$4,5 \times 0,3 = 1,3$

¹⁷ Это случаи, когда внешне можно говорить об ошибочной квалификации деяния, однако по существу речь идет о «несоответствии выводов суда в приговоре фактическим обстоятельствам дела» (ст. 344 УПК РСФСР), поскольку суд признал установленными те факты, которые достаточно не подтверждены, или не принял во внимание то, что было доказано.

¹⁸ При наличии этого признака в шкале не отмечается ни п. 3, ни п. 5, если обвинение охватывалось совокупностью статей. Такой же принцип действует и в других разделах шкалы.

3. Правильность квалификации вызывает сомнение, поскольку имеется сомнение в доказанности ¹⁹	4×0,3=1,2
4. Неправильная по второстепенному обвинению	3×0,3=0,9
5. Неправильная по одному из равноценных обвинений	2×0,3=0,6
6. Неправильная по основному обвинению	1×0,3=0,3
7. Неправильная в целом	0

III. Процессуальные нарушения ²⁰

1. Нет процессуальных нарушений	5×0,4=2
2. Имеются несущественные процессуальные нарушения	3×0,4=1,2
3. Имеются существенные процессуальные нарушения при рассмотрении второстепенного обвинения	2×0,4=0,8
4. Имеются существенные процессуальные нарушения	0

IV. Меры наказания ²¹

1. Правильно назначена мера наказания	5×0,5=2,5
2. Неправильно избран режим	4×0,5=2
3. Неправильно назначено или не назначено дополнительное наказание	3,5×0,5=1,8

¹⁹ Здесь имеются в виду случаи отмены приговоров из-за неисследованности обстоятельств, влияние которых на квалификацию возможно с большей степенью вероятности. Ошибка суда в таком случае будет заключаться в том, что он «версии, гипотезы для последующей квалификации содеянного» признает достаточными для правовой оценки деяния. См.: *Кудрявцев В. Н.* Теоретические основы квалификации преступления. М.: Госюриздат, 1963. С. 15. Это — ошибка, так сказать, в процессе логического доказывания состава преступления. См.: *Заболоцкий В. Г.* Установление фактических обстоятельств уголовного дела и квалификация преступления // Правоведение. 1974. № 1. С. 58—59.

²⁰ В этом разделе отмечаются процессуальные нарушения, не поглощаемые остальными разделами шкалы, и такие нарушения, которые в УПК в основаниях отмены и изменения приговоров перечислены как «безусловные» (ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР).

²¹ Не выделены самостоятельно ошибки при избрании меры наказания, связанные, с одной стороны, с несправедливостью и несоответствием наказания содеянному и личности виновного и, с другой стороны, с незаконностью избранной меры (кроме п. 7). В основу классификации в этом разделе положена направленность ошибок в карательной практике, так сказать, ее два «уклона» от правильной линии — обвинительный и оправдательный.

4. Неправильно назначено наказание за одно из преступлений, не влияющее на определение наказания по совокупности	3,0×0,5=1,5
5. Назначено необоснованно мягкое наказание при правильной квалификации в связи с неправильной квалификацией или недоказанностью одного из обвинений	2×0,5=1
6. Назначено необоснованно суровое наказание при правильной квалификации в связи с неправильной квалификацией или недоказанностью одного из обвинений	1×0,5=0,5
7. Назначена незаконно суровая мера наказания, выходящая за рамки, предусмотренные статьей УК, или незаконно суровый вид наказания	0,4×0,5=0,2
8. Назначено наказание при недоказанности обвинения ²²	0

V. Мотивировка приговора

1. Достаточная при доказанности	5×0,2=1

²² Выделение такого пункта требует специальных объяснений. Акт назначения наказания имеет определенную специфику. До момента выбора наказания суд осуществляет деятельность, аналогичную той, которую проводили и органы расследования. Назначение же наказания — это то, что доверено и дозволено только суду. Здесь впервые реализуется привлечение к уголовной ответственности в материально-правовом смысле. Назначением наказания исключаются все другие возможные по делу варианты решения — направление на следствие, прекращение дела, назначение принудительных мер медицинского характера, передача дела в товарищеский суд. Этим назначение наказания отличается от решения другой материально-правовой задачи — квалификации, которая, пусть не в окончательном варианте, сопутствует процессу доказывания практически на всех этапах, поскольку факты познаются в их правовом значении. Недаром и в приговоре выделяется назначение наказания в резолютивной части, и нигде больше суд не высказывает своего мнения о мере наказания, которую он намерен определить. Если суд в этот момент заблуждается по поводу доказанности обвинения, считает, что оно доказано, то к суду (в случае недоказанности обвинения) может быть предъявлено требование: он должен был сознавать недостаточность доказательств. На избранной судом санкции может отражаться и осознаваемый при вынесении приговора вероятностный характер устанавливаемых им событий. В этих случаях нельзя оценивать наказание как соразмерное или несоразмерное содеянному. Это особый вид ошибки, и его нельзя рассматривать как равноценный назначению необоснованно мягкого наказания при доказанности вины. Последнее — менее тяжкая ошибка. Немотивированно мягкая мера наказания при недоказанности — большая ошибка и в сравнении с назначением явно сурового наказания действительно виновному.

2. Недостаточная или неправильная мотивировка меры наказания	$4 \times 0,2 = 0,8$
3. Недостаточная или неправильная мотивировка при доказанности обвинения ²³	$3 \times 0,2 = 0,6$
4. Недостаточная мотивировка при недоказанности второстепенного обвинения, одного из равноценных обвинений или квалифицирующих признаков	$2 \times 0,2 = 0,4$
5. Недостаточная мотивировка при недоказанности основного обвинения или при недоказанности единственного обвинения	$1 \times 0,2 = 0,2$
6. Достаточная мотивировка при недоказанности ²⁴	0

VI. Уровень профессиональной грамотности и культуры при составлении приговора, судебных определений и постановлений судьи по делу

1. Высокий	$5 \times 0,1 = 0,5$
2. Средний	$3 \times 0,1 = 0,3$
3. Низкий	0

VII. Качество протокола судебного заседания

1. Высокое	$5 \times 0,1 = 0,5$
2. Среднее	$3 \times 0,1 = 0,3$
3. Низкое	0

Все названные в шкале позиции отражают ситуации, наиболее часто встречающиеся при оценке качества рассмотрения дела вышестоящим судом. Многие из них формулируются и при обобщении судебной практики, а самый перечень основных семи разделов шкалы — это в общем виде применяемая ныне программа многих обобщений практики по уголовным

²³ Этот пункт охватывает все недостатки в мотивировке при доказанности обвинения, кроме случаев, специально выделенных в п. 2.

²⁴ С первого взгляда такая формулировка представляется внутренне противоречивой. В действительности здесь имеются в виду те редкие, но опасные случаи в практике судов, когда в приговоре приводятся мотивы, не основанные на собранном доказательственном материале. Суд, подтверждая и оправдывая свое решение, ссылается не на доказательства, а на свои оценки, не находящие основания в установленных фактах. Опасность этих редких нарушений, поскольку обычно недостаточная доказанность приводит к недостаточной, а не к «избыточной» мотивировке приговора, выдвигает необходимость их специальной оценки, так как, выражая резкое отношение к таким случаям, следует их рассматривать как «процессуальное очковитительство».

делам, закончившимся вынесением обвинительного приговора.

Поэтому внешне довольно большое количество признаков в шкале не создает сложностей при ее использовании для анализа практики, тем более что для характеристики каждого дела выбираются только семь признаков — по одному из каждого раздела. Опыт использования шкалы показал, что в ней нетрудно ориентироваться: меньшее количество признаков, их более общие формулировки только затрудняли бы применение шкалы, заставляя изучающего практику объединять в одно слишком разные нарушения²⁵.

Далее представляется необходимым привести результаты обобщения судебной практики на основе шкалирования, чтобы показать, что предлагаемая шкала оценок может использоваться как инструмент для измерения качества рассмотрения дела по данной программе и дает дополнительную информацию об уровне правосудия и его недостатках.

До приведения результатов обобщения необходимо сделать несколько замечаний, важных для их оценки.

1. Нужно предостеречь от попыток распространять выводы данного обобщения на характеристику судебной практики в целом или на отдельные обобщенные категории дел, поскольку при проведении этого обобщения не ставилась цель собрать материал, представительный для оценки работы судебной системы. Было изучено 115 уголовных дел, рассмотренных областными судами РСФСР и прошедших через Верховный суд РСФСР в кассационном порядке, и 96 дел из опубликованной практики Верховного Суда СССР и Верховного суда РСФСР — вся опубликованная практика за год со случаями отмены и изменения приговоров. Такой объем обобщенных дел достаточен, конечно, для показа возможностей предлагаемой методики.

2. Оценка по результатам шкалирования качества рассмотрения дел не была основана на субъективном усмотрении лиц, проводивших данный анализ. По шкале фиксировались и оценивались только те недостатки в рассмотрении дела судом первой инстанции, которые

²⁵ В связи с этим необходимо отметить, что первоначальный вариант шкалы содержал всего 27 признаков; проведенное на ее основе пробное обобщение заставило существенно расширить их число.

выявили вышестоящие суды, пересматривавшие эти дела в кассационном порядке. Таким образом, изучались результаты кассационного производства и переводилась в количественные показатели оценка практики, данная вышестоящими судами.

3. При проведении шкалирования по различным делам без какой-либо дополнительной дифференциации в зависимости от тяжести обвинения, размеров наказания и т. д. могло иметь место определенное несоответствие результатов шкалирования реальной значимости различных ошибок в рассмотрении дел. Вполне возможно, однако, применение данной методики без опасения исказить выводы при обобщении дел одной категории либо при оценке качества рассмотрения дел в целом за весьма значительный отрезок времени или в территориально большом объеме. В дальнейшем можно применять при шкалировании дополнительные коэффициенты, в которых учитывалась бы сложность и трудоемкость дела в зависимости от степени тяжести преступления. Проведение же подобного анализа без использования в данном случае таких дополнительных поправок в оценках допустимо, потому что изучались дела, рассматриваемые по первой инстанции областными судами, т. е. дела в достаточной и равной мере сложные, и, кроме того, в процессе обобщения проводилась разбивка по отдельным категориям уголовных дел.

Итак, приведем некоторые общие выводы о судебной практике по двум «массивам» изученных дел, показывающие возможности шкалирования.

Средний уровень практики по изученным в Верховном суде РСФСР 115 делам, рассмотренным по первой инстанции областными судами, приговоры которых были оставлены в силе, изменены или отменены, выражается оценкой 9,9 балла при максимальном балле — 13.

Средний уровень по отдельным характеристикам дела — по всем разделам шкалы исходя из 5 баллов для оценки каждого — выглядит следующим образом: доказанность — 4,24; квалификация — 3,97; процессуальные нарушения — 4,78; меры наказания — 4,33; мотивировка — 3,94.

Исходя из этих цифр, можно утверждать, что шкалирование позволяет выявить резервы повышения уровня практики и показывает, где именно их больше.

Такие данные требуют, естественно, дополнительной содержательной интерпретации.

Следует помнить, например, что почти самый низкий средний балл по признаку «квалификация» связан с тем, что среди пересмотренных дел, подвергшихся обобщению, как и вообще в практике пересмотра приговоров, случаи изменения приговоров встречаются чаще, чем случаи отмены. В то же время низкий балл за качество мотивировки приговора объясняется не только тем, что недостаточно мотивируются измененные и отмененные впоследствии приговоры, но и тем, что ущербность мотивировки отмечается вышестоящими судами нередко и при оставлении в силе правильного по существу приговора, т. е. это явление характерно и для стабильных судебных решений.

Самый высокий балл был получен в отношении такого параметра, как соблюдение процессуальной формы. Это может служить основанием для гипотезы, что отступлений от закона больше там, где он меньше конкретизирует свои требования и где нет таких обязательных процессуальных последствий, как неизбежная отмена приговора при наличии существенных процессуальных нарушений. Конечно, это ограниченное по объему обобщение нельзя использовать для сколь угодно определенных окончательных выводов о практике вообще. Но и по результатам анкетного изучения 1595 дел существенные процессуальные нарушения встречаются в два-три раза реже, чем каждое из двух других процессуальных оснований отмены приговоров.

Выведение средних баллов по отдельным категориям дел и по отдельным характеристикам дел внутри одной категории позволяет определить, что именно «страдает» больше всего при рассмотрении различных дел. Только для того, чтобы показать возможности шкалирования, приведем в качестве примера, что по данному обобщению в делах об убийствах балл оказался меньше при оценке мер наказания и квалификации, в делах об изнасиловании более низкие баллы при оценке доказанности, в делах о хищениях социалистической собственности вообще более низкие оценки, в том числе не только относительно доказанности, квалификации, мер наказания, но и относительно процессуальных нарушений. Такие данные сами по себе, как уже говорилось, пока лишь свидетельство того, что

шкала как инструмент работает, может дать новое знание о судебной практике. Однако в отношении низкого уровня доказанности по делам об изнасиловании и хищениях государственного и общественного имущества аналогичные сведения получены и по результатам представительного исследования причин отмены и изменения приговоров.

Следует отметить еще один момент. В балльной оценке качества рассмотрения дел, приговоры по которым пересматривались, были оставлены в силе, отменены и изменены, снижение оценок по сравнению с их максимальным значением отражает не только недочеты в работе суда, приведшие к изменению или отмене его решения, но и упущения в работе суда, не отразившиеся на стабильности приговора. Статистика вообще их не анализирует. Таковы случаи, когда выносятся частные определения, направляются судьям письма, высказываются в кассационных определениях отдельные замечания в адрес суда, подвергается определенной критике изложение приговора и протокола судебного заседания, приводятся в жалобах и разрешаются спорные вопросы при рассмотрении замечаний на протокол. Все это имеет значение для руководства практикой, однако пока такие сведения полностью утрачиваются. Шкалирование позволяет учесть их и количественно оценить. Кроме того, предложение такой шкалы членам вышестоящих судов, изучающим дела по протестам и жалобам, обращало бы их внимание и на различные отступления в практике, не колеблющие законной силы приговора.

Еще более значимые выводы получены на основе шкалирования по делам с отмененными и измененными приговорами (второй «массив» обобщенных дел из опубликованной практики).

Сравнение средних баллов по делам с отменой приговоров, с одной стороны, и изменением приговоров — с другой, показывает, что между ними существует очень незначительная разница. Так, при 13-балльной системе по предлагаемой шкале средний балл по делам с отменой приговора — 5, а по делам с изменением приговора — 6,7. Разница между ними в 1,7 балла по сравнению с максимальным баллом очень невелика²⁶.

²⁶ Необходимо пояснить, почему при отмене приговора оценка качества рассмотрения дела не равна 0 и не так близка к 0. Шкала позволяет более точно измерить результаты рас-

Если говорить о наиболее распространенной оценке, которую «получают» дела с отменой и дела с изменением приговоров, то она почти одинакова: для отмены — 3,2, а для изменения — 3,7 балла. Следует напомнить, что баллы были даны до начала исследования группой экспертов-специалистов. Поэтому полученные при обобщении оценки дефектов судебного рассмотрения уголовных дел объективно свидетельствуют о том, что характеристика качества работы судов на основе данных лишь об отмене приговоров очень неточна.

Показателен в этом плане и анализ средних оценок по делам с изменением и отменой приговора для каждого из выделенных в шкале разделов.

**Средние оценки по отдельным разделам шкалы
исходя из 5 баллов**

	По делам с отменой приговора	По делам с изменением приговора
I. Доказанность	2	2,45
II. Квалификация	2,1	1,6
III. Процессуальные нарушения	2,9	5
IV. Меры наказания	2	1,56
V. Мотивировка приговора	2	1,83

По трем параметрам из пяти оценки качества рассмотрения дел с измененными впоследствии приговорами ниже и только по двум — выше, чем оценки качества рассмотрения дел с последующей отменой приговоров. При этом более высокая средняя оценка по всем параметрам для дел с изменением (6,7 против 5 для дел с отменой из общих 13) связана еще и с тем, что в делах с измененными приговорами имеет очень высокую оценку соблюдение процессуальной формы. Это следствие того обстоятельства, что изменение не может быть использовано как средство «исправления» существенных процессуальных нарушений²⁷.

смотрения дел, так как она оперирует не только двумя позициями — аннулированием или оставлением приговора без изменений. При отмене приговора могут встречаться и «нулевые случаи». Но чаще неправильность судебного решения, недостатки в качестве рассмотрения дела связаны с упущениями и ошибками, касающимися не всех характеристик дела по шкале или являющимися не самыми тяжкими из всех возможных по отдельному признаку.

²⁷ Такой результат — 5 баллов по признаку «соблюдение процессуальной формы» для дел с изменением приговоров —

Таким образом, шкалирование также дает определенный довод в пользу учета для характеристики итогов судебной работы не только отмены, но и изменения приговоров. Это представляется тем более важным, что процент изменения приговоров существенно выше процента их отмены. Ошибки судов в рассмотрении дел, по которым приговоры впоследствии изменялись, как показывает проведенное обобщение, часто не менее существенны, чем ошибки, исправляемые путем отмены. При этом надо учитывать, что ошибки в доказанности, квалификации, мерах наказания, мотивировке приговора в сравнении с ошибками в квалификации, мере наказания и частично в доказанности при отмене приговора по своей направленности «оправдательные».

Шкалирование позволяет конкретно изучать и характер, и вес ошибок, исправляемых посредством любого из двух возможных процессуальных способов. Это послужило бы дополнительному уточнению оценок качества рассмотрения уголовных дел. По-видимому, в данном случае можно говорить об определенном новом видении судебной практики, которое обеспечивается при помощи шкалирования.

Подводя итог, следует еще раз остановиться на общих возможностях предлагаемого метода определения качества правосудия по уголовным делам.

Выставляемые по шкале баллы для каждого дела позволяют определить: а) средний балл и среднее отклонение от максимального уровня по изученным делам; б) разницу в средних показателях качества рассмотрения дел различных категорий, в различных судах, у различных судей и их изменение от года к году; в) средний балл по каждой из изучаемых характеристик дела, что указывает на наибольшие резервы для повышения качества рассмотрения дел; г) объективное значение недостатков, которые пока вообще не учитываются при оценке работы судов в статистике и при проведении обобщений, что может в дальнейшем

не значит, однако, что шкала не может быть использована для конкретизации знаний о судебной практике в вопросе о процессуальных нарушениях по делам с последующим изменением приговора. В действительности эта оценка по всей массе дел, хотя она и должна быть выше, чем по делам с последующей отменой, все же будет менее 5 баллов за счет дел, где отмечаются вышестоящими судами несущественные процессуальные нарушения или выносятся частные определения в адрес народных судов.

послужить для корректировки используемых статистических показателей качества работы в судах. Все это существенно дополняло бы имеющуюся сейчас информацию о качестве рассмотрения дел.

С помощью шкалы возможно сравнение качества рассмотрения дел в зависимости от различных факторов, которые предположительно могут влиять на него. Например, в работе М. Ф. Маликова приводится сравнение средних баллов, характеризующих качество рассмотрения дел (по данной шкале) у судей, работающих со специализацией и без нее²⁸. Такое же сравнение возможно для групп судей с большой и незначительной служебной нагрузкой, для начинающих и опытных судей, прошедших обучение в системе переподготовки кадров и не прошедших его, получивших очное и заочное юридическое образование и т. д. Таким образом, шкала может служить инструментом, выявляющим влияние различных организационных факторов.

При проведении обобщений практики с применением выборочных исследований полученные на основе шкалирования количественные характеристики выборочной совокупности обобщаемых дел можно будет использовать и для оценки качества рассмотрения уголовных дел по всей, генеральной для данного обобщения, совокупности, т. е. по всей судебной практике в целом в масштабе Союза, республики или области, что позволит существенно обогатить и конкретизировать судебную статистику.

Дальнейшее использование приведенной шкалы, естественно, должно послужить и ее совершенствованию. Ряд замечаний, которые вызывает данная шкала, может быть учтен в ходе ее применения²⁹. Прежде

²⁸ См.: Маликов М. Ф. Указ. соч. С. 36.

²⁹ Правда, некоторые высказанные замечания вызывают возражения. Например, в работе М. Ф. Маликова указывается на «весовую» несогласованность показателей шкалы, в частности на то, что доказанность и недоказанность обвинения поставлены в шкале в один ряд и им придается поэтому совершенно одинаковый вес. Это замечание не может быть оставлено без внимания, так как оно касается основного принципа построения шкалы — выделения по каждому признаку крайних позиций, соответствующих полному выполнению и полному невыполнению требований закона. Доказанность и недоказанность как такие крайние позиции и оценены по шкале «крайними» оценками: первая — максимальной оценкой, возможной для одного признака (5 бал-

все это касается учета с помощью шкалы того реально разного значения, которое имеют недостатки в рассмотрении дел о преступлениях с разной степенью общественной опасности, а также дел, где налицо совокупность обвинений (в фактическом и уголовно-правовом смысле).

В криминологических и уголовно-правовых исследованиях рассматривается и решается вопрос об измерении относительной тяжести отдельных видов преступлений и выводятся коэффициенты, сравнительно характеризующие степень их общественной опасности. Использование этих коэффициентов при выведении на основе шкалы среднего балла по каждому делу, а также по каждому выделенному в шкале параметру качества рассмотрения дела не затруднительно (средняя оценка умножается на коэффициент тяжести преступления)³⁰. Следует повторить, что применение шкалы в таких целях, которые не связаны с определением тяжести ошибок суда в зависимости от тяжести преступления, вполне допустимо и без таких поправочных коэффициентов.

Более важно для уточнения результатов балльной оценки качества рассмотрения уголовных дел дополнительно учитывать наличие в деле нескольких обвинений и даже нескольких эпизодов обвинения, если

лов), вторая — минимальной оценкой (0). Так что усмотреть в этих оценках одинаковый вес можно, наверное, только в результате недоразумения. К сожалению, против этого замечания приходится возражать, так как, если бы оно могло быть признано основательным, тогда возможность применения шкалы была бы исключена. Да и автор этого замечания, коль скоро он убежден в его правильности, практически дезавуирует и собственную попытку применения шкалы. Столь же странным представляется и его утверждение, что «количественный подход учитывает лишь значение судебного решения о наказании». На это указано как на недостаток шкалирования при изучении качества судебного приговора. Между тем сам автор до этого приводит описание всех разделов шкалы и даже опубликованные ранее пояснения по ее применению.

³⁰ Нужно только, чтобы наибольший коэффициент присваивался деяниям с меньшей общественной опасностью, потому что ошибки по делам о наиболее тяжких преступлениях должны в большей степени снижать оценку качества рассмотрения дела, чем ошибки по делам о менее тяжких деяниях. Практически для данной шкалы необходим коэффициент, построенный на измерении не наибольшей тяжести, а наименьшей вредности деяния, которая должна оцениваться как 1.

каждый из них в отдельности может быть квалифицирован как преступление. Для этого, однако, также не требуется ломка шкалы. Нужно только, чтобы оценка качества рассмотрения дела по таким параметрам шкалы, как доказанность и квалификация деяния, выводилась на основе оценок в отношении доказанности и квалификации каждого из предъявленных обвинений (или эпизодов, представляющих самостоятельный состав преступления) так, как будто данное обвинение является единственным по данному делу. При этом окончательная оценка складывалась бы из суммы оценок по каждому из обвинений плюс общая оценка по делу, учитывающая, как были рассмотрены основное, равноценное или второстепенное обвинение, деленной на количество обвинений в данном деле, увеличенной на 1. При таком подходе одна оценка по делу учитывала бы, что не доказано или неправильно квалифицировано второстепенное (основное или равноценное) обвинение, как это изначально и предусмотрено в шкале. Но это не препятствовало бы адекватному отражению в окончательной оценке, например, такой ситуации, когда неправильным оказалось решение суда в отношении большей части обвинений (или эпизодов обвинения).

Допустим, что из трех предъявленных обвинений два неверно были признаны судом подтвержденными, одно из них было менее тяжким, чем правильно разрешенное, а другое — равноценным последнему. Тогда сначала должны быть выведены четыре оценки по параметру «доказанность»: недоказанность одновременно второстепенного обвинения и одного из равноценных обвинений оценивается по шкале в 3 балла (первая оценка), далее три оценки в отношении каждого обвинения так, как если бы оно было единственным (тогда недоказанность двух обвинений получит оценку $0+0=0$ — это еще две оценки), и оценка, выражающая доказанность основного из обвинений (опять же так, как будто оно единственное; она составит 5 баллов, если оно доказано, — это четвертая оценка). Сумму этих четырех оценок необходимо разделить на 4, ибо было четыре слагаемых (три по каждому из обвинений и одна оценка, учитывающая, что в деле рассматривалось три обвинения одновременно). Таким образом получим общую оценку доказанности по делу в целом. (Для приведенного примера она будет равна

$(3+0+0+5)/4=2$). Все эти расчеты элементарны и не затрудняют использование шкалы, хотя повышают ее точность в качестве инструмента измерения.

Было бы неверно сводить возможность использования шкалирования только к применению изложенной методики. Для оценки качества судебного разбирательства могут иметь немалое значение номинальные шкалы, отражающие, например, все возможные и обнаруженные в судебной практике виды нарушений, как конкретные проявления оснований отмены и изменения приговоров, шкалы, имеющие целью выявить распространенность указанных оснований, а также соотношение их тяжести и т. д.

3. Метод экспертных оценок

Метод экспертных оценок применяется преимущественно там, где использование точных вычислений невозможно из-за сложности объекта исследования. Большой опыт экспертов в представляемых ими отраслях знания позволяет им профессионально высказываться о проблемах, не поддающихся строгой логико-математической формализации. Это не значит, что суждения экспертов интуитивны и бездоказательны. Довольно часто такие суждения — результат серьезной научной полемики, в ходе которой приводятся веские аргументы в защиту той или иной позиции. Использование метода экспертных оценок служит хорошим подтверждением известного марксистского положения относительно практики как критерия истинности знания.

Приступая к исследованию, ученые нередко нуждаются в том, чтобы правильно выбрать круг реальных, а не мнимых проблем, четко сформулировать задачи и определить методики исследования. Для достижения этих целей может быть применен метод экспертных оценок. В ходе самого исследования с помощью экспертных оценок представляется возможным отобрать, классифицировать и ранжировать по степени значимости основные факторы, влияющие на достижение целей, поставленных перед изучаемой системой. Эксперты помогают ответить на вопросы, работает ли система эффективно, имеются ли скрытые резервы для дальнейшего совершенствования данного вида деятельности, каково реальное качество конечного продукта,

правильно ли избрана система показателей, по которым оценивается достижение целей, и др. На основе экспертных оценок выявляется действительное положение дел и принимаются ответственные управленческие решения. Итак, с помощью экспертов производятся: компетентная оценка реально сложившейся ситуации; прогнозирование дальнейшего развития системы на основе знания ее закономерностей; выбор оптимальных средств решения социальных задач ценою наименьших потерь.

К помощи экспертов прибегают в самых разнообразных отраслях человеческой деятельности. Эксперты привлекаются к разработке и обоснованию основных политических линий, обнаружению ключевых экономических проблем и способов их решения, нахождению оптимальной военной стратегии и т. д.

Эксперты совершенно необходимы в государственном управлении (коллегии министерств, научно-консультативные советы), народном образовании (экзаменационные комиссии), народном здравоохранении (консилиумы), спорте (судейство) и других отраслях. Чаще всего экспертам предлагают оценить качество и состояние объекта изучения в условных баллах или ранжировать свойства и признаки этого объекта в соответствии с системой предпочтений (приоритетов), свойственной каждому из экспертов. Тем самым достигается выбор лучшего варианта из множества³¹.

При использовании метода экспертных оценок необходимо обеспечить представительство разных научных школ и направлений. Полное единодушие экспертов иногда свидетельствует о нарушении этого принципа. Кроме того, оно может быть вызвано тривиальностью проблемы, вынесенной на обсуждение экспертов, и неправильной организацией экспертизы. Не исключено также влияние одного-двух авторитетов на остальных членов экспертной комиссии, которые не имеют собственного мнения или воздерживаются от того, чтобы его высказать. Замечено, что «типичным является как раз такой случай, когда мнения экспертов расходятся»³², что обусловлено сложностью об-

³¹ См.: Статистические методы анализа экспертных оценок/ Под ред. Т. В. Рябушкина и др. М.: Наука, 1977. С. 20, 30—31, 69.

³² Моисеев И. И. Математик задает вопросы. М.: Знание, 1974. С. 108.

суждаемой проблемы и различием подходов к ее решению. С другой стороны, сильный разброс мнений (большая дисперсия) свидетельствует о низкой квалификации экспертов, неоднородности их профессиональных знаний или о плохо составленной анкете. При неоднородности экспертов усредненные показатели теряют смысл.

Математическая статистика предлагает методику проверки того, насколько удачно сформирован коллектив экспертов. Каждый эксперт может быть представлен в многомерном пространстве точкой с координатами, соответствующими данным им оценкам. Если имеется компактная группа точек, значит, мнения большинства экспертов совпадают, и выделенную группу можно принять за эталон, а крайности отбросить. Наличие нескольких компактных групп свидетельствует о неоднородности экспертов, их расчленении на школы, «клики». Большой разброс точек указывает на неудачный выбор экспертов или неправильную организацию исследования³³.

По способам сбора информации путем опроса экспертов различают: 1) анкетирование, 2) анкетирование при участии исследователя, 3) интервьюирование.

Анкетирование имеет то преимущество, что у экспертов много времени на размышление, устраняется влияние авторитетов на мнение экспертов, опрос может быть проведен анонимно. Недостаток же в том, что нет живой беседы исследователя с экспертом, в ходе которой можно стимулировать интерес респондента к изучаемой проблеме и получить не предусмотренную анкетой информацию.

Для опроса экспертов могут быть использованы анкеты как с закрытыми, так и с открытыми вопросами. Анкеты с закрытыми вопросами (в них дан исчерпывающий перечень возможных ответов и нужно выбрать лишь какой-то из них) удобны для машинной обработки, но слишком формализованы, что не позволяет эксперту выйти за пределы замысла исследователя, указать на не предусмотренные анкетой проблемы или варианты ответов и привести аргументацию. Анкеты с открытыми вопросами чрезвычайно трудны для

³³ См.: *Розин Б. Б.* Применение методов многомерной классификации при анализе результатов экспертного опроса // Статистические методы анализа экспертных оценок. С. 87—88.

обобщения и систематизации, но открывают большой простор творческому мышлению эксперта. Чаще всего применяют комбинации закрытых и открытых вопросов.

Анкетирование при участии исследователя в какой-то мере позволяет преодолеть недостатки анкет с закрытыми и открытыми вопросами. Но оно требует много времени и не исключает упрека в том, что мнение эксперта сформировалось под влиянием исследователя.

Интервьюирование (в виде свободной беседы или разговора по принципу «вопрос-ответ») весьма удобно для получения неформального, развернутого, аргументированного мнения эксперта по интересующим исследователя вопросам³⁴. При этом исследователь может обращать внимание на слабые пункты в аргументации эксперта, противоречия, неясности в его позиции и просить об их устранении. Для этого исследователь должен хорошо ориентироваться в той отрасли знания, которая представлена экспертом.

Анкетирование и интервьюирование обычно связывают с индивидуальными формами получения экспертных оценок. Существуют и коллегиальные методы выработки мнения экспертов. К ним обычно относят: 1) метод «комиссии», 2) метод «мозговой атаки», 3) метод «суда», 4) метод деловых игр и инсценировок³⁵.

Метод комиссии представляет собой проведение обычных совещаний компетентных лиц с обсуждением проблемы и принятием коллегиального решения путем голосования (открытого или тайного), а иногда и без принятия какого-либо решения.

Метод «мозговой атаки» основан на том, что среди высказываемых идей ценными могут быть одновременно несколько идей. Поэтому руководитель совещания экспертов поддерживает и те идеи, которые с самого начала кажутся сомнительными, поощряя тем самым острую борьбу мнений. В конечном итоге правильное мнение становится преобладающим.

Метод «суда» заключается в том, что спорящие

³⁴ См.: Здравомыслов А. Г. *Методология и процедура социологических исследований*. М.: Мысль, 1969. С. 139.

³⁵ См.: Шмерлинг Д. С., Дубровский С. А., Аржанова Т. Д. и др. *Экспертные оценки: Методы и применение: (Обзор) // Статистические методы анализа экспертных оценок*. С. 295—296.

между собой группы экспертов выделяют своих лидеров, которые выступают как бы в роли сторон: «прокурора», поддерживающего выдвинутый им тезис, и «защитника», опровергающего этот тезис и защищающего свой собственный. «Подсудимый» — это сама обсуждаемая проблема, а состав «суда» — эксперты, не определившие свою позицию по обсуждаемым вопросам. «Свидетелями» являются лица, доставляющие какую-либо информацию, на основе которой может быть решена спорная проблема. Допускаются также оглашение документов, ссылки на научную литературу и другие источники.

Метод деловых игр и «инсценировок» позволяет имитировать сложные ситуации, возникающие в народном хозяйстве, внешней политике, военном деле и т. д., оценить альтернативы, учесть действия противной стороны и выбрать оптимальную стратегию собственного поведения. Отдельные эксперты играют роль субъектов (стран, армий, корпораций и т. п.), «задействованных» в данной проблемной ситуации. Они оценивают экспериментально изменяемую обстановку, предугадывают поведение «противника» и принимают решения в различных альтернативных ситуациях.

Вопрос о численности лиц, приглашаемых в качестве экспертов, не может быть решен обычным способом. Здесь не действуют правила определения числа респондентов и формирования представительной выборки, применяемые при массовых опросах граждан. Число экспертов определяется сложностью изучаемой проблемы, степенью ее дискуссионности, ценою потерь при допущении ошибки в разрешении проблемы. Число экспертов зависит от уровня их квалификации: чем выше уровень, тем меньше надо экспертов.

Оценка компетентности экспертов производится: до начала экспертизы — на основе официальных сведений о профессии, уровне подготовки, авторитета, узкой специализации лиц, приглашаемых в качестве экспертов; после проведения экспертизы — на основе специальных статистических методов. Наибольший профессиональный вес имеют эксперты, чьи мнения ближе к средним показателям. Экстремальные, нестандартные оценки экспертов далеко отстают от истины и сильно искажают общий результат исследования. Эти «засорения» (на языке кибернетики — «шумы») должны быть устранены, отброшены перед выведением усред-

ненных показателей на основе применения метода экспертных оценок³⁶.

Изложенные выше положения общетеоретического и методологического характера послужат основой дальнейших рассуждений о принципиальной допустимости и желательности применения метода экспертных оценок в интересующей нас области.

1. Наилучший способ определения качества судебного разбирательства — наблюдение экспертов за работой суда и сторон непосредственно в зале суда. Эксперты должны быть «вооружены» вопросником, анкетой или шкалой со всеми основными показателями качества судебного разбирательства.

Особенность этого метода в том, что эксперты сами собирают материал, который затем оценивают. Возможно соединение в одном лице эксперта и исследователя. Но все же лучше, когда эксперты представляют свои оценки исследователю, который анализирует и обобщает их.

Экспертам может быть дано задание оценить качество судебного разбирательства в целом по конкретному делу в баллах (по пяти- или десятибалльной системе оценок). По той же системе эксперты могут оценить уровень процессуальной деятельности отдельных участников процесса — судьи, народных заседателей, прокурора, защитника, общественного обвинителя и общественного защитника, представителей. Возможно ранжирование экспертами участников процесса по степени вклада каждого из них в правильное разрешение дела.

Если эксперты пользуются шкалой показателей, то она должна оставлять простор для их усмотрения. Шкала в данном случае играет роль ориентира, указывающего, по каким показателям надо производить оценку и каковы границы усмотрения экспертов при количественном измерении каждого признака. Метод экспертных оценок отличается от метода шкалирования тем, что эксперты не связаны заранее установленной системой предпочтений. Но их усмотрение все же может быть взято в какие-то рамки, определяемые с учетом предшествующего опыта.

Оценки экспертов должны опираться на показате-

³⁶ См.: Статистические методы анализа экспертных оценок. С. 94, 96, 98, 110.

ли, отражающие ход судебного процесса: законность действий председательствующего и всего состава суда; активность народных заседателей, целесообразность задаваемых ими вопросов; законность отложения и приостановления производства по делу; уровень культуры судебного процесса и его воспитательного воздействия на публику, присутствующую в зале суда; процессуальное поведение сторон — обоснованность заявленных ими ходатайств, отводов, активность в исследовании и оценке доказательств, убедительность позиции, занятой по делу.

В то же время эксперты должны вести неформализованную запись всего интересного и поучительного, что удалось услышать на судебном процессе. Особенно ценна фиксация ошибок, упущений, нарушений процессуального регламента и этических норм в деятельности суда и других участников процесса.

Желательно, чтобы наблюдение за судебным процессом вели сразу несколько экспертов. Это позволит снизить вероятность ошибочных оценок. Перед подведением итогов эксперты должны иметь возможность совещаться между собой.

В качестве экспертов могут быть использованы научные работники или преподаватели вузов, специализирующиеся по уголовному процессу, судебной этике, организации труда в судах. Разновидностью применения этого метода являются посещения судебных процессов в учебных целях группами студентов во главе с преподавателями с последующим детальным разбором каждого процесса. Однако студентам нельзя отводить роль экспертов. Они — технические помощники эксперта, каковым в данном случае является преподаватель вуза. Органы МЮ СССР и вышестоящие суды могли бы использовать посещения судебных процессов студентами и преподавателями вузов для выявления качества судебного разбирательства методом экспертных оценок.

Взаимные посещения и разборы процессов судьями в порядке повышения квалификации можно также рассматривать как применение метода экспертных оценок. Однако эта форма работы пока еще не может претендовать на постоянно действующий способ анализа качества отправления правосудия, поскольку она применяется редко и не внезапно. Метод экспертных оценок может дать искаженную картину, если судья

и народные заседатели заранее знают, что данный судебный процесс будет контролироваться. Поэтому посещения судебных процессов должны быть неожиданными и по возможности скрытыми.

Применение метода экспертных оценок на основе непосредственного наблюдения за ходом судебного процесса уже имеет свою историю. В 1896 г. появилась книга А. М. Бобрищева-Пушкина о деятельности русского суда присяжных, созданного, как известно, в результате судебной реформы 1864 г.³⁷

Автор книги с удивительным трудолюбием и научной добросовестностью на протяжении 13 лет (1882—1895 гг.) осуществлял систематические наблюдения, собирал и анализировал факты. Он присутствовал на 716 процессах суда присяжных в различных губерниях России, закончившихся осуждением 918 и оправданием 590 подсудимых (всего 1508 вердиктов). Исследователь вел записи о том, как шел каждый процесс, какими были позиции сторон, активно ли участвовали они в процессе, как вел себя подсудимый (признавал свою вину, отрицал ее и т. д.), насколько объективным было напутственное слово судьи, какие доказательства были положены в основу вердикта, было ли решение присяжных единогласным и т. д. Собранные данные исследователь подверг классификации и обобщению, а также высказал ряд прогностических соображений о перспективах развития суда присяжных в России³⁸. Таким образом, автор принял на себя функции не только собирания фактов, но и их интерпретации, т. е. выступил в роли эксперта. Истолкование собранного эмпирического материала в работах других авторов представляло собой не что иное, как применение метода экспертных оценок. В частности, на этой фактической основе началась длительная научная дискуссия о судьбах русского суда присяжных в связи с вынесением им большого числа оправдательных вердиктов.

³⁷ См.: *Бобрищев-Пушкин А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных*. М., 1896; *Он же. Атлас таблиц и диаграмм: (Приложение) // Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных*. М., 1896.

³⁸ См.: *Петрухин И. Л. Разоблачение судебных ошибок — гуманистическая традиция в истории общественной мысли (XVIII—XIX вв.) // Политические и правовые учения: Проблемы исследования и преподавания*. М.: ИГПАН, 1978. С. 134—135.

Метод экспертных оценок, сопряженный с непосредственным наблюдением за ходом судебных процессов, был применен авторским коллективом под руководством А. Д. Бойкова (СССР) и Г. Прженосила (ЧССР) при изучении воспитательной роли социалистического правосудия. Исследователи посетили 361 судебный процесс, при этом они вели записи по специально разработанной унифицированной программе. Получены интересные данные о том, разъясняются ли участникам процесса их права, выясняются ли судом и в какой мере условия жизни и воспитания подсудимого, исследуется ли личность потерпевшего, выявляются ли причины и условия, способствовавшие совершению преступления, правильно ли ведется допрос подсудимого, потерпевшего, свидетелей, проверяются ли судом заявления подсудимого о нарушениях законности на предварительном следствии и др. Все эти данные являются исходными для экспертных оценок качества судебного разбирательства как самими исследователями, так и другими авторами.

2. Метод экспертных оценок может быть применен и для выявления латентных (скрытых) ошибок, распространенность которых является важным показателем качества отправления правосудия. Понятно, что качество судебного разбирательства определяется не только уровнем латентных ошибок, но и официальной статистикой отмены и изменения приговоров³⁹. Однако судебная статистика не может дать исчерпывающего представления о распространенности судебных ошибок.

Интуитивно можно полагать, что ошибочные обви-

³⁹ Непонятно, кого критикует А. Ф. Пашкевич, утверждая, что нельзя принимать за критерий оценки качества правосудия в суде первой инстанции только те судебные ошибки, которые остались невыявленными; надо учитывать и выявленные ошибки, т. е. отмененные и измененные приговоры, а иначе «создается видимость достижения высокого... уровня осуществления правосудия» (Пашкевич П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 15).

Конечно, в первую очередь надо учитывать при оценке качества судебного разбирательства официально выявленные и включенные в статистику судебные ошибки, но при этом следует вводить поправку на латентные судебные ошибки, уровень которых можно определить с помощью научных методов исследования. См.: Петрухин И. Л., Баруров Г. П., Морцакова Т. Г. Указ. соч. С. 263—264.

нительные приговоры (их 95% от всех ошибочных приговоров) в подавляющем большинстве обжалуются необоснованно осужденными (их адвокатами). И все-таки далеко не все ошибки выявляются в кассационном порядке. Исключительный, надзорный порядок пересмотра приговоров позволяет обнаружить и исправить дополнительно почти столько же судебных ошибок, сколько было выявлено кассационными инстанциями. Но возможности надзорных инстанций ограничены. Несмотря на большое количество надзорных жалоб (их почти в два раза больше, чем кассационных), уголовные дела при поступлении жалоб истребуются сравнительно редко (в 18—20% случаев поступления жалоб), а протесты в порядке надзора приносятся лишь по 20% истребованных дел (около 4% от поступивших надзорных жалоб).

Таким образом, есть основания полагать, что какое-то число судебных ошибок остаются неисправленными. В это число входят также ошибки, содержащиеся в необжалованных приговорах (как уже указывалось, обжалуется и опротестовывается в кассационном порядке примерно третья часть всех приговоров). Некоторые ошибки не вскрываются и не фиксируются в статистике благодаря правилу о недопустимости «поворота к худшему» для обвиняемого, подавшего кассационную жалобу⁴⁰.

Можно предложить метод выявления латентных судебных ошибок путем выборочного изучения уголовных дел различных категорий научными работниками, изучающими эту проблему (лучше, если исследователи имеют опыт судебной, прокурорской или следственной работы), с последующим применением экспертных оценок. Целесообразно изучать не сразу ошибки всех видов, а отдельно ошибки в доказанности преступления, квалификации, мере наказания и т. д. Было бы неверно изучать уровень латентных ошибок без учета характера преступлений. Этот уровень будет различен применительно к разным составам преступлений. Можно предположить, например, что латентных ошибок, выражающихся в недостаточной доказанности обвинения, будет больше по делам о преступлениях,

⁴⁰ Строго говоря, такие ошибки не являются скрытыми. Однако следовало бы учитывать их в статистической отчетности, поскольку и они характеризуют качество работы судов первой инстанции.

совершаемых чаще всего без свидетелей (изнасилование, дача взятки, преступный аборт и т. п.), и меньше — по делам о преступлениях, совершаемых чаще всего публично (хулиганство, грабеж и т. п.). Понятно, что трудности доказывания преступления, сочетаемые с проводимыми иногда кампаниями по усилению борьбы с отдельными видами преступлений, имеют значение для обоснованных предположений об уровне латентных ошибок того или иного вида.

Перед исследователем неизбежно возникает проблема выборки, которая должна быть достаточной для характеристики всего массива уголовных дел данной категории (этот вопрос разработан в социологии)⁴¹.

Если изучаются латентные ошибки в динамике, то примерно равные массивы дел должны быть изучены с интервалами в несколько лет. Интервалы выбираются не произвольно и, на наш взгляд, не всегда должны быть равными. Выбор интервалов определяется появлением существенных факторов, влияющих на изменения уголовной политики и отражающихся на организации и качестве судебной работы. Необходимо также учитывать, что к концу пятилетнего срока полномочий судьи работают успешнее, чем в начале этого срока. В этом отношении данные исследования тоже должны быть сопоставимы.

Изучая уголовные дела, исследователи отбирают из них те, которые, по их мнению, разрешены неправильно. По каждому изученному делу составляется первичный документ, содержащий предусмотренные программой исследования данные. Целесообразно предварительное обсуждение каждого сомнительного дела группой исследователей (авторским коллективом) с тем, чтобы мнение о наличии латентной ошибки родилось в дискуссии и было коллегиальным. Далее для оценки дел привлекаются эксперты.

Представляется, что в качестве экспертов лучше всего пригласить видных ученых, не связанных стандартами и стереотипами, выработанными практикой, но хорошо знающих не только теорию, но и практику. Эксперты должны быть выдающимися специалистами

⁴¹ См.: *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. Пер. с фр./Под ред. В. А. Туманова, В. П. Казимирчука. М.: Прогресс, 1972. С. 398—402; *Гаврилов О. А.* Математические методы и модели в социально-правовом исследовании. М.: Наука, 1980. С. 46—52.

в данной узкой области знания. Экспертами могут быть также судьи, прокуроры и адвокаты из других регионов. Каждому эксперту необходимо предоставить точные характеристики дел, предварительно признанных сомнительными, и попросить его высказаться по изучаемому вопросу: считает ли он обвинение доказанным, квалификацию правильной, наказание соразмерным и т. д. Во избежание тенденциозности экспертам необходимо предоставить первичные документы не только на сомнительные, но и на бесспорные дела. При этом эксперт не должен знать, как предварительно оценили эти дела исследователи.

Суммарные мнения экспертов позволят выявить в научных целях дела, по которым судебные ошибки остались невыявленными. Опираясь на мнение экспертов, можно поставить вопрос об отмене или изменении приговора в порядке надзора перед компетентными должностными лицами. В дополнение к этому методу может быть проведен опрос осужденных по заранее изученным сомнительным делам после полного отбытия наказания с разъяснением им процедуры, гарантирующей невозможность «поворота к худшему». Опрос осужденных до отбытия ими наказания не годен для целей исследования, так как многие из них добиваются пересмотра приговора даже при полной доказанности преступления или полагают несправедливым даже вполне гуманное наказание.

Авторы этой работы изучили в одном из областных судов 50 уголовных дел об изнасилованиях (ч. 3, 4 ст. 117 УК РСФСР), по которым было осуждено 82 лица (приговоры вступили в силу). Это составляло 62% дел этой категории, рассмотренных облсудом (по первой инстанции) в течение года. Выборка была случайной (дела брали с полок в архиве подряд). По изучении каждого дела заполнялся стандартный первичный документ, где подробно отражались обстоятельства дела и система доказательств, послужившая основанием для вынесения обвинительного приговора. Исследователи отобрали те дела, по которым приговор, с их точки зрения, не основывается на достаточной совокупности доказательств, т. е. является, как они полагают, необоснованным (25% изученных дел). Полученные данные будут верифицированы методом экспертных оценок. Исследование еще не завершено.

Попытку определить уровень латентных судебных

ошибок путем изучения рассмотренных уголовных дел предпринял авторский коллектив Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. В четырех народных судах г. Москвы авторы изучили уголовные дела и отобрали из них те, которые «вызывают замечания». Затем они сравнили число этих дел с числом отмененных и измененных приговоров в данном народном суде.

Суд А: дел, вызвавших у исследователей «замечания», — 13%, а отмененных и измененных приговоров — 0,9% (в 14 раз меньше); суд Б: соответственно 11,5 и 1,9% (в 6 раз меньше); суд В: соответственно 20 и 1,0% (в 20 раз меньше); суд Г: соответственно 28 и 1,0% (в 28 раз меньше)⁴².

В данном случае исследователи сами и изучали дела, и их оценивали. Полученные ими данные вызывают некоторые сомнения. Что значит дела, которые «вызвали замечания»? Речь идет о «замечаниях», которые не влекут постановку вопроса об отмене или изменении приговора? Если так, то зачем сравнивать их с процентом отмененных и измененных приговоров? Если же «замечания» указывают на необходимость отмены или изменения приговоров, то поражает большое расхождение между числом выявленных и невыявленных судебных ошибок. Латентных ошибок в четырех обследованных судах оказалось соответственно в 14, 6, 20 и 28 раз больше, чем выявленных. Вряд ли такое возможно.

Предпринята попытка применить иной вариант метода экспертных оценок. На собрании руководящих судебных работников роздана анонимная анкета, содержащая всего два пункта: «1. Укажите процент отмены приговоров в вашей республике (области, крае) за истекший год. 2. Укажите, каким был бы этот процент, если бы кассационные и надзорные инстанции предъявляли к приговору максимально строгие требования». Разница между процентами, указанными в п. 1 и 2, характеризует уровень латентных судебных ошибок.

Заполнению анкеты предшествовала определенная подготовительная работа. Сначала надо было выявить

⁴² См.: Алексеева Л. Б., Левакова Э. Н., Михайлова Т. А. и др. Система оценок работы судебных органов // Проблемы совершенствования уголовного судопроизводства. М., 1976. Ч. 1. С. 28.

и осознать проблему. При изучении статистики отмененных приговоров за ряд лет выяснилось, что число отмененных приговоров парадоксально увеличивалось после мероприятий, направленных на укрепление судебной системы. Так было в первые послевоенные годы, когда число отмененных приговоров возросло более чем в два раза по сравнению с военным временем, хотя условия судебной работы изменились в лучшую сторону (на основании постановления ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране» были подготовлены квалифицированные судебные кадры, улучшилась организация работы в судах, были устранены ограничения военных лет в кассационном обжаловании приговоров и т. д.)⁴³. Такое же явление наблюдалось и в 1971 г., когда всего лишь за один год число отмененных приговоров возросло на 26%, хотя уровень судебной работы несомненно поднялся в связи с принятием постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 г. «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов»⁴⁴, образованием в 1970 г. союзно-республиканского Министерства юстиции, улучшением условий работы и материально-технического обеспечения судов.

Выявленные статистические парадоксы давали основание предположить: 1) чем больше отменяется приговоров, тем лучше; 2) увеличение числа отмененных приговоров — свидетельство усиления требований к приговору со стороны кассационных и надзорных инстанций; 3) приращение процентов отмены приговоров в периоды, когда требования к приговору со стороны вышестоящих судебных инстанций возрастали, есть величина невыявлявшихся (латентных) судебных ошибок в предшествующие им периоды.

Так обрисовалась проблема латентных судебных ошибок и наметились подходы к ее разрешению⁴⁵.

⁴³ Соц. законность. 1946. № 11/12. С. 13.

⁴⁴ Справочник партийного работника. М., 1971. Вып. 11. С. 321.

⁴⁵ Эту проблему неосновательно отрицает В. Д. Арсеньев, который пишет: «...принципиально недопустимо считать судебной ошибкой то, что официально в установленном законом порядке не признано таковой» (Арсеньев В. Д. О некоторых специфических чертах познавательной стороны уголовно-процессуального доказывания // XXVI съезд КПСС и правоприменительная деятельность. Иркутск, 1982. С. 140). Однако из этого никак нельзя сделать вывод о том, что при-

Решено было прибегнуть к методу экспертных оценок, чтобы удостовериться в наличии (или отсутствии) латентных судебных ошибок и попытаться, хотя бы приблизительно, измерить их уровень. Как уже отмечалось, в качестве экспертов были использованы руководящие судебные работники — члены Верховных судов союзных и автономных республик, областных и краевых судов, занимающиеся рассмотрением уголовных дел в кассационном и надзорном порядке (всего 41 человек). Средний стаж судебной работы экспертов 20 лет. Все они — из разных союзных республик, областей и краев.

Мнения экспертов были получены путем комбинирования двух описанных выше методов — «мозговой атаки» и анкетирования. Сначала была применена «мозговая атака». Экспертам был предъявлен график с достоверными статистическими данными о числе отмененных и измененных приговоров по Союзу ССР за период с 1938 г. по настоящее время. На графике были выделены «пики», когда число отмененных приговоров резко возрастало. Обсуждался вопрос, какие события в общественно-политической жизни, в деятельности органов уголовной юстиции предшествовали появлению этих «зигзагов» судебной статистики. Ставился вопрос: можно ли всегда рассматривать рост числа зафиксированных в статистике судебных ошибок как признак реального ухудшения работы судов первой инстанции или это могло быть вызвано улучшением работы кассационных и надзорных инстанций?

Разгорелась острая дискуссия, поощряемая исследователем. Многие эксперты говорили о том, что после образования в 1970 г. Министерства юстиции СССР у членов вышестоящих судов появилась иллюзия, что

говory, законность и обоснованность которых не проверялась, признаются безошибочными на все времена. Проблема необнаруженных (латентных) ошибок реальна. И эта реальность отражается законом в установлении порядка пересмотра переговоров, вступивших в законную силу. Наука же должна предложить свои пути выявления латентных судебных ошибок. Иначе ей пришлось бы присоединиться к отсталому прагматическому взгляду некоторых практиков, утверждающих не без собственной выгоды, что все судебные ошибки — в официальной статистике. При таком подходе логично было бы считать, что нет и латентной преступности, поскольку все преступления должны фиксироваться в статистике. Однако никто из криминологов латентную преступность не отрицает.

они больше не несут никакой ответственности за формальные показатели работы судов первой инстанции и что, следовательно, можно отменять и изменять приговоров столько, сколько нужно. Резко повысились требования к законности и обоснованности приговоров, и в результате этого увеличилось число отменяемых и изменяемых приговоров. Ухудшение цифровых показателей работы народных судов вызвало тревогу в Министерстве юстиции и его органах на местах. Было обращено внимание на то, что министерство делит ответственность за состояние работы народных судов с вышестоящими судами. После этого число отменяемых приговоров стало падать. Эксперты говорили о том, что не надо возлагать на членов вышестоящих судов ответственность за формальные показатели работы народных судов (проценты отмены и изменения приговоров). Отменяя как можно больше незаконных и необоснованных приговоров, члены вышестоящих судов добиваются реального, а не мнимого улучшения качества разбирательства уголовных дел в судах первой инстанции. Многие эксперты говорили, что у них «связаны руки»: видят, что приговор надо отменять, но не делают этого, так как объявлена всеобщая борьба за стабильность приговоров (уменьшение процента отменяемости и изменяемости).

Дискуссия привела к консолидации мнений экспертов. Тогда перед ними были поставлены три вопроса: 1) есть ли латентные судебные ошибки; 2) если есть, то какого они характера; 3) основная причина латентных ошибок. Мнения экспертов были получены путем открытого голосования с предоставлением возможности выступить по мотивам голосования. При этом принималось во внимание, что эксперты находятся вне службы (в Институте усовершенствования), что они не связаны между собой должностной зависимостью, работают в разных регионах и после окончания учебы, возможно, никогда больше не увидят друг друга. Все это гарантировало полную самостоятельность экспертов, их откровенность и искренность.

На первый вопрос (есть ли латентные судебные ошибки) все эксперты ответили утвердительно. На вопрос о характере латентных ошибок эксперты ответили так: больше всего латентных ошибок приходится на те случаи, когда приговор не отменяется при наличии существенных нарушений процессуального закона

(96% экспертов), на втором месте — неправильное применение меры наказания (87% экспертов), на третьем — неполнота и необъективность исследования обстоятельств дела судом (83% экспертов). Отвечая на третий вопрос, эксперты единогласно отметили, что основная причина латентных судебных ошибок — возложение на членов вышестоящих судов ответственности за цифровые показатели качества работы народных судов и «борьба» за снижение процентов отмены и изменения приговоров.

Далее экспертам была роздана упомянутая выше краткая анонимная анкета, предназначенная для выявления уровня латентных судебных ошибок. Усредненный результат, полученный при обработке заполненных анкет, таков: латентные ошибки, которые следовало бы выявить и исправить путем отмены приговоров в кассационном порядке, составляют 54,01% в дополнение к официальным цифрам, характеризующим отмену согласно судебной статистике (100%). Далее эти цифры были скорректированы путем отбрасывания крайних мнений, отстоящих от средней арифметической в ту или другую сторону более чем на 30%. Всего лишь 9 экспертов из 41 отклонились на эту величину (в зачет попали 32 эксперта).

Усредненная величина на основе мнений лишь указанных 32 экспертов дает более точное представление об уровне латентных ошибок (30,5%). Это и есть итог исследования. Компетентность экспертов была проверена и постфактум путем определения средней величины разброса мнений. Было выделено «ядро» экспертов по тому признаку, что их мнения расходятся не более чем на 10%. Таких экспертов оказалось 17, т. е. более половины, что вполне подтверждает компактность основной группы опрошенных и их достаточную компетентность.

Через два года исследование было повторено. Опрашивались в качестве экспертов члены областных и краевых судов, занятые кассационной работой (всего 35 человек). Методика была прежней. Получены результаты, очень близкие к предыдущим. Усредненный уровень латентных судебных ошибок в компактной группе с разбросом мнений до 30% в ту или другую сторону (27 человек) составил 31%. Совпали мнения обеих групп экспертов об основной причине латентных ошибок (стремление к лучшим цифрам отмены и из-

менения приговоров) и о распределении основных видов латентных судебных ошибок: на первом месте — существенные нарушения процессуального закона, на втором — несоразмерность назначенного судом наказания, на третьем — неполнота и односторонность судебного разбирательства.

При проведении исследований не ставилась задача измерить уровень тех латентных ошибок, которые должны были быть исправлены путем изменения приговоров, поскольку на этот показатель сильно влияют колебания уголовной политики. Но в принципе такие исследования возможны.

Следует отметить, что мнения судей-экспертов не априорны. Они основаны на глубоком изучении уголовных дел, прошедших через кассационные инстанции, т. е. в основе мнений лежат достоверные данные о качестве судебного разбирательства конкретных дел. Косвенно эти мнения подтверждаются статистикой: если за 100% принять судебные ошибки, выявленные надзорными инстанциями, то около 40% из них могли быть обнаружены раньше кассационными инстанциями, однако последние этих ошибок не заметили.

Учитывая возможную односторонность экспертов-судей, было решено измерить уровень латентных судебных ошибок с помощью экспертов-адвокатов, а затем сравнить мнения обеих профессиональных групп. Для этой цели были выбраны 10 известных адвокатов из разных юридических консультаций г. Москвы. Применен метод анкетирования. Анкеты были направлены адвокатам и получены назад по почте. Ниже приводятся усредненные данные, полученные в результате обработки заполненных анкет. В течение одного года 10 адвокатов защищали в судах 267 подсудимых, из них 263 (98,6%) были осуждены. Из осужденных, по мнению адвокатов, 70 человек (27%) должны были быть признаны невиновными полностью или в части предъявленных им обвинений. Фактически судами всех инстанций признаны невиновными 30 человек. Значит, по мнению адвокатов, судебные ошибки, связанные с осуждением невиновных, остались неисправленными в отношении 40 человек, т. е. 15,2% осужденных. Напомним, что, по мнению судей, число латентных судебных ошибок этого вида составляет 30,5% от числа осужденных, в отношении которых ошибки были официально исправлены кассационными инстан-

циями. Если же за 100% принять все вынесенные приговоры, то число латентных ошибок по мнению судей — примерно 1,0%, тогда как по мнению адвокатов — 15,2%. Эти цифры можно сравнивать лишь в самом первом приближении, так как судьи не ответили на вопрос об уровне латентных ошибок после прохождения дел через надзорные инстанции, а также в случаях, когда ошибку надо было исправить путем отмены приговора лишь в части предъявленных обвинений. И все же разница во мнениях судей и адвокатов весьма ощутима. Истина лежит, вероятно, где-то посередине.

В отличие от судей адвокаты были опрошены и об уровне уголовно-правовых латентных ошибок. По их данным, 52 подсудимых были неосновательно осуждены по более строгой, чем это необходимо, статье Уголовного кодекса. Из них в отношении 20 человек ошибки исправлены вышестоящими инстанциями. Значит, уровень латентных ошибок составил 12,1% от всех осужденных. Ошибки в виде назначения излишне строгого наказания были допущены и не исправлены в отношении 76 человек (29,6% от всех осужденных).

Сумма латентных, не выявленных вышестоящими инстанциями судебных ошибок в виде осуждения невиновных (15,2%), неправильной юридической квалификации деяния (12,1%) и неосновательного завышения наказания (29,6%), составила, по мнению адвокатов, 56,3% от всех осужденных. Полученные данные отражают субъективное мнение адвокатов и не вполне пригодны для достоверных выводов, однако они раскрывают методику исследования и дают представление о том, как оценивают адвокаты качество судебного разбирательства.

Своеобразным методом экспертных оценок является изучение рассмотренных уголовных дел при проведении проверок организации работы судов работниками Министерства юстиции с привлечением судей вышестоящих судов. Судьи участвуют в проверках главным образом для изучения дел, поскольку без данных о качестве их рассмотрения нельзя сделать достаточно обоснованный вывод об уровне организации судебной работы. По данным исследования, во время проверок удается изучить до 70% уголовных дел. Особое внимание уделяется изучению дел, не бывших предметом рассмотрения кассационной инстанции. Судебные

ошибки, выявляемые при проведении проверок, можно считать латентными (они перестают быть таковыми после удовлетворения протеста в порядке надзора, принесенного по инициативе проверяющих). Лица же, выявившие эти ошибки, являются экспертами в социологическом смысле слова. Большую объективность экспертов могло бы обеспечить включение в состав комиссии по проверке суда тех членов областного (краевого) суда, которые не ведают данной «зоной» и, следовательно, не несут никакой ответственности за состояние работы проверяемого учреждения.

3. Метод экспертных оценок применялся также для общей оценки качества судебного разбирательства в баллах. По усредненному мнению упомянутых выше десяти экспертов — адвокатов г. Москвы, качеству судебной работы (уголовные дела) даны по пятибалльной системе такие оценки: судьям первой инстанции — 3,1, народным заседателям — 2,2, судьям второй инстанции — 2,1, судьям ближайшей надзорной инстанции — 2,2 балла⁴⁶. Как видим, оценки невысоки и нуждаются в проверке путем увеличения выборки, расширения «географии» исследования и подключения к нему других профессиональных групп. Но все же судьи первой инстанции получили от адвокатов самый высокий балл.

4. Метод экспертных оценок был применен нами для выявления мнений практических работников по спорным теоретическим проблемам, решение которых предопределяет внесение изменений в действующее законодательство.

Для примера возьмем группу вопросов, связанных с проблемой расширения права на обжалование определений (постановлений) суда (судьи) первой инстанции. Напомним (см. первую главу), что жалоба рассматривается нами как сигнал о неблагополучии, позволяющий вышестоящему суду оценить качество судебного разбирательства. Жалобы на действия и решения суда первой инстанции, принесенные до вынесения приговора, ценны тем, что вышестоящий суд получает возможность предупредить вынесение незаконного и необоснованного приговора.

На рассмотрение экспертов, из которых 250 адвока-

⁴⁶ Деятельность защиты в судебных процессах адвокаты оценили 3,8 балла, что свидетельствует об умеренной степени самокритичности экспертов.

тов и 267 членов Верховных судов союзных и автономных республик, областных и краевых судов, были поставлены вопросы о целесообразности дополнения ст. 331 УПК РСФСР указанием на допустимость кассационного обжалования постановления судьи и предания обвиняемого суду, определения распорядительного заседания суда и частного определения.

Вопрос о необходимости предоставить подсудимому и защитнику право на кассационное обжалование указанных определений неоднократно ставился в советской юридической литературе. При этом отмечалось, что обжалование актов о предании обвиняемого суду необходимо, когда обвиняемый или защитник считают обвинение необоснованным и просят прекратить дело, не согласны с квалификацией деяния, настаивают на проверке заявлений о нарушениях законности в стадии предварительного расследования или предания суду, возражают против избранной меры пресечения. Обжалование подсудимым и защитником определений суда о возвращении дела для доследования помогло бы устранить порочную практику, когда при наличии достаточных оснований для вынесения оправдательного приговора суд возвращает дело для доследования. Обжалование частных определений оправдано в тех случаях, когда в них приводятся сведения, порочащие подсудимого⁴⁷.

Предоставляя право опротестования указанных актов прокурору, закон тем самым ставит его в привилегированное положение по отношению к подсудимому и защитнику.

Несмотря на убедительность приведенных аргументов, законодатель продолжает воздерживаться от внесения дополнений в ст. 331 УПК РСФСР. Быть может, эти аргументы не убеждают? Для ответа на данный вопрос были опрошены в качестве экспертов пред-

⁴⁷ См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1970. Т. 2. С. 419; *Перлов И. Д.* Кассационное производство в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1968. С. 66—69; *Лушинская П. А.* Право жалобы в уголовном судопроизводстве в свете Конституции СССР // *Тр. ВЮЗИ*. М., 1979. С. 149—150; *Куцова Э. Ф.* Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973. С. 36—39; *Кереселидзе Д. С.* Обжалование подсудимым определений суда первой инстанции // *Суд и применение закона*. М. ИГПАН СССР, 1982. С. 102—108.

Вопрос, ответ	Адвокаты (250)		Судьи (267)	
	Абсолютное число	% от 250	Абсолютное число	% от 267
Нужно ли предоставить право подсудимому и защитнику обжаловать постановление судьи о предании суду				
1. Нужно	228	91,2	42	15,7
2. Не нужно	22	8,8	225	84,3
3. Не ответили	—	—	—	—
Нужно ли предоставить право подсудимому и защитнику обжаловать определение распорядительного заседания суда				
1. Нужно	226	90,4	50	18,7
2. Не нужно	22	8,8	217	81,3
3. Не ответили	2	0,8		
Нужно ли предоставить право подсудимому и защитнику обжаловать определение суда первой инстанции о возвращении дела для доследования				
1. Нужно	223	89,2	136	51,0
2. Не нужно	21	8,4	130	48,7
3. Не ответили	6	2,4	1	0,3
Нужно ли предоставить право подсудимому и защитнику обжаловать частные определения суда первой инстанции				
1. Нужно	250	100,0		Нет данных
2. Не нужно	0			
3. Не ответили	0			

ставители двух разных профессиональных групп (см. таблицу).

Приведенные данные очень выукло показывают существенную разницу между адвокатами и судьями в оценке необходимости кассационного обжалования определений суда подсудимым и защитником. Адвокаты — за такое обжалование, а судьи — в основном против. В теории уголовного процесса не подвергается сомнению позиция, занятая адвокатами. Кто же прав?

Думается, что все-таки адвокаты и теоретики. Первые на себе испытывают отмеченное выше неравноправие между обвинением и защитой. Защитник действительно нуждается в праве на обжалование определений суда, серьезно затрагивающих интересы подзащитного. Теоретиков права, поддерживающих эту позицию адвокатов, в данном случае трудно обвинить в необъективности, тем более что противников этого взгляда в теории как будто нет. Почему же в таком случае судьи отстаивают противоположное мнение? В общем виде это можно объяснить их профессиональной незаинтересованностью в расширении кассационного обжалования. Увеличится и без того немалый поток жалоб. Каждую жалобу надо рассматривать в кассационном заседании, для участия в котором привлекаются три постоянных члена суда. Это большой объем работы, дополнительные затраты времени и сил.

На увеличение штата судов судьи не надеются, зная, как трудно решаются такого рода вопросы. Расширение кассационного обжалования несколько увеличит общие сроки прохождения уголовных дел через суды. Судьи могут также исходить из того, что обжалование (хотя и несколько запоздалое) нарушений закона в стадиях предварительного расследования и предания суду, а равно частных определений может быть осуществлено путем подачи основной кассационной жалобы после вынесения приговора.

На этом примере мы видим, что после получения экспертных оценок нужен тщательный анализ аргументации «конфликтующих» групп экспертов и профессиональной обусловленности их мнений. Бремя принятия окончательного решения лежит на исследователе.

Завершая далеко не полное изложение этой проблемы, хотелось бы подчеркнуть, что научные исследования качества судопроизводства с применением метода экспертных оценок должны быть приняты «на вооружение» государственными органами, контролирующими деятельность судов, — Министерством юстиции СССР, Верховным судом СССР. Эти методы следовало бы включить в арсенал многообразных средств (проверки судов, обобщения уголовных дел, анализа статистики и др.), применяемых соответствующими государственными органами для оценки качества отправления правосудия.

Оглавление

Введение	3
--------------------	---

Раздел первый

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Глава первая

Уголовно-процессуальные формы и средства оценки качества рассмотрения уголовных дел	14
--	-----------

1. Процессуальный контроль и оценка качества судебной деятельности	15
2. О выполнении судом контрольных функций по отношению к расследованию	24
3. Система процессуальных средств оценки качества судебного разбирательства	47

Глава вторая

Значение оснований отмены (изменения) приговоров для оценки качества судебного разбирательства	69
---	-----------

1. Признаки состава и квалификация процессуальных нарушений, влекущих отмену или изменение приговоров (постановка вопроса)	69
2. Признаки и разграничение «фактических» процессуальных оснований отмены (изменения) приговоров. Их идеальная и реальная совокупность	98
3. Существенные процессуальные нарушения	112

Раздел второй

СТАТИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Глава третья

**Использование судебной статистики для оценки качества
судебного разбирательства 138**

1. Общие статистические показатели 138

2. Развитие общих статистических показателей 161

Глава четвертая

**Использование данных социологических исследований для
оценки качества судебного разбирательства 176**

1. Анкетный метод 178

2. Метод шкалирования 196

3. Метод экспертных оценок 215

**Тамара Георгиевна Морцакова,
Игорь Леонидович Петрухин**

**ОЦЕНКА КАЧЕСТВА
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
(по уголовным делам)**

Утверждено к печати
Ученым советом
Института государства
и права АН СССР

Редактор издательства Л. В. Ильина
Художник А. И. Когановский
Художественный редактор М. Л. Храмцов
Технический редактор Т. А. Калинина
Корректоры Л. Р. Мануильская, М. Ф. Сафонова

ИБ № 35733

Сдано в набор 05.03.87
Подписано к печати 22.04.87.
А-01773. Формат 84×108^{1/32}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая
Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр. отт. 12,8. Уч.-изд. л. 13,8
Тираж 5300 экз. Тип. зак. 234
Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Укрепление правовой основы Советского государства связано с постоянной заботой об искоренении любых ошибок и нарушений закона в судебной деятельности. Для этого необходимо иметь достоверную и полную информацию о том, как осуществляется правосудие. Основанная на научных методах оценка качества судебного разбирательства по каждому уголовному делу, социальный контроль за судебной деятельностью служат укреплению законности в уголовном судопроизводстве и повышению его эффективности.

